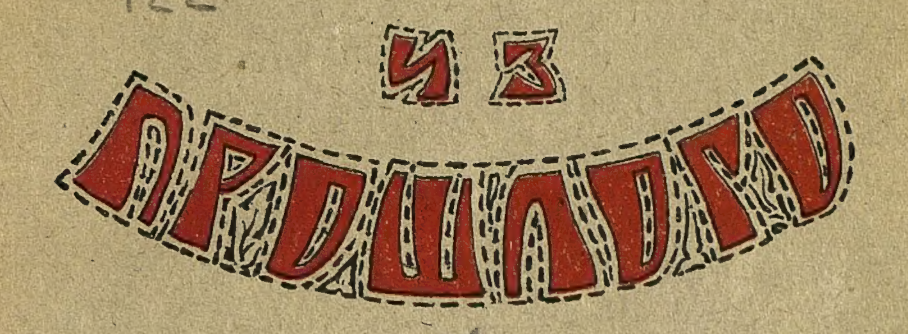
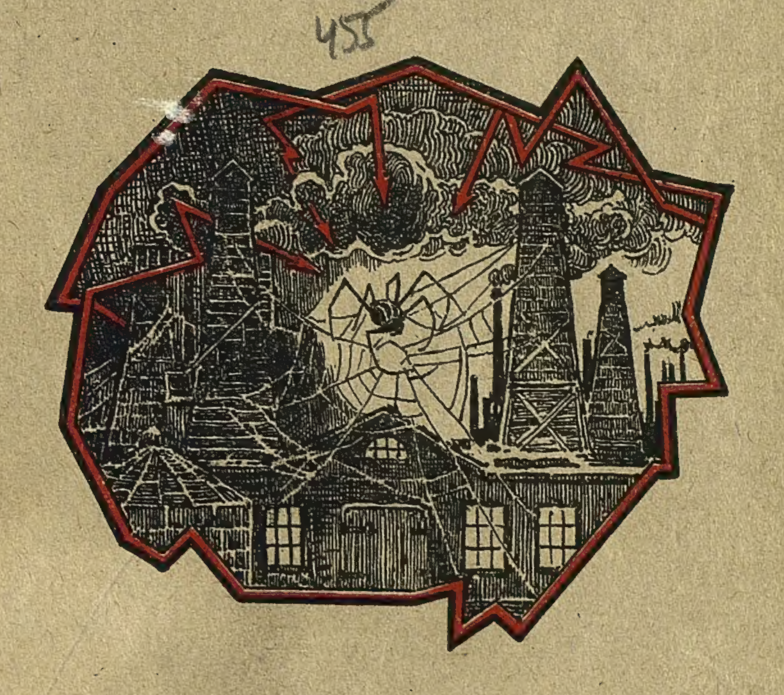
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БАКИНСКИЙ КОМИТЕТ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

„БАКИНСКИЙ РАБОЧИЙ“

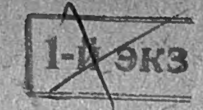
1923 г.

Гослит. Азполиграфтреста, Баку.

Замеченные опечатки:

Страница:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Следует читать:*
8	21-я сверху	на улицы лишь по вечерам). Конспирир.	на улицы лишь по вечерам) конспирироваться.
14	2-я „	1904—1908 г.	1904—1917 гг.
79		в конце статьи пропущена подпись М. Ш.	
88	11-я „	в 1912 году	в 1902 году.

Азлит. 219. 2 Гостипография Азполиграфтреста Н. К. П. Т. 4157—2000 экз.

Бакинский Комитет Азербайджанской Коммунистической Партии.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИЗ ПРОШЛОГО.

Статьи и воспоминания из истории Бакинской Организации и рабочего движения в Баку.

Кооперативное Издательство
„БАКИНСКИЙ РАБОЧИЙ."

Предисловие.

История бакинского рабочего движения и бакинской организации нашей партии имеет в своем прошлом блестящие и героические страницы борьбы за экономическое, политическое и духовное освобождение рабочего класса от гнета капитала, самодержавия и диктатуры национальной буржуазии. Являясь одной из наиболее пролетарских организаций во всем Закавказье, наша бакинская организация играла весьма выдающую роль в истории всего закавказского рабочего движения, и из ея среды вышел целый ряд крупных работников, игравших впоследствии руководящую роль во всероссийском рабочем движении. Правда, в истории рабочего движения в Баку известны периоды, когда влияние на рабочий класс сосредоточивалось в руках мелко-буржуазных социалистов—меньшевиков, эс-эров и дашнаков, а рабочее движение замыкалось в узкие рамки экономической, узко-профессиональной борьбы, но Бакинскому Комитету нашей партии, поскольку он всегда стоял теоретически и практически на правильной позиции, поскольку он правильно учитывал тенденции революционного развития всего рабочего движения, поскольку он всегда держался правильной марксистской линии,—Бакинскому Комитету всегда удавалось выпрямлять линию бакинского рабочего движения и уничтожать вредные соглашательские иллюзии в рабочей среде, конечно, не без ожесточенной борьбы со всеми мелко-буржуазными социалистами, претендовавшими на общее руководство рабочим движением.

К сожалению, это столь богатое содержание бакинского рабочего движения еще не нашло до сих пор соответствующего выражения ни в общей нашей истпартовской прессе, ни в отдельных печатных трудах. Бакинская организация не имеет еще до сих пор своего историка и исследователя. До более или менее полной истории бакинского рабочего движения нам еще далеко. Необходимо начать предварительное накопление исторических материалов и документов, которые послужат источником для будущего историка.

Выпускаемый сборник, посвященный истории рабочего движения и бакинской организации нашей партии, имеет своей задачей заполнить этот пробел и содействовать накоплению этих материалов. При том состоянии, в котором находится дело изучения, разработки и собирания материалов по истории нашего прошлого, сборник никаких других целей, кроме опубликования накопленного, наиболее ценного материала, и ставить себе не мог. Вполне естественно поэтому, что он страдает многими недочетами, недостатками, пробелами в освещении того или другого периода в истории нашего прошлого.

Однако, при всем сознании всех этих недостатков, редакция не считала для себя возможным отказаться от его издания и льстит себя надеждой, что выпускаемый сборник несомненно принесет большую пользу всем тем, кто заинтересуется изучением и разработкой прошлого нашей организации и бакинского рабочего движения в целом.

Помимо того, редакцией при выпуске сборника руководило и то соображение, что члену бакинской организации АКП весьма важно быть знакомым с богатейшей историей бакинского рабочего движения и бакинской организацией нашей партии, насчитывающей более двух десятков лет. Глубокое и осмысленное усвоение того наследства, которое мы получили в результате 20-летней истории нашей организации, составляет необходимую предпосылку для выработки из молодых наших товарищей сознательных и устойчивых борцов за Коммунизм.

Л. Миндлин.

г. Баку,
5-е июня 1923 г.

Бакинская организация в прошлом.

Из прошлого.

Формальное об'единение РСДРП, завершенное на так. назыв. «об'единительном» с'езде (по нашему IV-й, меньшевики считали его III-м, сам с'езд назвал себя «об'единительным», оставив открытым вопрос, 3-й ли это с'езд партии или 4-й), происходившем летом 1906 года в Стокгольме, дало особенно сильные трещины во второй половине года.

К этому времени стала восходить звезда Столыпина, уже одержавшего крупную победу над разогнанной первой думой и кадетской партией, задушившего легальную социалистическую прессу и введшего полевые суды, но еще не решившегося на такой переворот (арест с.-д. думской фракции, изменение избирательного закона), какой он осуществил в июне 1907 года.

Формально партия была едина. Были едины руководящие центры партии; была одна программа, общие местные организации, мало того, единые... резолюции по главнейшим вопросам тактики. Но все это было только «на бумаге». На деле же каждая из «фракций» имела «нелегально» друг от друга свои руководящие (местные и общие) центры и совершенно разные линии по всем почти без исключения вопросам политики и тактики. Что касается политики и тактики, то на сей предмет у меньшевиков бывало даже не по одной «линии», а по несколько, так как Аксельрод давал свои лозунги (взять хотя-бы «широкую рабочую партию» или рабочий с'езд), Плеханов свои (взять хотя бы «полновластную думу»), ЦК партии свои (взять хотя бы пресловутую «черносотенную опасность и «поддержку кадетской оппозиции», но без плехановских «излишеств»); «Бунд», троцкисты и кавказские меньшевики от поры до времени также выступали с теми или иными предложениями. Само собой разумеется, что у большевиков это «разнообразие» совершенно отсутствовало: ответы на вопросы («лозунги») были едины и определенны во всех тех случаях, когда само положение было недвусмысленно и ясно; в тех же случаях, когда положение было запутано—«лозунги» заменялись жестокой критикой врага [1]).

---

[1]) Вспоминается следующий случай. В перводумский период меньшевики особенно густо поливали „лозунгами" (петиции, поддержка тех или иных выступлений или законопроектов, ответственное министерство и т. д.). Вот однажды мы. группа петроградских работников, стали указывать В. И. Ленину на все неудобства нашего положения. Они,—жаловались мы,—то и дело угощают рабочих новоиспеченными, свеженькими блинами—„лозунгами", а мы только то и знаем, что критикуем кадетов, да нападаем на них, меньшевиков—за эти их выдумки. А положительных ответов на эти вопросы (на требование ответств. м-ства мы ответили и ответили категорически: „Нет"!) не даем. На это Ленин, не без обычного лукавства, заметил нам, приблизительно, что де не во всякую дрянь благоприлично впутываться и что бывает такое „бестактное" положение, когда голая критика во сто раз существеннее и „тактичней" любой „тактической директивы", которая (как в данном случае) только компрометирует.

Справедливость требует, впрочем, отметить что в интересующее нас время (вторая полов. 6-го года) выкинутый Лениным лозунг об организации вооруженных отрядов для мыслившегося ему осенью вооруженного восстания («тройки» и «пятки») общего сочувствия в большевистской части партии в целом (о меньшевиках и говорить нечего) не встретил, так как, во первых, так наз. «партизанские отряды» и их «выступления» к тому времени уже достаточно определялись как сила крайне отрицательная [1]), во-вторых, в вооруженное восстание осенью, заранее к тому назначенное и организованное из центра—плохо верилось.

Так обстояло дело в области тактики и политики. Организационно же, как уже выше отмечено, обе фракции имели свои («нелегальные» друг от друга) центры. Впрочем, дело обстояло не всегда и не всюду так. Были, во-первых, некоторые города и целые районы, где меньшевики (в иных случаях и большевики) либо составляли ничтожное, стало быть часто неорганизованное меньшинство, либо их вовсе не было [2]). Польша, например, Прибалтийский край, Урал, весь центральный район—были сплошь, почти на все сто процентов большевистские (в Петрограде и особенно в Москве мы имели подавляющее большинство). Ростов, Грузия, Одесса и вообще непромышленная часть Юга, почти сплошь меньшевистские. Затем, во-вторых, надо иметь в виду, что Стокгольмский («об'единительный») с'езд дал не только формальное об'единение, но и формальное большинство меньшевикам. А стало быть партийные центры и, прежде всего, центральный комитет состоял в большинстве своем из меньшевиков и поэтому тут уж меньшевикам нужды не было в самостоятельном фракционном центре (хотя таковой, по нашим тогдашним сведениям, может быть и не совсем оформленный, все таки существовал). Во всяком случае формальное большинство меньшевиков в руководящих центрах партии, давая им громадные преимущества, толкало большевиков, имевших фактическое большинство в партии, на так наз. «нелойяльные» пути, о чем меньшевики неустанно твердили всюду и везде.

---

1) Пишущему эти строки пришлось летом 1906 года вместе с Бубновым и Алексинским (известным ренегатом Алексинским) участвовать в ликвидации „экса" в Иваново-Вознесенске и Шуе (об этом „эксе" знала шуйская организация (где, между прочим, работал тогда тов. Фрунзе). При этом экситы вели себя так, что их пришлось распустить и, помнится, кое кого исключить из организации. В Костроме была также не совсем хорошая история. „Боевики" всего центрального района устроили даже нелегальную от партии конференцию, на которой вопреки постановлению Стокгольмского с'езда и отрицательному отношению самих большевиков, постановили допустить „эксы" и в отношении частных лиц. Не лучше обстояло дело и на Урале. Пишущему эти строки по поручению Б. К. пришлось позже вместе с Исидором Рамишвили расследовать и отчасти ликвидировать некоторые дела и в Баку. Тут дело обстояло несколько лучше, но и тут было не все хорошо. Выяснилось, например, косвенное, правда, участие (не предупредили, укрыли) наших отдельных боевиков в убийстве д-ра Шейнина. Во всех таких случаях боевики резко нападали на нас „теоретиков", „заседателей", грозили даже подчас оружием называли себя „людьми дела", а нас, „умственным центром"—не более.

2) В Иваново-Вознесенске рабочие как то просили устроить дискуссию о меньшевиках и больш. А т. к. ни единого живого меньшевика там никогда не бывало, то кто-то из нас, помнится, предложил выписать такового на гастроль. Но тут один товарищ (местный рабочий, профессионал) запротестовал: зачем тратиться на билет, заметил он, когда это дело можно устроить проще.—Как же это можно „устроить проще?"—удивились все. „Вот как,—резонно ответил товарищ:—я буду за меньшевика. Самым добросовестным образом выложу я всю меньшевистскую премудрость ихнюю, а вы опровергайте"... На том мы и порешили...

Как бы то ни было, но вскоре после возвращения делегатов со с‘езда (Стокгольмского) и особенно после доклада Ленина о нем (доклад был тогда прочитан петроградским большевикам и затем легально издан), как то само собой случилось так, что в Петрограде образовался небольшой большевистский центр (когда такой вопрос был кем-то поставлен на собрании—до возвращения Ленина,—на котором доклад о с‘езде делал Базаров, сам Базаров назвал постановку такого вопроса «безтактностью»). Этот небольшой большевистский центр и руководил идейно и практически большевистской частью партии, хотя формально намечавшаяся им линия поведения проводилась теми организациями, в которых мы были в большинстве, как мы уже выше сказали, петроградским и московским комитетами «единой партии», польской партией с.-д., областным бюро партии центральной России, с.-д. партией Латышского края и т. д. За отдельными подписями этих организаций, или, случалось, за коллективными их подписями пред‘являлись требования Центральному Комитету РСДРП, выпускались обращения к членам партии, издавались органы печати, вырабатывались и распространялись политические платформы, декларации и так или иначе формировалось и поддерживалось единство большевистской «фракции» внутри «об‘единенной» партии. Само собой разумеется, что для этого требовались деньги (больших финансовых дел мастером был тогда тов. «Никитыч»—Л. Б. Красин), организационной (распределяющий силы и средства) аппарат. (душой и неутомимыми тут были Крупская и Стасова (Абсолют), особенно первая, Надежда Константиновна). И эта дважды нелегальная (от правительственной власти и власти партийной) работа велась с такой же умелостью, с какой вся работа (и прежде всего идейно-политическая) направлялась, вдохновлялась, воодушевлялась В. И. Лениным, —сперва из Питера [1]), после приезда из-заграницы, а потом из Финляндии (до окончательного обратного переезда за границу).

И так, во второй половине 906 года реакция стала укрепляться, общие перспективы затемнились, вместо твердого рулевого мы, в лице центрального комитета партии, имели неуверенный в себе дискуссионный клуб или, в лучшем случае, фракционный центр, который к тому же должен был лавировать и нащупывать средний курс даже внутри своей меньшевистской части партии. Естественно, что большевики выкинули требование созыва нового с‘езда, против чего решительно восстали меньшевики и, если память нам не изменяет, осенью того же года ЦК созвал общепартийную конферентию (следующий 5-й Лондонский с‘езд состоялся позже, весной 1907 года), которая благодаря определенному способу представительства, который мог быть применен в центре господствовавшими меньшевиками, опять дала им перевес.

[1]) Надо заметить, что вполне легально В. И. Ленину было опасно жить в России даже в 1905 году и в начале 1906 года, а выступать открыто на собраниях еще больше. Если память мне не изменяет, на широких непартийных собраниях он за все время „свобод“ выступил всего дважды. Однажды на огромном собрании в доме Паниной (под фамилией Карпова), где полиция его пыталась задержать и другой раз в Выборгском районе. Но на партийных более или менее открытых собраниях он выступал часто; еще больше мы его видели и слышали в небольших совещаниях; отмечу, что в одно время Ильич читал нам свои статьи, до появления их в печати.

...Осенью 906 года нижеподписавшийся, после почти годового отсутствия, вернулся в Баку. Прежде всего, хорошо помнится, бросились в глаза, как резкие изменения, происшедшие за истекшее время, так и в общем и целом сходство бакинской с общероссийской действительностью. Последнее, впрочем, требует многих оговорок, одной из которых следует отметить, что в смысле «свобод» Баку можно было сравнить лишь с Петроградом, но отнюдь не с русской провинцией или с Москвой, полицейский режим которой—развращенной со времени Зубатова и Дубасова,—был, пожалуй, не легче, а тяжелей, чем в больших и малых российских Окуровых.

В Баку, как и в России, была придушена и сошла на нет политическая, повседневная, легальная социалистическая пресса, так расцветшая в перводумский период, т. е. в первой половине года (а легальная профессиональная пресса возникла значительно позже, именно летом 907 года). Полиция и охранка были так же бездарны, как до и после интересующего нас времени, как до и после этого времени «накрывались» лишь те «сборища», которые удавалось «наружным наблюдением» выследить. Как до и после этого времени в Баку можно было жить по любой «фальшивке», совершенно не заботясь о «настоящем» паспорте. Никому и в голову не приходило, как это делалось в Москве, Харькове, Иваново-Вознесенске, Нижнем (в Богородске, Нижегородской губ., кожевенном центре, я мог выходить на улицы лишь по вечерам). Конспирир. Баиловская тюрьма (Шемахинской еще не было) «была полна», но далеко «не до краев», и притом сидели почти все в административном порядке, так как весьма редко удавалось состряпать «процесс» за отсутствием «данных», которые могла давать лишь хорошо организованная внутренняя агентура (провокаторы), которых, очевидно, в то время было мало или вовсе не было, или это были круглые дураки. [1])

---

[1]) В мае 1905 года в Баку был убит бомбой губернатор Накашидзе здравствующим, если не ошибаюсь, и поныне дашнаком. В момент взрыва в Балаханах был митинг, на котором слышен был взрыв. Вечером того же дня я приехал из Балаханов в Завокзальный район, где состоялась (на горе, обычное место для массовок в этом районе) массовка на которой, разбившиеся на группы, делились впечатлениями по поводу убийства. На другой день завод Хатисова был окружен и там арестовали члена нашей организации, большевика, по национальности грека, по делу об убийстве губернатора. Затем арестовали где-то за городом еще 5 человек, кажется армян,—хорошо не помню,—не то амбалов, не то крестьян, но людей абсолютно сырых, ни к какой политике не причастных. Затем их всех судили, и всех присудили к смертной казни (их от смерти спасла октябрьская амнистия). На суде, по поводу причастности нашего товарища к этому делу давал показания сам Хатисов и кроме него в суд явился весь завод, около 200 рабочих которого были допрошены (от допроса остальных отказалась защита). Все опрошенные показали, что наш товарищ в день убийства работал и с работы не отлучался (его обвиняли непосредственно в бросании бомбы). Это не помогло. Его как и других осудили на смерть. В августе 1905 года я попал на Баилов и был встречен уже осужденным товарищем, который выразил сильное беспокойство по-поводу того. что я не послушался его предостережения (я ничего от него не получал) и не уехал, а вот попался. На вопрос: „В чем дело?“—он принес обвинительный акт,—хорошо помню пол листа писчей бумаги с текстом напечатанным на машинке, на одной стороне и я прочитал, приблизительно, такое: (фамилии не помню). показал: такого-то числа, в таком то месте на горе, за вокзалом, состоялось заседание (кажется террористов,—не помню). Председательствовал (следовало более или менее точное описание моей наружности, который по открытии заседания обратился к такому-то присужденному к казни товарищу с предложением рассказать, как он выполнил данное ему поручение, после чего обвиняемый выступил и рассказал, как, где и когда им брошена бомба... Детали я мог забыть, но за точность передачи ручаюсь.

К сожалению не только не помню фамилии товарища, но не знаю даже жив ли он. Но тогда, в 1905 году, от веревки его спасла лишь октябрьская амнистия.

В другой раз, именно, в конце 1906 года на Баилове долго держали какого-то студента, как Мишу Черногородского, который свободно разгуливал на воле в Баку.

Хундадзэ.

Активный работник Бакинской организации.

Петр Монтин.

Активный работник Бакинской организации и член бак. комит. нескольких составов.

Погиб в 1906 г. от пули провокатора.

Легальных больших собраний, особенно партийных, созывать уже, конечно, было нельзя. В этом отношении дело обстояло, пожалуй, хуже, чем в Питере, где аудитории высших учебных заведений еще долгое время служили местом открытых почти и притом массовых партийных собраний. Но зато ворота всех промыслов и заводов были всегда открыты для нас и бесконечное число заводских собраний чрезвычайно редко кончалось попыткой полиции задержать оратора—сколько запомню—никогда не увенчавшейся успехом. Что касается заседаний Бакинского Комитета, то, как и раньше, чаще всего они происходили в гостиницах и ресторанах; районные же делегатские собрания происходили либо в казармах, либо в той или иной мастерской; межрайонные же собрания и конференции происходили чаще всего в Завокзальном районе, на заводе Хатисова, но бывали и в городе, а изредка и в гостиницах.

Во внутреннем строе организации за истекшее время произошли крупные перемены. Формально и тут организация была едина—называлась она Бакинской организацией РСДРП, а руководящий коллектив—Исполнительным Комитетом Бакинской организации РСДРП—названия, присвоенные в момент об'единения, в конце декабря 1905 года. Единства, конечно, и здесь не было. Шендриковщина в это время (вторая половина 1906 года) была окончательно добита. Разоблаченный сначала меньшевиком Герасимом, а затем, окончательно, тов. Ногиным, Лев Шендриков умер. Самый талантливый и самый вредный из братьев—Илья—перекочевал в Питер, где некоторое время имел еще успех, но вскоре и его там раскусили. В Баку оставался самый бездарный из братьев—Глеб, который особенной роли не играл. Сама шендриковщина, как определенное, если угодно, привитое течение в рабочей среде, еще долго тлела под пеплом и весьма нередко выплывала наружу в виде движения за «наградные», «бешкеш» и т. д., тем более, что весьма влиятельные шендриковцы из рабочей среды оставались здесь и многие из них еще долго были в самой тесной связи с уехавшим Ильей, который издавал в Петрограде журнал «Правое Дело», специально посвященный бакинскому движению, и тем поддерживал бакинских единомышленников. Да и официальные меньшевики в интересующее нас время, если не откровенно, то проникновенно тянули ту же линию, если и не согласные с той или иной деталью по существу, то из тактических соображений, хорошо зная и высоко ценя особенные приемы шендриковской деятельности, которые дали меньшевизму в Баку столь ощутительный успех и создали компактные кадры активных и влиятельных рабочих.

С наследством, оставленным Шендриковыми, еще долго пришлось повозиться. Но шендриковщина все-таки уже была добита. И прежде всего в самом ее центре—в Балаханах—и отчасти на Биби-Эйбате. Что касается Балаханов, то усилиями, главным образом, Виктора Павловича Ногина (кличка «Макар»), незадолго до моего приезда вернувшегося отсюда в Питер, Балаханы были окончательно отбиты у меньшевиков и туда был перенесен организующий центр большевиков, там была создана небольшая большевистская типография и оттуда под фирмой «автономного» район-

ного комитета мы отстреливались от меньшевиков и отвоевали позиции в других районах, махнув рукой на «высокую» политику обще-городского центра, в котором мы жестоко дискуссировали, но решения которого, если мы с ними бывали несогласны, по мере сил и разумения саботировали.

Центр (Исп. к-т) был не наш. В большинстве были меньшевики. Они имели большинство и в междурайонных собраниях. Обще-кавказский центр и центр российский были с ними. Во главе меньшевиков стоял умный и дельный («восточный дипломат») Сандро Девдориани. Был здесь и старик Рамишвили, далеко не дельный и теоретический невежда, но убеленный сединами, недурной оратор и окруженный ореолом бывшего перводумца. Вокруг них была чрезвычайно сплоченная группа бездарностей, во всякое время готовых на что угодно по зову вождей (Баррикада, Мацуци и т. д.), мы их называли «камарильей». Как это ни странно, но этой сплоченности нам не хватало. Мы были в значительной степени деморализованы. Прежде всего, не нам, а меньшевикам пошло на пользу об'единение. Факт их преобладания в организации, для массы членов более заметный вблизи, чем раньше, при раздельном существовании разлагал слабых, хотя и подстегивал наиболее активных. Затем не малую роль сыграл переход к меньшевикам крупного большевика Семена, даровитая, но не совсем морально чистая личность. Этот самый Семен (при меньшевистской власти он был «послом» Грузии в Англии) поехал на Стокгольмский с'езд большевиком и вернулся меньшевиком. Почти такая же перемена произошла и с другим делегатом-большевиком Нико (ныне ни тот, ни другой, даже не меньшевик, а «народный демократ»). Нико к меньшевикам не пошел, но и с большевиками был не во всем. Между тем оба они оставались в Баку и разлагали, кого могли. Этим самым силы большевиков были значительно подорваны. Да и силы эти, поскольку речь идет об активных верхушках—были чрезвычайно ограничены. Из активных работников того времени могу вспомнить Р. М. Окиншевич, Алешу Джапаридзе, Самсона Ефимова (саратовца), Авеля Енукидзе, Апостола, Форо Кнуняна и еще несколько человек активных рабочих. Несколько позже приехал из Тифлиса Тимофей Спандарян. Из них покойный Алеша ушел всецело почти в профработу, покойный Тимофей не успел еще себя проявить, Апостол был вообще инертен, Енукидзе хотя и входил в комитет, но к активной политической работе не был приспособлен, будучи по всему своему складу идеальным «техником» (заведывание типографией, экспедицией); Р. М. занималась организационной работой, а покойный Саратовец расправил крылья несколько позже. Ко всему этому надо добавить, что профработа стала в это время требовать к себе большого внимания, отвлекая не мало сил от партийной работы.

Выше уже отмечено, что покойный Алеша работал в профдвижении, точнее, в союзе нефтепромышленных рабочих. За истекшее с конца пятого года время в Баку выросли и окрепли союзы. Перед моим от'ездом из Баку мы выработали уставы, путаясь и придумывая «умные» формулы. К моменту моего возвращения были уже более или менее крупные союзы. И среди них наиболее мощные—союз нефтепромышленных рабочих—союз построенный по производству—«большевистский» союз—и союз рабочих механического производства, независимо от производства—меньшеви-

стский. Секретарь первого союза—покойный Алеша; секретарь второго—вышеназванный Семен. В том и другом союзе были меньшевики и большевики. Даже в правлениях. А союзы боролись между собой не меньше того, чем боролись большевики и меньшевики внутри партийной организации. И это также деморализовало нашу организацию, хотя бы тех отдельных, порой влиятельных большевиков, которые входили в руководящие органы союза рабочих механического производства. А так как сами по себе союзы, по составу своих членов, были—союз нефтепромышленных рабочих—союзом, хотя и многочисленным и влиятельным, но плохо сколоченным, с неважной отчетностью и неоформленной организацией, а второй союз рабочих механического производства—союзом стройным, крепким, немецкой складки, с отличной отчетностью и вполне налаженными аппаратами, то и это ставилось на вид нам, большевикам. Несколько позже, на почве отмеченных выше дефектов, которые были свойственны союзу нефтепромышленных рабочих, развилась самарцевщина, беспринципная, но талантливая оппозиция, во главе которой стоял рабочий Самарцев, в интересующее же нас время секретарь союза рабочих механического производства причинял нам, и, в частности, тов. Алеше, не мало хлопот,—и вспоминается—несколько ранее—учитывая ряд обстоятельств, мы, небольшая группа большевиков, были склонны заставить Алешу ликвидировать союз нефтепромышленных рабочих, о чем покойный Алеша впоследствии не без горечи вспоминал.

. . . Дела наши были не важны, а между тем приближались выборы во вторую думу.

Приближались выборы, а между тем авторитетного и единого решения партии не было и меньшевики отказывались созвать партийный с‘езд. Не созвали с‘езда, а твердили о приснопамятной «черносотенной опасности», о «рабочем с‘езде» и необходимости всеми силами поддержать буржуазную оппозицию—кадетов—и тем сделать движение и будущую думу общенациональной. Тут мы, «балаханцы», устроили «великий» совет и решили мобилизовать силы и дать меньшевикам генеральное сражение... Это «генеральное сражение» мыслилось нами в следующем виде: мы предложили Б. К. пустить на свободную дискуссию по всем ячейкам две платформы и та из них, которая соберет большинство, будет платформой партийной, так как перед избирателями выступить с двумя платформами тогда еще не решались. Б. К., который обыкновенно по любому вопросу раскалывался на две фракции—большевистскую и меньшевистскую (за исключением вопросов «эксистского» характера, при которых против нас, российских работников, обыкновенно трогательно блокировались кавказцы—большевики и меньшевики, так как, известно, кавказские меньшевики против «эксов» голосовали лишь на обще российских с‘ездах, а у себя дома, грешным делом, «эксами» не брезгали [1]), а практиковали их не

[1]) Повидимому департамент полиции это хорошо знал. Однажды Чхеидзе (или Гегечкори) защищал в думе необходимость оказания правительственной помощи кавказскому населению не через чиновников, а через само население.

—Представьте себе—приблизительно так говорил депутат,—что я хочу послать домой деньги. Но как быть, если я хорошо знаю, что если пошлю по почте, то деньги не дойдут по назначению, деньги исчезнут, пропадут.

—Не пропадут!—уверенно выкрикнул с места Пуришкевич.—не пропадут, если кавказские меньшевики их не экспроприируют!

в меньших, а в больших размерах, чем большевики). Б. К. без лишних прений с нами согласился и вскоре закипел жаркий бой, продолжавшийся если память не изменяет, месяца полтора.

Около полутора месяца продолжалась дискуссия. Сперва мы тщательно взвешивали каждую фразу, каждую строку, каждое слово[1]), а потом, распределив роли, рассыпались по районам, подрайонам, ячейкам.

Мы доказывали, что воображаемая меньшевиками «черносотенная опасность»—скверная выдумка, что кадетов следует поддержать, если они усвоят революционные методы борьбы, чего никогда не будет, что идея рабочего с‘езда—очевидная выдумка, ничего, кроме путаницы и вреда не дает, что эта идея отвлекает внимание от действительного требования минуты,—укрепления партии и созыва партийного с‘езда; что вместо поддержки «либеральной оппозиции» и т. д. следует в нужных случаях—и притом вне рабочей курии, блокироваться с левыми партиями, эс-эрами, трудовиками, отсюда левый блок и т. д. и т. д.

Хорошо помнится, что во всех районах с большим интересом отнеслись к дискуссии, которая в конце концов набила нам, чрезвычайно малой (помнится 3 человека) группе докладчиков-большевиков, оскомину до того, что лишь вскоре после этого начатая широкая избирательная кампания в массах вернула нам самообладание и чутье к широкому восприятию действительности [2]), а самые выборы, как в Баку, так и по всей России доказали вздорность так называемой «черносотенной опасности» и правильность линии большевиков (вторая дума, как известно, была значительно левей первой; половина всех членов второй думы принадлежала к так наз. левым партиям—с.-д., трудовики, эн-эсы (эс-эры, как известно, продолжали бойкотировать «выборы» и в эту думу).

. . . Результат страстно проведенной дискуссии и выборов на общегородскую конференцию был, само собой разумеется, вчерне известен. До нее и мы имели приблизительно четверть, самое большее, треть членов организации. Дискуссия довела число наших единомышленников и сторонников приблизительно до половины. Но тем важней было значение одного-двух голосов, которые на конференции фактически решат все... И вот наступил день, в который конференция должна была собраться.

. . . Завокзальный район, завод Хатисова. Около, по разным направлениям расставлены патрули. Внутри одного из корпусов, при слабом мерцании огня, отдельные группы товарищей тихо беседуют. То тут, то там вспыхивают враждебные фракционные демонстрации. Но товарищам напоминают, что шуметь нельзя—и все входит в норму.

Пора начинать. Но нет еще балаханцев. И тут происходит что то неладное... в помещении появляются несколько человек, вид которых

---

[1]) Чем мы все таки ляпсусов не избегли. Помню, в одном месте „необходимо улучшить материальное положение армии и флота“... вместо „солдат и матросов“. Еще долго спустя было стыдно за этот ляпсус, который не заметил автор и пропустил Енукидзе, с которым мы окончательно редактировали документ.

[2]) Наибольшим успехом, сколько помнится, из большевистских докладчиков пользовался выдающийся рабочий, умерший, кажется в 1911 году в московской каторжной тюрьме, тов. Саратовец, который впрочем проводил дискуссию лишь в двух подрайонах Балаханского района. Главная тяжесть пала на пишущего эти строки, который неизменно имел перед собой сильного волей и логикой Сандро Девдириани, причем последнего всегда сопровождала „камарилья“, некоторые члены которой порой не брезгали прибавлять к голосовавшим и свои голоса.

приковывает к себе всеобщее внимание, до того он тоже необычен. Появляется Раиса Моисеевна, бледная, взволнованная и сообщает потрясающее: в Кишлах, при остановке поезда, двух товарищей, Пагаву и еще одного, фамилии которого, к сожалению, не помню, разорвало в клочья встречным поездом. Другие отделались более или менее значительными ушибами... Надо послать в Кишлы и собрать останки погибших... Воцаряется гробовое, страшное молчание; слышны подавленные рыдания. Проходит минута, другая. Из помещения выходят и направляются в Кишлы несколько человек... «Как ни тяжело, товарищи, а время проходит, пора начинать, прошу наметить председателя—доносится властный голос... И после мгновенного колебания—все громче, чаще, гуще, настойчивее, уверенней, как ни в чем не бывало, повторяются два имени—большевика и меньшевика, которых каждая из фракций наметила в председатели конференции...

А. Рохлин.

Из прошлого нашей партии.

1904--1908 г.

Перебрасываюсь весной 1904 г. в Баку с помощью хорошего товарища, покойника Н. М. Флерова*). Местная соц.-дем. работа в Баку находилась в то время в руках сторонников меньшевистской части II съезда (Мартов и др.). Мне было поручено бакинскими представителями Ц. К. (И. О. Куновский, Л. Б. Красин и др.) раскассирование меньшевистского Б. К. и постановка работы по большевистски (в то же время в согласии с постановлениями II съезда, давшего победу б-м). Вся эта работа производится безболезненно, ибо верхушка организации, сам комитет, случайно оказавшийся меньшевистским, не имел глубоких корней среди наиболее сознательной части бакинского пролетариата. В наш комитет первоначально входят, кроме меня, исполнявшего ответственно-секретарские функции,—А. А. Бекзадян (Юрий), Окиншевич Р. М., Ваня Фиолетов; вскоре под'езжает Алеша Джапаридзе—совсем юнец, но полный энергии и революционнго энтузиазма, позднее Ц. С. Бобровская (Ольга Петровна), а еще позднее П. Монтин, М. Рохлин, К. Кунин, Вирновский, Тихон и целый ряд др. работников из районов (не помню кличек). Налаживаем быстро всюду районные комитеты, создаем сильную пропагандистскую группу (А. И. Окиншевич, Л. Н. Бархотова, Е. А. Кучковская, Таратута, Парижер (Киров), О. А. Годфрид, В. С. Бобровский и др. На ряду с имевшейся плохенькой типографией, с помощью группы Ц. К., ставим вторую, хорошо оборудованную (т.т. Ашот, Стуруа Г. и др.); создаем специальную финансовую группу, ибо наличность ряда профессионалов и 2-х типографий требует больших средств.

Работа в городе и в промыслово-заводских районах, даже в некоторых уездах, ставится на широкую ногу; распространяем свое влияние даже на Дагестан (Дербент, Петровск). С меньшевиками вскоре же начинаем дискуссионный бой о корнях наших разногласий с ними. На одной из таких дискуссий на большом рабочем собрании, помню, был посрамлен и сам Ной Жордания (отец грузинского меньшевизма). Однако, к осени 1904 г. меньшевики сыграли с нами скверную штуку, нанесшую бакинскому рабочему движению на долгое время неисправимый вред. Не имея возможности выступать под партийным знаменем с.-д. (как остав-

---

*) Состоял в цекпстской бакинской группе; бывш. народоволец, потом—с.-д. большевик, умер в Петрограде сравнительно незадолго до революции.

шиеся на съезде в меньшинстве), местные меньшевики (за исключением некоторых, наиболее приличных из них) создают якобы беспартийный «Союз балаханских рабочих—организацию гапоно-зубатовского типа. «Союз» этот пользуется негласной поддержкой и симпатией кавказских меньшевиков, ни разу не выступивших со словом его осуждения*). Союз этот первое время имел успех среди аполитичной малосознательной части, преимущественно русских рабочих. Возглавлявшие союз братья Шендриковы (3 брата и жена одного из них) не брезгали ничем в борьбе с нами, большевиками, вплоть до самой отчаянной демагогии и даже негласных субсидий у нефтепромышленников (впоследствии—громкое дело). Проповедовавшийся «шендриковцами» уставный демократизм (в противовес принятому II-м съездом уставу партии в нашей редакции), граничащий с травлей всей партийной интеллигенции, и самое грубое рабочедельчество с его экономизмом, само собой, не могли не найти отклика среди малосознательных рабочих. Шендриковцы срывают одну за другой начатые нами большие кампании: сначала всеобщую забастовку, а затем политическую демонстрацию. Они внедряются в широко поставленную нами кампанию за всеобщую забастовку не только с экономическими требованиями, но и политическими лозунгами, подменив все требования и лозунги чисто экономическими, да и то наиболее крохоборческими. Б. К., хотя и имевшему к концу 1904 г. (забастовка—в декабре) большие организованные силы и крупное влияние, все же ничего не оставалось, как координировать свою тактику с ускоренно вызванной «Союзом балаханских рабочих» забастовкой, чтобы не нарушать единства рабочего фронта. Разоблачая на митингах и в многочисленных листках тактику шендриковцев, направляя движение по возможности по политическому руслу, углубляя его, Б. К. играл во всех перипетиях забастовочной кампании весьма активную роль, хотя забастовка и шла не под его только знаменем: это была единственно правильная тактика при сложившихся обстоятельствах для революционной социал-демократии, которую олицетворяло собой большевистское крыло последней.

Еще худшее предательство революции со стороны той же скрытоменьшевистской организации «Союза балаханских рабочих» имело место в начале 1905 года в отношении сорганизованной Бак. Комитетом политической демонстрации (вызванной, помнится, 9 января и вообще начавшимся всюду политическим под‘емом). В то время, как на демонстрацию откликнулись положительно все имевшиеся в Баку политические партии—дашнаки, гичакисты и армянские с.-д.,—в то время, как на нашу демонстрацию под лозунгами «долой самодержавие» и пр. шли тысячи рабочих всех национальностей,—меньшевики-шендриковцы удерживали массы промысловых (в Балаханах) рабочих—митингами (взамен демонстрации)... Слуги царского правительства, будучи в курсе всего происходящего и базируясь на расколе среди рабочей массы, не постеснялись бы при таких условиях и еще более массовую демонстрацию потопить в крови... После смотра собравшихся весьма многочисленных демонстрантов, видя себя

*) Л. Мартов в своей „Истории Р, С.-Д. Р. П.“ определенно причисляет „Союз балаханских рабочих“ к меньшевистским организациям, идейным борцам против якобистов-большевиков.

окруженными большими казачьими и полицейскими силами, мы должны были, не выбрасывая своих знамен, дать сигнал «разойтись»*)... Вскоре же «шендриковщина» пошла на убыль и затем, не имея никаких революционных перспектив, изжила себя и вовсе**).

И вот при таких взаимоотношениях Б. К. с меньшевиками—открытыми и скрытыми—Ц. К. РСДРП, исходя из принципа формального единства партии, вздумал нас «мирить» с меньшевиками. В это время Ц. К. держался примиренческой линии. Приезжали с этой целью т.т. Добровинский (Иннокентий), В. Носков (Глеб); все они тащили Б. К. на примирение, но мы и слышать не хотели. Так ничего из этих попыток и не вышло.

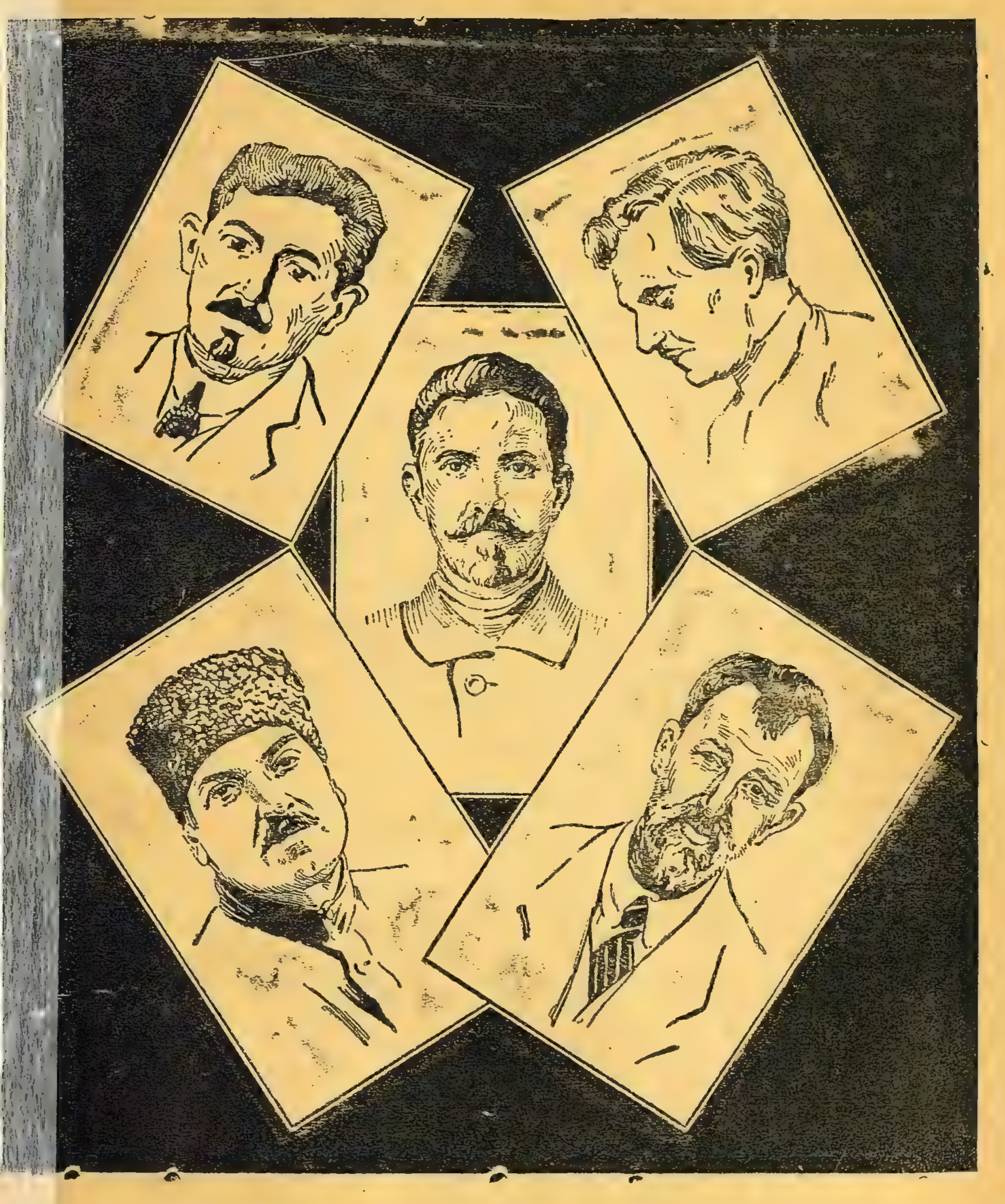
В 1904 же году была создана при ближайшем участии Алеши Джапаридзе (отчасти и моем) и первая мусульманская соц.-демократическая организация «Гуммет» (в числе первых мусульман были—Сеид (убитый фанатиками), Расул-Заде, Гаджинский М. Г. (двое последних ушли от нас далеко). Листки наши начали печататься на всех местных языках (мус., арм., груз.). Большевистская работа в Баку настолько окрепла и Б. К. настолько приобрел себе имя и влияние, что берет на себя инициативу созыва Закавказской соц.-дем. конференции, в целях создания Зак. с.-д. комитета. Конференция созывается в Тифлисе; вырабатывает устав областной организации и тезисы к политическому моменту (от Б. К. были—А. Джапаридзе,—я, автор этих заметок, и кажется Бекзадян А., из Тифлиса—Миха, кажется Мдивани, помню студента Розенфельда (Каменев). Работала конференция в невероятно трудных условиях, перебегая из одного помещения в другое, будучи постоянно выслеживаема, пока в каком-то грязном духане, сидя день и ночь взаперти, не закончили работ...

Революционное движение настолько разрослось, прочность положения власти в Баку, да и вообще в Закавказье, настолько пошатнулась, что, казалось, того и гляди разразится нечто большое, что увлечет за собой и всю Россию, где события назревали не менее серьезно. К тому же Бак. Ком. готовился к всеобщей забастовке, долженствующей иметь несомненный успех. Правительство нашло выход из создавшегося положения и выход, хотя и временный, но весьма хитроумный, нельзя не отдать справедливости царскому правительству. Этот выход—тактика национальных погромов. Имевшие место отдельные случаи недоразумений на национальной почве между весьма ограниченными кругами мусульманской и армянской буржуазии были весьма искусно использованы бак. ген.-губ.

---

*) В „штабе“, кроме меня и нескольких рабочих, был Алеша Джапаридзе (он же—сигналист), Р. М. Окиншевич и др.

**) Главой был Илья Шендриков—талантливый оратор-студент, большой авантюрист, впоследствии—комиссар Керенского в Ташкенте, бежавший от большевиков (в 1913 году); в 1919 году состоял в почетном посольстве от Семиреченского казачьего войска—Колчаку. Его брат „Лева“, мягкотелый, до появления „Ильи“ был с нами. Авантюра шендриковцев с нефтяниками, дававшими им деньги для поездки на нефть. совещ. в СПБ и на их газету (под каким то другим соусом) разоблачена уже после моего отъезда из Баку.

Группа активных работников Бакинской организации.

. **Фрумкин**, 2. **Енукидзе**, 3. **Джапаридзе**, 4. **Мамед'яров**, 5. **Стопани**.

(Слева направо по порядку).

Накашидзе и его полицией (напр. изв. приставом Микеладзе*) для всеобщего национального пожара... Возникновение первой татаро-армянской резни начала 1905 г. (кажется в феврале) было полной неожиданностью не только для Бак. к-та РСДРП и друг. партийных организаций, но и вообще всех... кроме, конечно, как потом документально было установлено, самого Накашидзе и небольшой группы полицейских чинов и близких ей головорезов-татар и 2—3 богачей. Широкие круги рабочих всех национальностей (в том числе и мусульман, армян), правда, погромной стихией не были захвачены, но, к сожалению, оказались бессильны, как и авангард—местный комитет РСДРП—быстро локализировать; слишком неожиданно он вспыхнул и слишком богатую пищу нашел себе среди мелкобуржуазных армяно-татарских масс... Все же погром этот на некоторое время отвлек силы Б. К. от прямых ближайших задач революционного движения—в сторону внесения национального мира, разоблачения роли царского правительства, восстановления и укрепления сильно пострадавшей организации.

Не успели оправиться, как разразился второй погром, еще сильнейший, вовлекший уже и крестьянские национальные массы и охвативший все Закавказье (начало, кажется, в Нахичевани Закавказской)... Этот погром грозил похоронить собой в вызванной им анархии даже и само правительство, первоначально державшееся пассивно, в качестве «третьего радующегося». Этот погром снес с лица земли и значительную часть бак. нефтяных промыслов (пожары). Это было в конце лета 1905 г. Мне пришлось быть в гуще и 1-го и 2-го погромов свидетелем, часто бессильным, самых трагических событий**). Административные рогатки, задерживавшие меня в Баку, в России ослабли и я получил возможность снова перебраться в свои родные «леса»—на этот раз в Кострому (в 1905/X—1907/V)... И это было очень кстати, ибо бакинские события не дешево мне обошлись во всех отношениях.

После попытки устроиться в Твери нелегально***), снова возвращаюсь в Баку, получив работу все благодаря тому же хорошему тов. И. М. Флерову, и на этот раз надолго. Зная бакинские порядки по старому

---

*) Накашидзе вскоре был убит бомбой дашнаками и Микеладзе застрелен тов. А. Джапаридзе (мало кому известный факт, передан мне тов. Вирновеким—близким товарищем Алеши).

**) Между прочим, между 1-м и 2-м погромами, мы, вместе с близкими к нам большевиками, товарищем Орестом Семиным (Родзевич-Белевич), оказались фактическими хозяевами большой газеты „Баку“, заброшенной, благодаря погромным условиям, пайщиками, представителями армянской либеральной буржуазии. Хотя из этой газеты мы и сделали совершенно „свою“ газету (насколько, конечно, цензурные условия позволяли), но все же за газетой „Баку“ осталась слава „армянской“ газеты... Разоблачая в газете подоплеку национальных погромов и обслуживая бакинское рабочее движение мы, конечно, и себя и помещение редакции ставили под удар „стихии“, чему примеров можно было бы привести не мало. С начала октябрьских дней (уже после моего от‘езда) газета по традиции превратилась уже в настоящий социал-демократический орган, очень яркий орган с большевистской линией. В начале 1905 года меня со службы в совете с‘езда (по статистике) выставили за увлечение революционным движением, в ущерб службе (фактически я действительно превратился почти в профессионала). Пришлось искать заработка (большая семья), сначала в Тифлисе, а потом в газ. „Баку“, почему после небольшого перерыва с половины 1905 года я уже не был в Б. К.

***) После лондонского с‘езда 1907 года я уже не мог вернуться в Кострому, где я до того работал, ибо еще и до того судьба моя была „предрешена“ жандармами.

опыту, после ряда мер и предосторожностей, устраиваюсь по своему паспорту (иначе и не мог, ибо был достаточно известен в Баку). Решено не афишировать и вести себя по возможности осторожно... На этот раз ухожу в профессиональную работу, однако, самую злободневную для Баку того времени... По условиям своего «бытия»—не то легального, не то нелегального (я был уверен, что разыскиваюсь деп. полиции, что и оправдалось) организационной работы не веду, на широких собраниях избегаю бывать. Стоя близко к нашему парт. профессиональному коллективу*), направлявшему работу находившегося под большевитским влиянием «Союза нефт. рабочих»—антипода меньшевистского союза механических рабочих,—я выполнял секретарство нашего профессион. журнала «Гудок», много писал, вообще ведал всей «экономикой» для освещения весьма сложной нефтепр. кон'юнктуры. В борьбе с просвещенными нефтяниками «Союзу нефт. рабочих» никак нельзя было обойтись без цифр и экономики.

«Союз нефт. рабочих», будучи большевистской организацией, не на живот, а на смерть вел борьбу с меньшевистским Союзом механических рабочих**). Борьба велась и по поводу различного понимания основных принципов союзного строительства и различного понимания взаимоотношений РСДРП с союзами, и на почве глубокого различия в тактике экономической борьбы. Наш союз, охватывая все частичные производства, об'единяемые нефтяной промышленностью, был союзом массовым. Союз механических рабочих собирал в себе лишь сливки нефт. рабочих, наиболее квалифицированную их часть («белая кость»). Рядом с ним меньшевики пытаются создать свой «Союз рабочих по добыче нефти» («черная кость»), оказавшийся по понятным причинам мертворожденным...

В вопросе о взаимоотношениях с партией наша линия требовала организационного закрепления связи партии с профессиональным союзом***). Меньшевики же и здесь проводили свой обычный «либерализм». В вопросах экономической борьбы (как и борьбы политической) местные меньшевики, как и их праотцы рабочедельцы, постоянно снижали лозунги борьбы и не в процессе самой борьбы, не в конечном ее результате, а перед началом ее; само собой, это крохоборчество было невыгодно для самих экономических достижений, но, вне сомнения, понижало и самую революционность рабочих масс. В «Гудке», руководимом нами, с первого

---

*) Видную роль играли неизменный Алеша Джапаридзе и меньшую—товар. Коба (Джугашвили)—больше отдавший силы преимущественно партийной работе, которой он руководил, наконец,—т. Герман (Фрумкин М. И.), принимавший близкое участие и в редакции „Гудка"... „Оземлячивал" наш „Гудок" его официальный редактор и вместе с тем основатель, рабочий Саша Самарцев (Шитиков), иногда и отбивавшийся от наших рук.

**) Лидеры: М. Кольцов (Гинзбург), Ларин Ю., впоследствии—и Б. Кнунянц (Радин), Вайнштейн (Звездин), Ежов (Мартов младш.); масса интеллигенции—бакинской и промысловой—вплоть до занимающей видные посты у нефтепромышленников, конечно, симпатизировала меньшевикам, всячески поддерживая их... Мы же были сравнительно одиноки в этом отношении.

***) Относительно степени и форм этого закрепления были разногласия и внутри нас самих; была уже своя „левая" (т. Коба—Сталин) и „правая" (Алеша Джапаридзе и др., в том числе и я); разногласие было не по существу, а в отношении тактики или способов осуществления этой связи.

до последнего номера (вышло несколько десятков этого первого у нас, действительно большевистского и действительно профессионального, еженедельника) красной нитью проходили все эти вопросы, в нашем же освещении, в ряде простеньких популярных статей*).

«Гудок», пользуясь громадной симпатией одних (широких рабочих масс) и ненавистью других (нефт. королей), ярко отображал в себе все перипетии борьбы нефт. рабочих за коллективный договор... Кампания, которую мы тогда за этот договор вели, настолько имеет большое значение для истории нашей революции и выявления роли в ней меньшевиков, что на ней стоит несколько остановиться; поэтому я столько места уделяю и «Гудку».

Кампания по заключению коллективного договора сопровождалась хорошей кон'юнктурой в нефтяной промышленности... Плюсом для нее была также и заинтересованность крупных нефтепром. и подрядно-буров. фирм в установлении «социального мира» в их нефтяном царстве путем заключения коллективного договора... Но были и минусы, которые, имея в виду общую политическую обстановку 1907—1908 г.г., а также «доение» и самих нефтяных королей, в конце концов, и сорвали в последний момент всю кампанию... Укажем прежде всего на обратную заинтересованность в заключении коллективного договора фирм мелких и средних, не желающих поступаться какими-либо крупными расходами, связанными с коллективным договором **). Наряду с отсутствием единства у нефтепромышленников, такие же разногласия, благодаря оппортунизму меньшевиков, вносились и в самую рабочую массу... Это повидимому, прекрасно учитывалось нашими врагами... Наше основное требование, в чистом виде неприемлемое меньшевиками, заключалось в требовании «гарантии» соблюдения коллективного договора; без целого ряда гарантий (признание проф. союзов и пр.) мы считали коллективный договор фразой без содержания. Да и в размере самых требований мы резко расходились с меньшевиками... Меньшевики, будучи и в данном вопросе, как и в первом, идеологами мелкой промышленности, полагали, что мы «слишком много» запрашиваем, что нефт. промышленность «не выдержит» расходов по коллективному договору... Тов. Ларин написал в то время на эту тему даже целую брошюру, добросовестно снабженную многими цифрами. Но с тов. Лариным нам, в конце концов, удавалось договариваться, не то, что с другими (Кольцов и пр.). Мало того, тов. Ларин с нашими требованиями выступил торжественно и очень удачно на с'езде нефтепромышленников, после чего ему, помнится, пришлось скрываться... По всем крупным вопросам кампании (по заключению коллективного договора) мы аппелировали к собранию рабочих—уполномоченных, весьма многолюдно-

---

*) Один из современников (Саша Самарцев), которому я читал эти строки, в общем одобряя их, нашел, однако, что линия меньшевиков была ближе к чистому тредунионизму, чем рабочедельчеству.

**) Нормирование зарплаты, жилищный, медико-санитарный, школьно-просветительный, правовой вопросы и пр. Все этого рода вопросы, давшие большое содержание нашему коллективному договору, были обстоятельно разработаны специалистами (своими) и все они популярно трактовались в нашем „Гудке“.

му... В конце концов формально из-за этих «гарантий», помнится, кончилась ничем вся эта кампания, «ничем» в смысле непосредственно практическом. Классово-воспитательное и организационное значение этой кампании громадно...

Результаты этой кампании, несомненно, сказались и на всеобщей забастовке 1914 г., базировавшей с требованиями кампании 1907—1908 годов.

Как то вскоре жандармы напали на мой след (правда—случайно) и препроводили меня этапом в Кострому и хотя, в конце концов, за давностью дела (почти двухлетней) и стечением др. благоприятных обстоятельств, мне и удалось вывернуться (хотя меня в Костроме и ждал уже старый приговор—ссылка на север), но вся эта история отняла у меня немало времени, а главное—усилила мою известность в охранке.

Последующие полосы моей жизни в Баку относятся к моей, главным образом, экономической (1910—1914 г.), забастовочной (1914 г.), кооперативной (1915—1916—1917 г.г.) и продовольственной (1916—1917 г.) работе..*)

Партийная и профессиональная жизнь в Баку с 1910 г. совершенно замирает; кое-какие обломки профессиональной жизни, вернее—рабочеклубской, еще продолжают некоторое время существовать, да и то с участием преимущественно меньшевиков. Последние, по принципу «ликвидаторства», не ведут никакой подпольной революционной работы, а наша большевитская работа вскоре почти замирает, благодаря постоянным провалам, отсутствию работников **) и вообще условиям «безвременья». Не порывая связей со старыми товарищами, при создавшихся для меня условиях, я организую большую работу по изучению быта нефтепромышленного рабочего, занявшую у меня, вместе с другими аналогичными работами, ряд последующих лет.

Положение нефтяных рабочих, начиная приблизительно с 1909 г., в связи с растущей дороговизной и как-будто начавшейся депрессией ***) на нефтяном рынке, резко ухудшилось, что нефтяниками и их «учеными» идеологами, конечно, отрицалось... Никакого противовеса этой чисто хозяйской идеологии при сложившейся политической кон'юнктуре не было и быть, как-будто, не могло... Рабочие молчали... С помощью нескольких врачей общественников ****) мы создаем под невинной вывеской «Комиссия по вопросам промышленной гигиены при обществе бакинских врачей» (!!) нечто вроде научного института труда (изучающего положение труда, но не процесс его)... На собранные грошами небольшие средства я организую исследование рабочего бюджета нефтяного рабочего. Широко популяризируя идею работы по заводам и промыслам через созданную группу

*) Из очерков за 30 лет, написанных для истпарта Ц. К. РКП, мое бакинское прошлое за 1904, 1905, 1907 и 1909 г. является как бы началом этой бак. хроники.

**) Спандарян (Тимофей), Коба Сталин), т. Евгений, Наташа Самойлова и ее муж и др. частью проваливаются, частью—раз'езжаются...

***) Эта „депрессия"—понятие, конечно, относительное, попросту говоря, прибыли нефтяных королей, оставаясь колоссальными, несколько поуменьшились. Это дало повод нефтяникам пустить в ход всю свою статистическую „науку" для испрашивания у правительства всяких богатых милостей.

****) В особенности д-р Н. П. Василевский, затем д-ра Окиншевич, Дандаров, Фейиберг и др. Втягиваем всю нашу братию с промыслов, включая и ряд рабочих, некоторых своих фабричных инспекторов (погибший, напр., на Кубани Семенов б-к).

бюджетников (преимущественно рабочих-же), созывая «сходы» по казармам, проникая в рабочие квартиры,—мы собираем богатейший и в количественном и в качественном отношении материал (это все нам удается, благодаря «невинности» вывески учреждения, от имени которого мы работали)... Полученные выводы, вместе с другими данными о заработной плате и рабочем дне нефтяных рабочих, оглашаются в ряде докладов и с диаграммами демонстрируются на специальной выставке, а также на Всероссийском с'езде фабричных врачей в Москве, Всероссийской гигиенической выставке и др. Только в середине империалистической войны мне удалось закончить и издать мои бюджеты бакинского нефтяного рабочего. Эти данные послужили нам ценным материалом при выработке требований для всеобщей забастовки 14 г. и первого коллективного договора нефтяного рабочего, уже после февральской революции и даже в позднейший советский период (мы возились с этим вопросом в марте 1917 г., опять все с тем же Алешей Джапаридзе)... В этой же комиссии мы заслушивали доклады и по жилищному вопросу бакинских рабочих, *) доклады об увечьях нефтяных рабочих **) и пр. и пр. Все эти доклады и материалы делались через широко публичные собрания комиссии и общую прессу достоянием читающих ругов рабочей массы и делали свое дело. Я потому долго останавливаюсь на этой скромной странице своей бакинской хроники, что она характерна для переживавшегося нашей революцией, в частности—бакинской жизнью, этапа.

К концу 1913 и началу 1914 г.г. экономическое положение нефтяного пролетариата, вследствие все прогрессировавшего действия причин, указанных выше, стало невыносимо тяжелыми... Нефтепромышленники и не думали хотя бы в какой-либо мере пойти навстречу рабочим. Единичные стихийные забастовки возникали все чаще и чаще и, как общее правило, кончались для рабочих ничем... В это время или уже несколько позднее (не помню), в Баку снова появился т. Степан Шаумян (на каких-то сложных и исключительных условиях получивший право жительства в Баку). БК Р. С. Д. Р. П. существует почти что номинально; создаем стачечное ядро при нем.

В последнее, между прочим, входит автор этих заметок, а также Н. Н. Карташев (живший нелегально по паспорту (Кордашева), М. Г. Атабеков, Г. Стуруа, Ф. Махарадзе и др. товарищи из районов. ***) Взята линия: задержать развитие стихийных забастовок с одновременным лозунгом—готовиться к «всеобщей», одновременно вырабатывая требования и проводя их на рабочих собраниях. Б. К., а также и стачечный, выпускают листки. Несмотря на мизерность наших сил, подготовительная работа шла успешно, в значительной степени благодаря тому, что «свои» рабочие на промыслах не переводились, хотя царское правительство, казалось, делало все для «очистки» промыслов от неблагонадежного элемента...

*) Работа д-ра Фейнберга Л. В., произведенная на профессиональные средства.
**) Работа д-ра Окиншевича и моя большая работа.
***) Оба работали в совете с'ездов нефтепромышленников, по статистике в моей части.

Стачечный «разнобой» был нами задержан, но... не дремала и жандармерия. Начались аресты. На каком то рабочем собрании Н. Н. Карташев и др. налетели на провокатора. Получаю сведения, что у жандармов имеются определенные сведения и обо мне.

В начале лета 1914 г. товарищи мне предлагают на время «улетучиться», что я и делаю, лишь только забастовка была об'явлена. Началась забастовка очень дружно и с большим настроением, напоминая «доброе старое время», хотя бы начала 1900-х годов.

Об'явление империалистической войны совпало с разгаром забастовки. Не буду останавливаться на всех крайне интересных перипетиях всеобщей забастовки бакинск. нефт. рабочих—забастовки, вызвавшей определенные громкие отклики в Петербурге, Ив. Вознесенске и др. местах центрального промышленного района, и если бы не «патриотическая» война, ставшей бы крупным революционным этапом грядущей революции в России; не буду останавливаться на забастовке потому, что сам был оторван от событий, сначала благодаря от'езду, а потом—тюрьме*). Только в тюрьме, где я встретил почти всех членов нашего стачечного комитета, узнал я все подробности дальнейшего хода забастовки и ее ликвидации. Мирная по существу забастовка, большую часть достижений которой признавала совершенно справедливыми и выполнимыми и сама высшая кавказская администрация, была задушена силой оружия, настолько «патриотическая» война придала царскому правительству уверенность в прочности его положения: в мирное время подобное в Баку было бы немыслимо.

Однако, не могу умолчать о тактике кавказских меньшевиков в отношении забастовки. Вся организационная работа и руководство забастовкой было делом рук большевиков; меньшевики появились уже в самый разгар событий и их роль должна быть отмечена, как определенно штрейкбрехерская; все свое влияние их вожди (помню «Петра», он же известный по своему черносотенству Ной Рамишвили, будущий и бывший министр внутренних дел Грузии, «маленький Носке») направляли в противовес нам, в сторону скорейшей ликвидации забастовки. Действительно, последовательное «ликвидаторство»!

Отмечу также, что, несмотря на всю важность для революции бакинских событий 1914 г., мы были предоставлены сами себе: ни откуда ни помощи, ни директив. Уже когда я сидел на Баилове после ликвидации всего приезжал из Петербурга т. Бадаев с деньгами и проч., разыскивал меня и др., но, кажется, никого «в живых» не застал»**).

Бакинские жандармы и их идейный вдохновитель, градоначальник Мартынов (сам бывший известный киевский жандарм), хотели создать из дела нашего стачечного комитета большое, даже судебное, дело. Но у них ничего не вышло. Одна из главных причин этой неудачи—существовав-

---

*) Я не утерпел и, хотя и получил уже сведения о моем розыске, все же вернулся в Баку и в тот же день был арестован, ибо, как оказалось, меня караулили и на пристанях, и на вокзале, и у квартиры.

**) После, при личной беседе, тов. Бадаев говорил, что будто бы посылались и деньги, чуть ли не на мое имя, но никто ничего не получал.

шие старые контры между наместничеством, где дух был более «либеральный», если можно так выразиться, и бакинским градоначальством, а другая причина—образцовое поведение на допросах всех арестованных и столь же далеко не образцовое ведение жандармами нашего дела, несмотря на все желание упечь нас покрепче.

У меня были особенно обостренные отношения как с самим Мартыновым, так и с его жандармами (старые счеты). По моему делу дано было заключение о пятилетней ссылке, то же приблизительно и другим. Намеченные всем нам «кары» Тифлисом были значительно смягчены, а в отношении меня для бакинских жандармов получился и вовсе конфуз. Тифлисом мое дело было прекращено. *) Когда ночью меня разбудили, приказав «собирать вещи», я был уверен, что угрозы бакинских жандармов оказались не пустым звуком. На самом же деле в конторе тюрьмы чиновник градоначальства об'явил мне, что получил телеграфн. приказ из Тифлиса о немедленном моем освобождении (даже извозчик был припасен для меня).

В дальнейшем, при многих допросах по другим делам, жандармы пытались в отместку пристегнуть меня к тому или другому делу, но ничего не вышло. Мои усилия (уже «третичные») выбраться из Баку опять не удались и все по тем же причинам, что и раньше. **).

По выходе из тюрьмы, поздней осенью 914 г., я в партийном и общественном отношении нашел в Баку полную пустыню, а среди рабочих большую подавленность, как результат недавно пережитого бакинским пролетариатом. Вместе с тем, война сразу же дала резкое ухудшение материалного положения и рабочих и служащих. О какой-либо революционной работе мне, при создавшихся условиях, и думать было нечего. По крайней мере, так мне казалось; да и не было, помнится, почти никакой революционной работы за все время войны. С остатками старых товарищей сохранились лишь личные связи.

Между тем, «натура» брала свое, требовала жизни и работы, родственной мне, т. е. среди рабочих.

До того времени «кооперацией» я никогда не интересовался и даже не думал о ней. Ничего к тому же «кооперативного» в Баку того времени и не было, кроме разве утвержденного устава «Кооперативного Союза» и целого ряда промыслово-заводских лавок, в сущности, «фирменных» продовольственных лавок и лишь по названию кооперативных. В то же время, повторяю, рост дороговизны, сопровождавшийся полным «штилем» на промыслах и заводах—и, казалось, штилем без всякого просвета—был больным местом всех помнящих славное бакинское прошлое.

---

*) И тут помогла мне „счастливая звезда": документальных данных обо мне, правда, как и о многих из нас, не было; при всем том некоторые из крупных чиновников наместничества (из бывш. народовольцев) знали меня лично и знали, как врага нефтяников, но „легального" врага; присоединилось и влияние некоторых из моих „знатных" родственников, плюс—моя обычная конспиративность (никогда при более, чем 12-ти обысках, бывших у меня, ничего найдено не было).

**) Подробности опускаю... Замечу лишь, что при большой семье ехать „на ветер" я не мог... Утверждения „без протекции" мне на земской и городской службе не давали, прибегать же к ней мне всегда претило, хотя в данном случае мне ее определенно предлагали. В московский городской управе меня опять „не утвердили".

Не знаю, какая «муха меня укусила», но сначала не очень всерьез, а затем, постепенно увлекаясь, я отдался на все время войны делу кооперации (потребительской). Буду очень краток, хотя описываемая полоса моей бакинск. жизни крайне интересна и богата материалами в отношении всей бакинской жизни, в том числе и промыслово-заводской, ибо, насколько знаю, ничего более массового и серьезного у нас в то время не было *) Из ничего мы, частью и все большевики, оставшиеся вне подполья, создали массовое, хотя по форме и легализированное движение, опирающееся опять таки на массу нефтепромышленного пролетариата. Об'единение всех промыслово-заводск. кооперат. в единый сплоченный союз (под флаг. сначала о-во «Кооперация», а потом — «Прикаспийский союз потребит. обществ»), превращение этих «кооперативов» почти в настоящие кооперативы, создание в самом городе с отделениями на всех промыслах и окраинах города крупнейших многолавочных кооперативов (у меня «Кооперативный Союз», у меньшевистской публики «Самопомощь»), **) пред'явление к нефтепромышленникам уже на «кооперативной» почве ряда экономических требований, организованное и постоянное давление через наши об'единенные кооперативные органы на местную городскую думу и «совет с'езда нефтепромышленников»,—все это создало из местной кооперации своего рода «седьмую державу». К голосу наших представителей (выборных), в том числе и рабочих, весьма и весьма прислушивалось особое продовольственное совещание, вершавшее продовольственный вопрос Баку и его районов. Мы там не особенно стеснялись. ***) Правда, приходилось и в речах и писаниях иногда прибегать к «дипломатическому» языку о нуждах «тыла» и проч. (да простят меня товарищи!), но, думается, эта мишура всеми нами понималась тогда должным образом.

Уже в процессе развития работы, когда обнаружилась наличность массовой крепкой спайки в широких пролетарских слоях, хотя и под прозаическим видом «кооперации», я получил уверенность, что мы делаем, действительно, большое и хорошее дело, и именно в революционном даже отношении. Создалась уверенность, что в результате мировой бойни, чем бы она ни кончилась, трудящиеся массы, в особенности пролетариат, пред'явят царскому правительству вексель на очень и очень крупную сумму, и что несомненно самодержавие и обогатившиеся войной капиталисты не смогут уплатить по этому векселю даже и процентов. Вот к этому то моменту наша промыслово-заводская рать и должна держать на

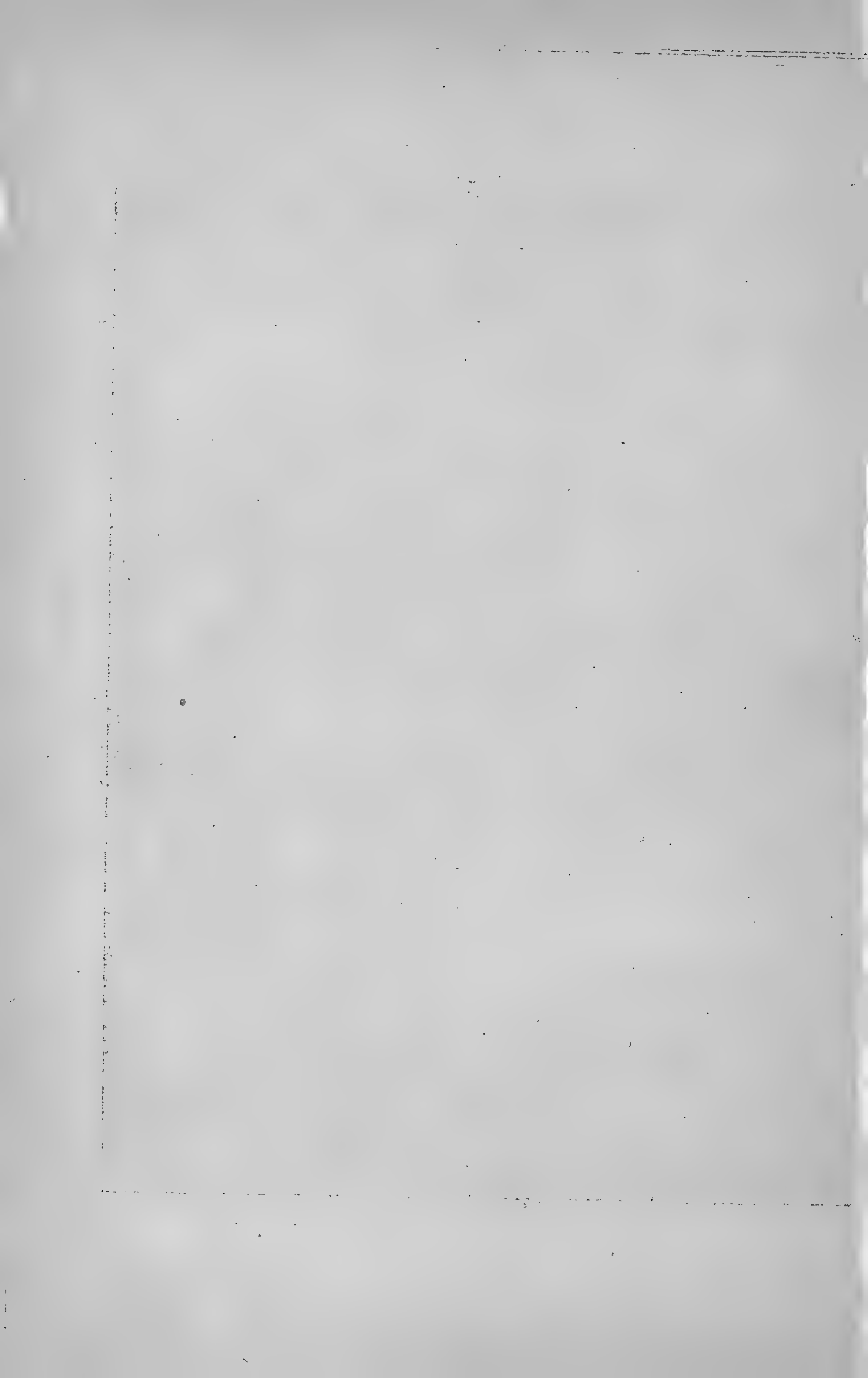
*) В это время другие промышленные центры в значительной степени ушли в страховое дело (тоже легальная возможность!!), но, по условиям бакинской рабочей жизни, обычная постановка страхового дела была для рабочих экономически прямо таки реакционной (хотя, опять таки, меньшевики думали иначе) и мы предпочитали вовсе не иметь никаких страховых касс. Во время занятия кооперацией я, между прочим, одно время работал по страховому делу в кавказском страховом т-ве, заведуя тарифно-статистической частью и был в курсе всех этих вопросов.

**) Я был председателем правления о-ва „Кооперация“ и одновременно „Кооперат. союза“.

***) Помню свое выступление с критикой продовольственной политики „буржуазной“ бакинской думы на с'езде городов Кавказа, бывшем в Тифлисе, куда я был делегирован всеми пром.-зав. и городск. кооперативами еще „на заре“ бакинского кооперативного движения. И там нас, как представителей бакинских рабочих, очень и очень слушали и на резолюции с'езда наш голос отразился (о демократизации продовольствен. дела городов).

Похороны Петра Монтина.

готове свою организацию: пусть она будет пока хоть столь невинной (ибо, что невиннее кооперации!!). Свой классовый характер наша кооперация, по бакинским условиям, ни в коем случае не могла затерять даже в то время. Моя уверенность отчасти оправдалась после февральской революции, когда товарищи меня же посадили за трудное продовольственное дело Баку и Бакинской губернии, явившееся непосредственным продолжением все той же нашей кооперативной эпопеи (не буду говорить о том, что наша работа и вообще не пропала в смысле скорейшего использования последствий февральской революции),

Остановлюсь еще на одном интересном моменте этого времени. В результате продовольственной половинчатости городских властей, в том числе и городской думы, в городе стихийно разразился продовольственный погром, весьма напугавший всю буржуазию. Городская дума встряхнулась. И вот я, известный крамольник, получаю предложение заведывать городским продовольственным отделом, и даже «на правах члена управы». Причина ясна: буржуазно-цензовое самоуправление в таком пролетарском центре, как Баку, оказалось бессильным своими средствами и своими людьми бороться с продовольственной разрухой. После погромной встряски (волна продовольственных погромов шла тогда по всей России) понадобился этот экстраординарный выход. По ряду соображений (зная, между прочим, всю эту клику—хозяев города), я и думать не хотел о согласии, дорожа своей обычной полной независимостью. Однако, специально созванное собрание уполномоченных пром.-зав. кооперации большинством голосов решило этот вопрос за меня иначе. Я не закрывал глаз на будущее и смотрел на ожидавшую меня работу, как на своего рода «голгофу», в чем я, в сущности, не обманулся (до конца 17 г.). У меня оставалась еще надежда, что меня или не утвердит дума, или градоначальник (прежний градоначальник—мой «враг»—за какие-то грехи был убран). Я все со своей стороны сделал для этого. К сожалению, я не сохранил разработанную на тот предмет «кооперативную декларацию» (насколько помню, она во многих отношениях ничуть не была хуже наших теперешних деклараций на ту же тему). Однако, хотя большинством и одного голоса, но все же в городские и продовольственные «диктаторы» (это и по сути моей декларации) я прошел, а градоначальник Ковалев утвердил (видимо по особому представлению гор. управы).

И в дальнейшем, все время координируя свою прод. работу в гор. думе с волей уполномоченных кооперации (я поставил условие сохранения своих выборных должностей в кооперации), усердно работая, я в то же время все сделал, чтобы быть дальше от чуждой мне среды. Держал себя на думских собраниях совершенно независимо *), ущемлял частную торговлю за счет кооперации во всю, использовал городские средства для кредитования кооперации тоже во всю. Тем не менее, отставку мне так и не решились предложить **).

*) Из всех гласных очень часто один тов. Азизбеков (один из „26“ бакинских комиссаров) и поддерживал меня и всегда одинаково горячо.

**) Впоследствии, при составлении положения о прод. к-те, порученном мне исп. к-том, я так урезал права на представительство в прод. к-те цензовой думы (больше чем диктовало нам врем. правит.), что в думе получился форменный скандал. Тем не менее, и эти и дальнейшие, уже прямо таки грязные подкопы под меня (уже в бытность мою в губ. и гор. прод. управ.) нимало не пошатнули моего положения: трудящаяся масса все время меня активно поддерживала.

К началу 17 года большевистская партийная организация в Баку совершенно отсутствовала, как почти и за все время войны. С февральской революцией, упавшей как снег на голову, возникла на некоторое время об'единенная организация с.-д. и только со временем—отдельно большевистская (стали возвращаться из ссылки т.т. Джапаридзе, Шаумян, Фиолетов и др. старые товарищи).

Естественно, 1-я революция застала всех врасплох: не знали как к ней относиться, даже и некоторые из наших товарищей б—в (оторванность от центров); все же решили держать курс на вовлечение в ход событий рабочих масс и на немедленное свержение старой власти в Баку, не дожидаясь развития событий в столицах. Иначе думала наша буржуазия, возглавляемая городской думой и советом с'езда нефтепромышленников. Не зная, «куда ветер подует», она влияла и уклонялась от обнаружения своего «лица» и чего-либо похожего на переворот.

В первые дни все помещения гор. думы почти стихийно наполнились рабочими и служащими—городскими и промысловыми. Рядом, за дверьми—экстренное об'единенное собрание гор. думы и совета с'ездов нефтепромышленников, еще более смущенное и определенно настроенное на выжидание. Устроив мимолетное совещание представителей собравшихся групп рабочих и служащих, между прочим, полно представленной и нашими кооператорами, в особенности большевиками, быстро решаем вести линию энергичного давления на «отцов города» и хозяев промыслов. Растворяемся по митинговавшим группам. В результате—автор этих очерков вкупе с 2—3 товарищами делегируются на заседание думы с ультимативным требованием от имени рабочих и служащих немедленного создания гражданского исполнительного комитета, представленного рабочими и представителями революц. партий, а также и кооперации, и передачи ему всей полноты власти. Председательствовал на этом собрании гор. голова Быч Л. Л.*). Когда мне было дано слово, я от имени собравшихся отовсюду рабочих и служащих подкрепил свое предложение предупреждением, что в случае дальнейшего колебания думы рабочие сами создадут гражд. исп. ком., но уже в составе, какой найдут нужным. За дверями обширных думских кулуаров шумели собравшиеся отовсюду рабочие. Только таким энергичным путем и было вырвано от гор. думы постановление о немедленном образовании новой революционной власти, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Нам потому пришлось координировать свои действия с такими буржуазно-общественными организациями, как гор. дума, и толкать ее в застрельщики, что у революционных организаций, у рабочих и вообще у «революционной демократии» (модное тогда выражение) не было никакого своего общепризнанного центра (в частности—у нас большевиков): не кооперации же об'явиться им.

В дальнейшем все пошло, как по писанному. Образование полномочного гражданск. исполнит. к-та (в самый первоначальный состав официально от партии, кажется, никто и не вошел: я с несколькими товарищами входили от бакинской кооперации), пред'явление гр. исп. к-том тре-

*) Впоследствии председатель кубанской рады, не признававший ни большевиков и Советской власти, ни верховного правительства Деникина и еще при последнем—с группой таких же самостийников—эмигрировавший за границу.

бования градоначальнику, губернатору, нач. гарнизона—о передаче власти—беспрекословно и сразу же было исполнено. Это «братание» с нашей буржуазией, к сожалению, слишком затянулось. Политика социального и политического «мира» в исполнит. к-те проводилась очень долгое время, даже с оформлением большевистского к-та, даже с появлением т.т. Шаумяна и друг.

В дальнейшем, до конца своей бакинской жизни (до июля—августа 1917 г.) я был всецело поглощен продовольственной работой, с которой меня не захотели снять дорогие товарищи и на которой я немного остановлюсь. В силу полнейшей зависимости Баку от привозного (с Северного Кавказа) хлеба и еще до революции крайней остроты продовольственного вопроса в Баку (перебои транспорта, в связи с военными обстоятельствами и пр.), а также и отсутствия сколько нибудь больших запасов хлеба, положение продовольственного дела Баку в весьма значительной степени отражалось и на самой прочности всех завоеваний революции, не говоря уже о влиянии на ход промысловых работ. Местные темные силы всячески использовывали даже малейшие продовольственные заминки для выступлений темной мещанской массы (главным образом—татарской). Будучи председателем правления созданного мною сначала городского, а затем и губ. прод. к-тов, я с товарищами поставил тов. большевикам условие, что поведем большевистскую продовольственную политику, считаясь, главным образом, с Советом рабоч. и солд. депутатов и меньше всего—с формальным хозяином—соглашательским гражданск. исп.к-том*).

Создав аппарат, как в губернском центре, так и во всех уездах, в своем составе исключительно из своих товарищей или большевиков, или близких к нам кооператоров**), мы честно выполнили поставленное нами условие о большевистской продовольственной политике. Прежде всего, путем обложения всего ввоза и вывоза мы создали и все время имели свой независимый бюджет, несмотря на протесты бак. исп. к-та и тифлисских властей, считавших это обложение незаконным. Под строгий контроль был взят весь ввоз, а в особенности вывоз в частные руки был воспрещен). Введен был строгий учет всех запасов—даже частных—продовольственных продуктов и предметов широкого потребления. И даже хлебные запасы нефтепромышленных королей в трудные моменты пускались в общий оборот. Для проверки учрежден был целый отдел учета и реквизиций (реквизиционные отряды в деле реквизиций были беспощадны к нарушавшим наши постановления). Ко всем пристаням, жел.-дор. станциям, даже банкам были приставлены особые комиссары с целью наблюдения за незаконными операциями. Во все уездные города были посланы уездные продов. комиссары—первые проводники действительно революционной власти—с наказом считаться, в особенности с «Советом солдат-

*) Его первым председателем был Л. Л. Быч, а вторым—И. И. Фролов (был в 1904 г. в цекистской группе), называвший себя в то время „плехановцем" (впрочем, и Быч позднее просил его кандидатуру на выборах в учредительное собрание выставить от плеханновской группы).

**) Моим ближайшим помощником (тов. предс. губ. прод. упр.) был, потом заменивший меня, А. А. Бекзадян (потом—полном. предст. Армении в РСФСР, а сейчас в Германии); в числе „уездных комиссаров" такие тов., как М. Г. Атабеков (старый член РКП). тов. Мусабеков (пред. Совнаркома АССР) и др. ответственный работы выполняли т.т. Шаумян, Стуруа и др., правда, работая не по партийное линии.

ских депутатов» (это были по условиям того времени самые надежные «Советы» в Бак. губ.). Если прибавить к этому, что мы, вопреки воле Тифлиса (краевой продовольственный центр) и исполн. к-та, об'явили в губернии хлебную монополию (Кавказ временным прав. был из'ят из хлебной монополии) и открыли в связи с ней сеть своих агентур и контор,—то важность института уездн. продов. комиссаров будет еще более ясна*) Мы мало считались с протестом «граждан. губернатора» и гражд. исп. к-та, будучи уверены, что и т.т. б-ки и Сов. Р. К. и С. Д.—всецело за нас; только перед последним, как и нашей партией, я и т. Бекзадян, по мере надобности, и отчитывались, да и то редко приходилось, ибо работа наша вся была на виду (тем более, что мы издавали и собственную литературу—«Известия» и пр.). Наши «беззакония» дошли даже до времен. правительства по жалобе персидских рисоторговцев, у которых мы по твердой цене «взяли на учет» все запасы сырья (вызывалось острой нуждой фронта, так как купцы беспрерывно взвинчивали цены). Однако, это не мешало нашему «персидскому» отделу торговли (и такой отдел был заведен) делать иногда хорошие дела. Насколько мы, бакинцы, были одиноки среди всех кавказских продовольственников и насколько в них силен был дух «демократии», доказывается тем, что на краевых продов. с'ездах наши предложения—держать в продов. политике курс на Советы—почти единодушно проваливались. Такая продовольственная политика вполне отвечала социальным и политическим особенностям Баку. Меня не покидает убеждение, что и в то время и несколько позднее и ближе к концу первой Сов. власти в Баку наши тов. большевики, а в особенности Степан Шаумян, сильно ошибались, слишком уж считаясь с силами разных псевдореволюционных партий (эс-эро-меньшевики, дашнаки) и уступая им и переоценивая их. Не отсутствие ли сразу же взятого твердого курса со всеми последствиями гражданской войны для крупной бакинской буржуазии и их виднейших идеологов оказалось одной из важных причин трагического конца—и 26 лучших наших товарищей и первого этапа Советской власти в Баку? Когда нибудь после на этой странице бак. револ. хроники я, может быть, остановлюсь специально. Эта страничка очень поучительна, как показатель того, как иногда бывают вредны для пролетарской революции последствия «гражданских свобод», несвоевременно допускаемых.

После более чем годовой продовольственной работы, положения, при местных условиях, как бы «на вулкане»,—после постоянных случаев провокации буржуазии, натравливавшей на нас темные толпы городского мещанства, после ряда случаев всяческих угроз, клеветнической грязи и и т. п., я не выдержал и под благовидным предлогом, кажется, в июле или августе 1917 года, покинул Баку.

А. Стопани.

*) Был создан даже сильный военный заградительный отряд, имевший свой поезд. Этот отряд в начале 1918 г. сыграл крупную роль в известном деле при Шамхоре. Грузино-меньшевистское правительство в союзе с властью елисаветпольских ханов и беков обезоруживало эшелоны фронтовиков, возвращавшихся с турецкого фронта (как большевистские) и уже начинало подготовлять действия против Советского Баку (хотя тоже не совсем Советского, ибо еще в январе соглашательская городская управа там еще существовала). Следуя со своим продов. отрядом из Тифлиса на Северный Кавказ, мы должны были взять на себя военное руководство почти над десятком разложившихся в военном отношении эшелонов (хотя и вооруженных даже артиллерией) и с боем, неся потери, продвигаться вперед.

Бакинская организация большевиков в 17—18 г,

Февральская революция совершенно изменила те условия, в которых приходилось бороться нашей партии, открыв возможность легальной работы. Этим увеличился размах партийной работы и расширилось поле деятельности партии. С другой стороны, свержение самодержавия и установление чисто буржуазного правительства в эпоху империалистической войны и международных встрясок поставили перед партией более коренную, непосредственную задачу, именно, превращение империалистической войны в гражданскую, свержение буржуазного правительства и захват власти рабочим классом в лице Советов. Однако, февральская революция имела в первые дни своего возникновения и иное значение: она сыграла большую роль по внедрению в сознание рабочих мелко-буржуазных иллюзий. В первый период революции, когда самодержавие было свергнуто и установлено буржуазное правительство—буржуазия стремилась на этом остановить ход революции и повести за собою рабочий класс и крестьянство для укрепления буржуазно-капиталистического государства. Широкие рабочие массы, попавшие сразу из условий диких репрессий в обстановку широчайшей свободы, какая возможна при буржуазном правительстве, легко воспринимали мелко-буржуазные идеи.

Первые месяцы февральской революции вплоть до мая, по крайней мере в Баку, прошли под знаком развертывания своих программ социалистическими партиями перед рабочими массами. Для многих широких кругов рабочих, не вовлеченных при царизме в политику, эти программы представляли новость. Происходила своеобразная «конкуренция» между программами, расхваливание своих програм и критика чужих.

На рабочих собраниях, устраивавшихся так часто и привлекавших так много рабочих, программные вопросы являлись центром. Многие, наверно, помнят знаменитого эсеровского оратора Звоницкого, как оказалось потом, персидского помещика и большого авантюриста, который, выступая на собраниях преимущественно по аграрному вопросу, раскритиковывал соц.-демократическ. программу и какими-то вычислениями устанавливал, что по аграрной программе эсеров, если ее провести, на каждую душу населения в России приходится 37 с четвертью десятин земли. Заключительные слова его лекции бывали: «кто за аграрную программу, кто за 37 с четв. десятин земли трудящемуся, пусть идет записываться в партию эсеров». И сейчас же после окончания собрания сотнями и тысячами записывались в партию, не разбираясь, конечно, в сути дела.

Не только в Баку, но вообще по всей России, первые месяцы февральской революции были медовым периодом расцвета эсеровской партии и ее разбухания, как мыльного пузыря.

Вот, приблизительно, та обстановка, которая господствовала первые месяцы в Баку.

Февральская революция не только создала иллюзии среди малосознательных рабочих, но повлияла также и на наши партийные массы. Многим из наших товарищей, в особенности рабочим, казалось, что разногласия, которые разделяли большевиков и меньшевиков, изжиты вместе с самодержавием, и что в связи с революцией требуется и об‘единение всей социал-демократии.

Широкие партийные массы питали сильное влечение к об‘единению. Это послужило основанием к тому, что после февральской революции обе фракции—большевиков и меньшевиков—об‘единились в одну партию.

Против об‘единения были лишь 2—3 товарища и 3 активных работника, остальная партийная масса, сверху до низу, стояла за об‘единение.

Однако, по мере развертывания классовых противоречий и политических разногласий по всей стране, постепенно углублялась фракционная борьба в бакинской об‘единенной организации и становилась очевидной неизбежность раскола. Становилось все яснее, что меньшевики, родственные с нами по программе, в реальной своей деятельности ближе к эсерам, чем к нам. Поэтому, несмотря на формальное об‘единение, еще с конца апреля мы, большевики, как это ни странно, стали собираться конспиративно от меньшевиков. Правда, собирались не большой массой, а лишь руководящие партийные работники, человек 10—12. Предметом обсуждения этих совещаний было определение большевистской тактики по вопросу о политике в Баку и организованное ее проведение внутри единой организации. Это было возможно тем более, что в об‘единенном бакинском комитете мы составляли большинство, а в редакции «Бакинского Рабочего», выходившего тогда не ежедневно, из-за отсутствия средств, также имели перевес. Борьба с меньшевиками особенно обострилась по вопросу о газете, и эта борьба не давала возможности развертывать газету и придать ей ярко большевистский характер. Половинчатость и недоговоренность чувствовались во многих статьях «Бакинского Рабочего».

Убедившись в неизбежности раскола, большевистское фракционное собрание активных работников обсуждало также пути и способы раскола. Если он оттягивался, то лишь потому, что ставилась одна важная задача: раскол приурочить к такому моменту, чтобы, во-первых, отколовшимися явились не большевики, а меньшевики (от этого зависело удержать за собой большое количество фракционно не определившихся еще рабочих), во-вторых, расколоться так, чтобы оставить за собою газету «Бакинский Рабочий», и, в-третьих, оставить за собой весь партийный аппарат.

В первой половине мая с апрельской всероссийской партийной конференции, проездом из Москвы в Тифлис, приехали товарищи Миха Цхакая и Филипп Махарадзе и подробно информировали о решениях конференции, о политике партии, об отношениях к меньшевикам, и особенно резко подчеркнули необходимость ускорения раскола в виду быстрого

развития борьбы между большевиками и меньшевиками в революционных центрах России.

Нужно было совершить раскол революционным путем и поставить меньшевиков перед фактом исключения из партии. Тогда еще в некоторых районах внутри об'единенной организации меньшевики имели большинство; например, в Завокзальном районе. Балаханы и Биби-Эйбат—эти промысловые районы являлись цитаделью большевизма. Поэтому было решено конференцию созвать в Балаханах, в здании реального училища. Для того, чтобы урвать еще больше революционных рабочих от меньшевиков, на конференцию были приглашены все делегаты интернационалисты, избранные на об'единенную конференцию большевиков. Неожиданно для меньшевиков вместо об'единенной общебакинской конференции 25 июня в Сабунчах состоялась обще-бакинская большевистская конференция, совместно с социал-демократами-интернационалистами. (Их было около десятка). Конференция единодушно решила считать меньшевиков-делегатов исключенными из партии. Меньшевики, узнав о том, что фактически раскол уже произошел и оформляется в Балаханах на конференции, прислали свою делегацию в лице старика Исидора Рамишвили, Цуринова и Богатурова. Делегация уговаривала нас не раскалываться и остаться в единых рядах. Мне помнятся подлинные слова Исидора Рамишвили: «Не раскалывайтесь, товарищи, не уходите от нас, ибо если вы уйдете от нас, *то мы поправеем и попадем в об'ятия буржуазии, а вы в об'ятия анархизма;* мы друг друга дополняем, и наше отдельное существование невозможно» и тому подобного рода «поповские» наставления, которые никакого впечатления на конференцию не произвели. Даже интернационалисты социал-демократы, не большевики, не поддались уговорам Рамишвили и остались вместе с нами. Конференция избрала первый, чисто большевистский, бакинский комитет. Весь аппарат бакинского комитета и газета остались за нами. Пошла работа по оформлению раскола на местах в районах и ячейках.

С этого момента кончается кратковременный период об'единения с меньшевиками (от марта по июнь) и начинается новый период, когда наша партия не только ведет отдельное от меньшевиков существование, но одна на своих плечах выносит всю тяжесть гигантской борьбы за рабочее дело, имея против себя по ту сторону баррикад не только буржуазию и помещиков, но и их прихвостней—эсеров и меньшевиков, вчерашних друзей.

Раскол содействовал не только более яркому развертыванию знамени большевизма и пропаганде его боевых лозунгов, но и помог усилению притока в нашу партию многих сотен и тысяч рабочих. Меньшевики, как по всей России, так и в Баку, попытались использовать июльские события для развала большевистской организации. Для обмана рабочих они использовали хулиганскую клевету о том, что большевики живут на немецкие деньги, что они шпионы Вильгельма и прочую мерзость.

Характерным, для первых месяцев, моментом было то, что председателем бакинского совета был избран и несколько месяцев состоял таковым большевик тов. Шаумян, в то время, когда в Совете подавляющее большинство было за эсерами, меньшевиками, дашнаками и муссавати-

стами. Это отражало об'единительные тенденции всего бакинского пролетариата и об'яснялось также тем, что среди всех политических деятелей в Баку тов. Шаумян персонально, по своему авторитету, знаниям и опыту был несомненно выше всех других. Однако, по мере обострения противоречий в партийной борьбе и отпадения персональных соображений, председателем Совета был избран представитель самой большой тогда фракции эсер Сако Саакян и Ис. Рамишвили от меньшевиков.

Необходимо отметить августовскую забастовку и упорную борьбу единым фронтом всех бакинских рабочих за коллективный договор, прошедшую под руководством большевиков и в частности тов. Алеши Джапаридзе, предс. центрального статечного комитета. Эта стачка много содействовала укреплению авторитета нашей партии среди беспартийных рабочих, доказавши, что только большевики готовы решительно на деле бороться за рабочие интересы и привести к победе. Эта стачка окончилась победой. Это была победа всего бакинского пролетариата и нашей партии.

Уже летом внутри эсеровской партии на ряду с многочисленными течениями обозначались два ярко враждебных крыла: левое и правое, что привело к расколу всей эсеровской партии, а также бакинской организации на партию левых эсеров и правых эсеров. Левые эсеры, толкаемые революционизировавшимися рабочими, находившимися в их рядах, все приближались к нашей партии, поддерживая ее во многих вопросах политической борьбы, как, например, по вопросу о войне, о передаче власти Советам и т. д.

Запоздание развития политической борьбы внутри бакинского пролетариата обусловило медленный и запоздавший ход Октябрьской революции в Баку. После разгона временного правительства и перехода власти к Совету Народных Комиссаров в центре, началась острая борьба внутри Бакинского Совета и его Исполкома. Несмотря на непрочность нашего большинства вместе с левыми эсерами, Бакинскому Совету удалось принять постановление о переходе власти к Советам. Эсеры и меньшевики ушли и с'организовали комитет общественного спасения (до этого еще существовал «Исполнительный комитет общественных сил», пресловутая местная коалиция бакинской буржуазии с социал-соглашателями). Однако, меньшевики и эсеры, не достигнув успеха, вынуждены были вернуться в Совет, во главе которого стали наши товарищи, поддерживаемые эсерами. Непрочное большинство в Бакинском Совете, наличие в его среде националистических партий, как Дашнакцутюн и Муссават, и ряд других причин не дали возможности сделать Бакинский Совет настоящим и безраздельным хозяином Баку. Хотя власть была в руках Бакинского Совета, однако меньшевики и эсеры имели такую же, как и раньше, возможность борьбы и агитации против нас. С другой стороны, националистические партии—Дашнакцутюн и Муссават, имея неограниченную свободу в своих действиях, собирали, вооружали и организовывали свои силы для национальной резни между азербайджанцами-тюрками и армянами. Наличие всех этих контр-революционных сил, группировавшихся по разным направлениям, чрезвычайно осложняло положение Баку, не давая упрочиться Бакинскому Совету. Ясно, что для укрепления Совет-

Похороны Петра Монтина.

ской власти в Баку нужно было пресечь контрреволюционную деятельность этих партий и расчистить почву для советского строительства. В противном случае было ясно, что предстоят большие осложнения и трудно будет удержать группирующиеся силы от неизбежного столкновения.

Столкновение началось в марте 18 года и кончилось кровопролитным боем на улицах Баку. Попытка партии Муссават устроить восстание против Совласти и умелое использование этого восстания другой политической партией—Дашнакцутюн в своих националистических целях, при темноте мусульманских масс, еще более спутали карты и затруднили дело бакинского пролетариата. Если армянские рабочие массы, тогда значительные в Баку, в подавляющем большинстве находились под властью дашнаков, то это еще в большей степени можно сказать о мусульманах рабочих, превращенных партией Муссават в свое слепое орудие. Мартовские события, заставившие Бакинский Совет решительно взяться за организацию своих сил, имели другим своим последствием еще большее отчуждение мусульманских трудовых масс от Советской власти.

Сейчас же после мартовских событий (через неделю) состоялась обще-бакинская партийная конференция, где обсуждалась тактика нашей партии. Там был поставлен вопрос о разгоне национальных советов (правильнее, армянского национального совета, поскольку после мартовских событий мусульманский совет перестал легально существовать), о разоружении национальных вооруженных частей и организации своей Красной армии. Дальше также стал вопрос о дальнейшем существовании думы (где мы составляли меньшинство), которая противодействовала Советской власти. Был возбужден и вопрос о национализации нефтяной промышленности, национализации домов, о мерах привлечения мусульманской бедноты на сторону Советской власти путем улучшения положения рабочих, с одной стороны, и разрешения земельного вопроса для окружающего мусульманского крестьянства, с другой стороны. Однако, на этой конференции большинство из этих радикальных предложений было провалено, и лишь, насколько мне помнится, было принято решение об упразднении национальных советов.

В дальнейшем стал вопрос о возглавляющем органе власти в Баку. До этого момента положение было такое: с одной стороны, существовал исполнительный комитет Бакинского Совета во главе с тов. Джапаридзе; наряду с исполкомом существовал военно-революционный комитет Кавказской Красной армии. Наконец, во время мартовских событий был создан также «Комитет обороны г. Баку и его районов», во главе которого стоял тов. Шаумян. Когда события были ликвидированы, возник вопрос: ликвидировать ли Комитет обороны, передав все его функции Бакинскому Совету, или создать другой орган? Бакинским комитетом партии было решено создать Бакинский Совет народных комиссаров с тем, что ему будут подчиняться не только Баку с его районами, но и ближайшие уезды, не захваченные муссаватистами, а также те районы Закавказья, которые предполагалось постепенно стянуть под знамена Советской власти. Бакинский Совет народных комиссаров мыслился не только властью для Баку, но и высшей властью, если не для всего, то, по крайней мере, для Восточного Закавказья. По вопросу о привлечении в состав Совета на-

родных комиссаров других партий, в нашей бакинской организации обнаружились разногласия. Насчет привлечения левых эсеров никаких разногласий у нас не было; шли споры, главным образом, о правых эсерах. Большая группа ответственных партийных товарищей, главным образом, работавших в исполкоме, настаивала на включении эсеров в Совет народных комиссаров и на составлении Совнаркома из коалиции трех партий: большевиков, левых эсеров и правых эсеров. Другая группа ответработников во главе с тов. Шаумяном и большинство партийных масс были против привлечения эсеров, допуская лишь персональное включение в состав правительства одного или двух эсеров. На обще-бакинской конференции эта последняя точка зрения получила большинство. Однако, это решение вызвало все-таки некоторый кризис в организации, поскольку сторонники первой точки зрения находили невозможным удержание и сконструирование правительства без эсеров и вопреки им. Поэтому, даже после решения бакинской конференции, споры продолжались. Они были исчерпаны лишь на обще-балаханской партийной конференции—цитадели нашей партии в Сабунчах, куда поехали защищать свою точку зрения т.т. Шаумян и Джапаридзе. Почти все рабочие делегаты от Балаханского района в числе 40 человек высказались за точку зрения тов. Шаумяна и против включения эсеров в правительство. Так как эсеры отказались от персонального участия в Совнаркоме, то вопрос об эсерах совершенно отпал, и Совнарком был сконструирован в большинстве из большевиков, а в остальной части из левых эсеров.

Возвращаясь к вопросу о городской думе, нужно отметить, что хотя обще-городская партийная конференция непосредственно после мартовских событий положительно не разрешила вопроса о роспуске думы немедленно, все-таки события развернулись так, что «Комитет революционной обороны Баку» был вынужден своим распоряжением распустить ее, не дожидаясь пересмотра через партийную конференцию. Это распоряжение было встречено общим удовлетворением всей нашей организации.

С момента мартовских событий и до них на нескольких обще-бакинских конференциях страстно дебатировался вопрос о национализации нефтяной промышленности. Нефтепромышленники саботировали, доводя нефтяную промышльнность до развала, не уплачивая рабочим во время жалованье и т. д. Многие партийные товарищи стали настаивать на необходимости национализации нефтяной промышленности, как меры спасения ее, и пресечения сильной организации нефтепромышленного капитала. На этой точке стоял также и тов. Шаумян, горячо защищавший на конференциях эту точку зрения. Многие ответственные партийные товарищи, ближе всех знавшие нефтяную промышленность, резко высказывались против ее национализации, указывая, что мы не справимся с ее организацией и что эта мера не только не восстановит, но еще более разрушит нефтяную промышленность. В дальнейшем положительный ответ Москвы и общее настроение партийной организации вызвали постановление общ-бакинской партийной конференции о необходимости национализации нефтяной промышленности, что и было проведено позже с организованным Советом народного хозяйства. В начале мая перед бакинским пролетариатом выросла новая грозная опасность—продвижение турок в

Закавказье и подготовка их к нашествию на Баку. Вопрос об организации армии и защиты Баку стал ребром. Наспех были приняты меры. На фронте мы потерпели поражение.*). Турки заняли подступы к Баку. В организации армии и подготовке отпора туркам Бакинским Советом был допущен ряд ошибок, которые имели не малое влияние на последовавшее поражение Советской власти в Баку. Страшнейший голод, который переживал бакинский пролетариат в течение нескольких месяцев, внедрение меньшевиками и эсерами неуверенности бакинскому пролетариату в свои силы, страх, в особенности армян, перед резней в случае победы турок и щупальцы, пущенные английским империализмом,—подготовили бакинский пролетариат к роковому решению Бакинского Совета от 26-го июля 18 года (правда, небольшим большинством) о приглашении англичан для защиты Баку. Наша партия в эти критические минуты оказалась в меньшинстве. Широкие рабочие массы в решительную и опасную минуту не пошли за авангардом, но этот авангард—наша большевистская организация—сохранил непоколебимую верность рабочему делу. Фракция Бакинского Совета, собравшаяся во время этого заседания, большинством голосов решила, что если Совет станет за приглашение англичан (что ясно), то большевики отказываются от власти, что и было заявлено на заседании Совета. Однако, через несколько дней (кажется, через 2 дня) собралась обще-бакинская партийная конференция, которая, вопреки постановлению фракции Совета, решила власти без борьбы не сдавать, спешно организовать оборону Баку под руководством Совнаркома, об'явить всеобщую мобилизацию, призвать рабочих на защиту города и Советской власти и т. д. Таким образом, еще несколько дней продолжалась власть Совнаркома впредь до того, когда, благодаря непринятию нами решительных мер против подготовляемой измены, предательские партии меньшевиков, эсеров и дашнаков и частью подкупленный, частью обманутый англичанами Каспийский флот совершили переворот, арестовав наших товарищей при попытке эвакуироваться в Астрахань и с'организовав так называемую диктатуру Центро-Каспия. Хотя бакинский пролетариат в решительную минуту не пошел за большевиками, однако, авторитет наших вождей был еще силен среди рабочих—и меньшевики и эсеры вынуждены были освободить арестованных товарищей—Шаумяна и Джапаридзе. Верные нам вооруженные части, наш партийный отряд и отряд Петрова (левый эсер) расположились на Петровской площади лагерем в выжидательном положении. В этот момент на улицах Баку рвались турецкие снаряды и под Баку происходили ожесточенные бои. В защите города большую роль сыграла наша советская латышская батарея, стоявшая на берегу в лагере на Петровской пристани и отбившая в начале августа нападение турок своим бешенным огнем.

Меньшевики и эсеры стали распространять наглую клевету и ложь по адресу большевиков, обвиняя их в измене, предательстве и пр. Для того, чтобы рассеять и разоблачить настоящих изменников и предателей—агентов английского империализма, Бакинский комитет нелегально выпустил большую прокламацию, написанную тов. Шаумяном, анализирую-

*) Вопрос о причине нашего поражения, и, вообще, печальный военный опыт бакинской организации следовало бы особо рассмотреть.

щую происшедшие события и выясняющую предательскую роль соглашательских партий. Также был выпущен один номер «Бакинского Рабочего», посвященный этому вопросу. В дальнейшем у нас не было возможности воздействовать на рабочих печатным словом.

На Петровской площади в вооруженном лагере два раза состоялась обще-бакинская партийная конференция (почти вся наша организация находилась в этом лагере с оружием). Для того, чтобы об'единить волю партии в узкой группе товарищей, имевших чрезвычайные полномочия от организации, на первой конференции была избрана диктатура в числе 5 человек, которым было поручено вновь организовать Красную Армию, повести работу по разложению флота и вообще по укреплению наших вооруженных сил и получению поддержки из Астрахани; связи с Петровском, где наши еще держались, и т. д. Через несколько дней на последующей конференции вопрос уже стал иначе. Стал вопрос о том, что необходимо всем большевистским силам эвакуироваться в Астрахань на поддержку других фронтов Советской власти, на подготовку там сил, чтобы с большими силами вернуться в Баку. Если продолжать оставаться в Баку, у нас было два выхода: или подготовиться к восстанию против диктатуры Центро-Каспия, свергнуть ее и взять в свои руки власть в Баку (что большинство товарищей находило неосуществимым) или, оставаясь, вести борьбу с турками наряду с меньшевиками, эсерами и английским командованием, что было бы недопустимым для нас—большевиков, ибо это было бы патриотической политикой, а на деле поддержкой английского империализма, который со стороны Архангельска вел наступление против Советской власти, расстреливая и уничтожая рабочих. Поэтому фактически на партийной конференции фигурировало два предложения: одно—эвакуироваться, а другое—остаться и продолжать борьбу. Первая точка зрения имела подавляющее большинство, а за второе предложение стояло человек 8. Согласно решению конференции 13 августа, на 19 пароходах вся наша вооруженная сила (фактически вся бакинская организация), за исключением нескольких товарищей, оставленных специально для партийной работы в Баку, уехала из Баку. Однако, она была задержана на море каспийским военным флотот, обстрелявшим наших товарищей на Каспийском море. Таким образом, все пароходы были возвращены в Баку, человек 40 руководителей—ответственных товарищей—было арестовано и посажено в тюрьму, а остальные (среди них коммунистов около 3000 человек) были разоружены и высланы в Астрахань. После разоружения они не были оставлены в Баку, хотя многие этого просили, ибо меньшевики боялись, что, оставшись в Баку и влившись в ряды военных частей, они революционизируют их и подымут против меньшевиков.

С этого момента начинается новый кратковременный период жизни нашей бакинской организации: когда вся партийная масса была выслана из Баку, а руководители были посажены в тюрьму; оставшаяся горсточка товарищей взялась за восстановление партийной организации в Баку и за борьбу против предательства меньшевиков и эсеров. Дальнейшие события явились для нас лучшей агитацией среди рабочих. Меньшевики и эсеры, обещавшие рабочим, что в течение двух суток на бакинский фронт будет доставлено 12.000 дисциплинированных английских соддат, которые

отстоят грудью Баку, оказались перед разбитым корытом, ибо англичане в течение чуть не двух недель прислали лишь несколько сот солдат, а через полтора месяца, уже к моменту падения Баку, имели всего около 1.000 их, причем своих солдат берегли и редко пускали в бой, а больше занимались внутренней политикой. Между тем бакинские рабочие тысячами легли своими костями. Кроме того, все фальсифицированные и подтасованные меньшевиками документы, якобы утверждающие измену большевиков, оказались лживыми даже по признанию специальной международной комиссии, составленной в большинстве из контр-революционных партий (гда участвовал и я от большевиков).

Бакинский пролетариат с каждым днем отрезвлялся и ни для кого не было секретом, что пройдет еще несколько месяцев и он свергнет контр-революционную диктатуру и восстановит Советскую власть. Мы, не падая духом, а находя энергию и веру в недрах бакинского пролетариата, вели свою революционную борьбу. С трибуны Бакинского Совета наша фракция опубликовала декларацию, за которую оратор постановлением Бакинского Совета был предан военно-полевому суду, якобы за клевету, а именно за то, что декларация считает Каспийский флот «частью подкупленным, частью обманутым». В декларации мы жестоко критиковали и разоблачали контр-революционный характер переворота, подтасовку совета, денационализацию нефтяной промышленности, фактическое хозяйничанье англичан в Баку и т. д. Однако, события настолько быстро двигались, что меньшевиков и эсеров пришлось свергать не нам—большевикам во главе с восставшим бакинским пролетариатом, а турецким штыкам прогнать из Баку английских империалистов в Персию и к генеральско-казачьей контр-революции Северного Кавказа. Нужно отметить, что за несколько дней до падения Баку бакинским меньшевистским советом по инициативе эсеров было избрано правительство, так называемый совет управляющих, вместо существовавшей диктатуры Центро-Каспия, как временного органа. Однако, это, видимо, не понравилось английским акулам, действовавшим за кулисами, и через два дня, накануне эвакуации Баку, произошел «тихий» переворот. Совет управляющих «кем-то» был упразднен и была создана новая диктатура. Но всей этой чехарде диктаторских марионеток английского командования, торговавших кровью бакинских рабочих, не суждено было долго существовать. Если диктатура Центро-Каспия просуществовала 5 недель, а совет управляющих 3 дня, то новая диктатура существовала только лишь один день, не успев с‘организовать эвакуацию. Но все-таки она сумела сделать свое предательское, кровавое дело. Не справившись с задачей защиты Баку, она зато справилась с функциями палача и явилась истинной виновницей и убийцей лучших руководителей и преданных борцов бакинского пролетариата.

Наступают мрачные дни господства турецких полчищ и немецких агентов. Только что с‘организованная бакинская большевистская организация снова разгромляется.

За все время революционной борьбы можно указать редкие моменты, когда бакинский пролетариат не имел своей большевистской организации. Одним из этих моментов было первое время господства турок, когда с сентября месяца по декабрь у нас не было бакинской больше-

вистской организации, как таковой. Тысячи ее членов были посланы в Астрахань, десятки лучших вождей были расстреляны, другие десятки томились в тюрьмах Закаспия и Баку—и лишь нескольким десяткам удалось спастись бегством из Баку в Грузию и Персию и т. д. Одиночные большевики, которым лишь чудом удалось остаться в живых при господстве турок, ни одной минуты не оставались без борьбы и принимали меры к восстановлению боевой партии пролетариата; но лишь с декабря месяца, с возвращением некоторых других товарищей из Персии и Грузии и с новым приливом революционной энергии изнуренного бакинского пролетариата, наша организация восстанавливается и оживает.

Конец 18 года закрывает мрачную страницу истории рабочего движения в Баку, но этот же конец 18 года является началом новой революционной полосы. Бакинский пролетариат уже не под влиянием агитации, а своим кровавым опытом, испытав на своем теле предательство и измену лже-социалистических партий, ценою гибели своих вождей и бесчисленных жертв белого террора,—стал на тот путь истинной пролетарской борьбы, на котором честно погибли лучшие борцы бакинской большевистской организации. Целых полтора года, вплоть до апреля 1920 года, когда установилась Советская власть в Баку и во всем Азербайджане, бакинский пролетариат вел поистине героическую борьбу и во главе этой борьбы, на передовых позициях стояла наша бакинская, испытанная, спаянная кровью, большевистская организация. Вся меньшевистско-эсеровская гниль и грязь, выплывшая наружу в первые годы революции, была сметена самим бакинским пролетариатом и единственным его знаменем стал коммунизм, единственным его руководителем—стала большевистская организация. В самые тяжелые моменты черной реакции английской оккупации Баку, контр-революционной вакханалии муссаватского правительства, бакинский пролетариат, прошедший кровавую школу 18 года, проявил величайшую стойкость во всех боях и верность знамени коммунизма. И с каждого боя удачного или неудачного он выходил еще более окрепшим и спаянным, и завершил свою борьбу полной победой. В мрачные дни бакинской жизни меньшевики и эсеры—эти гнусные предатели—оказались не только палачами лучших бакинских вождей и рабочих, но явились и организаторами самого страшного поражения и разгрома бакинского пролетариата. С конца 18 года большевистская организация, разгромленная ими же вместе с бакинским пролетариатом, стала разгибать свою спину, укрепляться и явилась организатором победы бакинского пролетариата.

Мощь бакинской большевистской организации покоится на 25-летнем тернистом пути, на тысячах жертв и на героической преданности интересам рабочего класса. Да явится день 25-летней пролетарской борьбы днем нового укрепления мощи нашей партии. Больше сплочения бакинских рабочих вокруг своего крещеного в боях авангарда — коммунистической большевистской организации—для предстоящих, не менее сложных трудностей и испытаний».

А. Микоян.

История революционного движения тюркского пролетариата.

Стачка 1903 г.

Бакинская стачка 1903 г. имела значение не только общероссийское но и мировое. Вождь тогдашней германской социал-демократии, Бебель, подчеркнул это, заявив в рейхстаге, что рабочее движение в этом году имело два крупных успеха: это—бакинская стачка и победа германской социал-демократии на выборах.

В самом деле, среди так называемого безвременья, т. е. затишья в рабочем движении в России, эта забастовка явилась для капиталистического мира громом среди ясного дня. Вначале стихийно возникшая, затем руководимая бакинской организацией Российской Социал-Демократической рабочей партии, эта забастовка не могла не охватить всего бакинского пролетариата, в том числе и рабочих-мусульман. Эти последние, в силу положения вещей, втянулись в классовую борьбу с нефтепромышленниками, совместно со своими товарищами из других национальностей. Лозунгом движения рабочих было—завоевание себе лучшего будущего.

Несмотря на это, классовая сознательность среди рабочих мусульман оставляла желать много лучшего. Это об'яснялось, кроме общей отсталости, также отсутствием среди мусульман квалифицированных рабочих, которые, как известно, являются передовым элементом пролетариата. Поэтому рабочие мусульмане учились революционной борьбе в процессе массовых выступлений рабочего класса в Баку. Однако у них сильна была тяга к познаниям в области защиты своих интересов, вследствие чего они охотно слушали живое слово агитаторов нашей партии. Часто они просили своих русских, армян. и друг. товарищей о раз'яснении им целей и способов пролетарского движения. Но вся беда заключалась в том, что не было политработников мусульман, могущих растолковать рабочим на их родном языке смысл и необходимость происходящих событий. Изредка русские или армяне рабочие, умеющие еле-еле говорить по тюркски, могли поделиться со своими собратьям-мусульманами об общих целях рабочего класса в России и на Кавказе.

Ядро Гуммета.

Таким образом, потребность в агитации и в организации среди забитых рабочих мусульман вызывалась самой жизнью, вследствие чего такие работники долго не заставили себя ждать. Уже в 1903 году изредка появлялись отдельные товарищи, посвящавшие себя исключительно работе среди мусульман.

Ныне покойный Мовсумов Сеид и другие вовлечены были в орбиту борьбы бакинского пролетариата. Это были единичные работники предвестники будущей организации. Такая организация или еще вернее группа молодых социал-демократов сформировалась только в конце 1904 года. Толчком к этому послужило также общее оживление в рабочем движении и политической жизни в связи с надеждами на крах царского самодержавия в результате русско-японской войны, «призванной положить конец внутренней крамоле».

Вначале работа группы мусульман-марксистов носила узко-кружковой характер и велась, главным образом, среди молодежи и городской бедноты. Группа подготовлялась сама под руководством товарищей Джапаридзе, Шаумяна, Сталина, Фонштейна, параллельно с этим она делилась своими знаниями с отсталой братией.

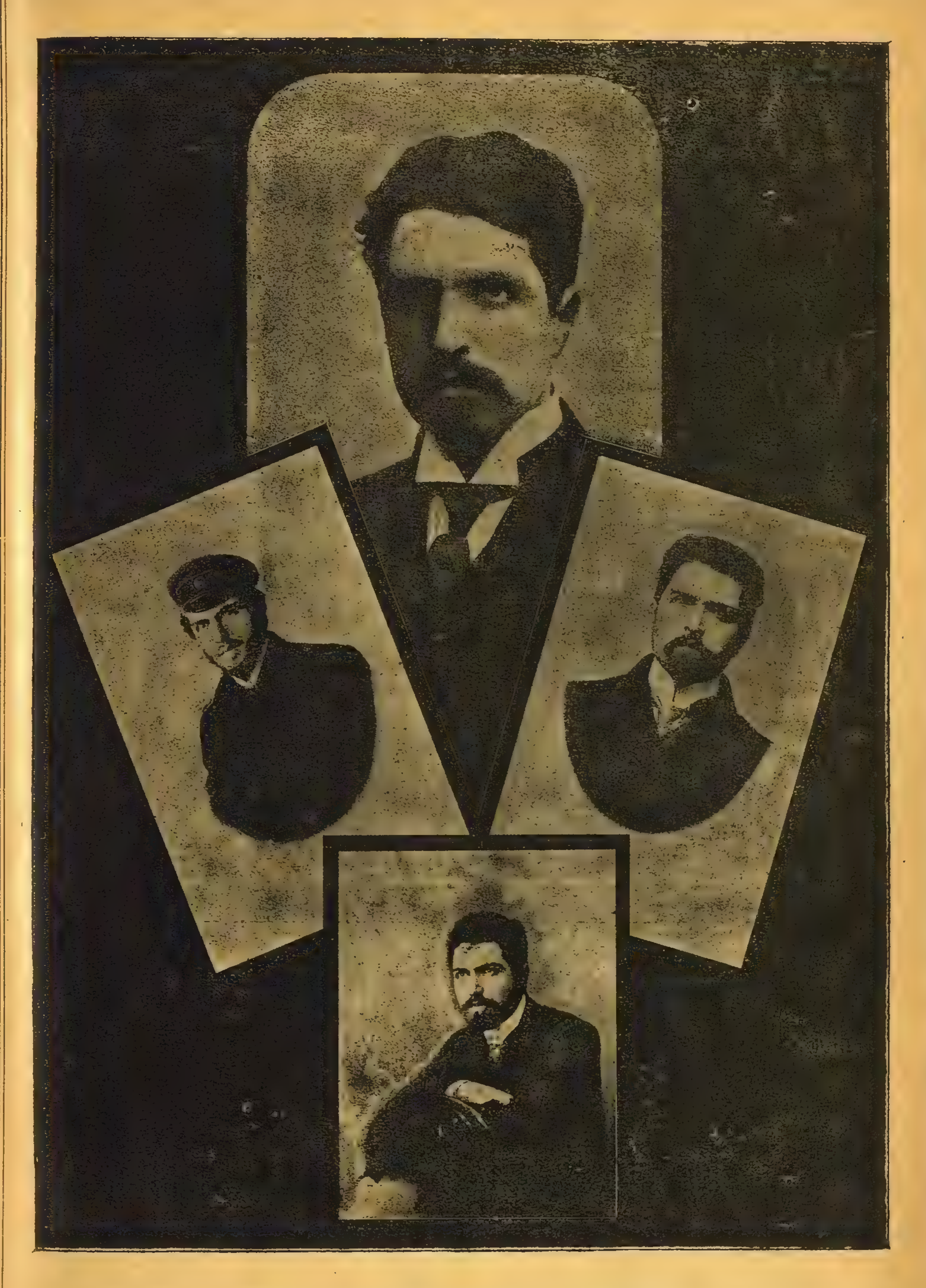
В это время группой издавался гектогграфический журнал под названием Гуммет (энергия*). В статьях его проводилась мысль о необходимости освобождения трудящихся женщин из под ярма капитала, упрекалась интеллигенция за ее отрыв от народа, незнание быта и языка «черни», разоблачалось духовенство и т. д.

Так как первое время организующим началом для названной группы служил журнал «Гуммет», поэтому впоследствии вся группа стала именоваться Гумметом.

Забастовка на фабрике Тагиева в 1904 г.

Первой ласточкой пробуждения классового самосознания мусульманского пролетариата является стачка на фабрике Тагиева в 1904 году. Рабочие этой фабрики, почти исключительно состоящие из мусульман, были доведены до отчаяния неимоверно тяжелыми условиями работы на предприятии своего хозяина—«гордости нации»-Тагиева. Помимо применявшихся на фабрике по отношению к рабочим побоев, издевательств в виде розг (фалакка), штрафов и других притеснений, путем хитрой махинации администрация опутала рабочих всевозможными сетями, в виде хозяйских фабричных лавок и проч.. Владелец, не довольствуясь крупными барышами фабрики, старался выжать из рабочих даже те гроши, которые они получали в то время в виде заработной платы, доходившей до 20 копеек в день. Слишком высокие цены на товары в этих лавках фабрики, а также на квартиру, баркас, дрова и воду вывели рабочих из равновесия, вызвав неожиданную забастовку. Рабочие перед забастовкой устроили собрание в яме возле фабрики, для того, чтобы не быть замеченными блюстителями порядка. Для предупреждения этой забастовки хозяин нанимал шпионов, которые под видом рассказчиков и дервишей обходили казармы рабочих для собирания сведений о настроении рабочих. Авторитет Тагиева был настолько велик, а наряду с ним забитость его рабочих была так глубока, что бунта с их стороны совершенно не ожидали. Благодаря этому Тагиев был сильно возмущен, начал требовать немедленного прекращения забастовки и в подкрепление своего требования послал казаков, избивших рабочих, арестовавших передовых

*) Я перевожу слово „Гуммет“ так; есть думающие, что это--взаимопомощь.

Ш а у м я н в молодости и в 1919 году.

и выславших из казармы не желающих приступить к работе. На целый месяц была закрыта фабрика в назидание бунтовщикам—рабочим.

В появивившемся в то время памфлете, под названием «Светоч среди мрака» (на тюркском языке) живо описывается тот переполох, который был поднят во дворце Тагиева при получении известия о забастовке его рабочих. Душой забастовки был товарищ Сеид МОВСУМОВ, который, бросив техническое училище, за некоторое время до нее, поступил на фабрику для сближения с рабочими и подготовки к забастовке, за что он подвергся аресту, избению и тюремному заключению.

Широкая дорога.

События 1904, 1905 гг. широкой волной разлились в Баку и его районах. Темп событий определил жизнь и в связи с этим деятельность «Гуммета» почти удесятерилась. Группа из своего узкого круга интеллигентской молодежи и городской бедноты вышла на широкую дорогу пролетарской борьбы на промыслах. Устная и отчасти печатная агитация и организационная работа поглотила почти все время гумметистов. Была страда. Каждому члену группы пред'являлась масса требований. Приходилось бегать из одного района в другой, где необходимо было повторять одно и то же в день раз десять на различных собраниях. Некоторые товарищи острили по этому поводу, что наши партийные работники уподобились муллам (розахан) в дни Шахсей-Вахсей: они сходят с одной трибуны для того, чтобы подняться на другую.

Организационная структура Гуммета.

В организационном отношении положение Гуммета в нашей партии было таково: она оффициально считалась при Бакинском Комитете РСДРП, будучи органически связана с ней и в то же время пользуясь автономией.

Наряду с Гумметом были при Бакинской организиции еще другие секции—латышская и армянская. Наша партия в вопросе о Гуммете осталась верной основному нашему принципу—т. е. единству и нераздельности партии и рабочего движения. Только в виду особых условий работы среди мусульман допускалось как бы отдельное существование такой группы. При этом мы делали некоторую погрешность, точно зная предел ее. Для лучшей живой связи между Гумметом и Бакинским Комитетом было установлено взаимное представительство, т. е. на заседание Гуммета приходил один член Бакинского Комитета (в качестве руководителя, большею частью приходил товарищ Алеша) и представитель Гуммета мог присутствовать на правах члена Бакинского Комитета на его заседаниях для того, чтобы держать всю группу в курсе решений Б. К.

Такая своеобразная организационная форма Гуммета была придумана как нельзя лучше, ибо бывали моменты в жизни бакинской организации нашей партии, когда Гуммету, по тем или другим соображениям, приходилось выступать самостоятельно. Укажу, например, на случай при заключении блока между социалистическими партиями (социал-демократия, эс-эры, гинчакисты, дашнакцуютюн и Гуммет), причем Гуммет здесь фигурировал как самостоятельная политическая единица, и это подчеркивалось руководителями бакинской организации для того, чтобы, во первых,

в блоке наших эпизодических попутчиков выиграть лишний голос для нашей партии и, во вторых, в том же блоке, созданном для пресечения национальных столкновений, участие мусульманской социал-демократии являлось требованием момента. Отсюда ясно, что слитно-раздельное существование Гуммета было вопросом не принципа, а тактики, прежде всего. Борьба с национальным антагонизмом явилась в это время для нашей партии необходимой предпосылкой партийной работы вообще, ибо, при кошмарных межнациональных столкновениях того времени, всякая партийная работа и пролетарская солидарность парализовалась, что и нужно было устроителям этих погромов. Поэтому нашей партией было обращено особо-сугубое внимание на работу среди мусульман; отсюда и вытекало усиление Гуммета.

Партия Иттифаг (союз).

Кроме Гуммета в Баку выделялась и партия Иттифаг. Эта организация возникла в конце 1905 года. Инициаторы ее долго не могли остановиться на выборе политической платформы. На учредительное собрание Иттифага были приглашены и гумметисты, которые изложили свою программу. Иттафаг отверг платформу Гуммета под тем предлогом, что она «непрактична»—вернее всего потому, что Гуммет был интернационалом. Иттифаг об'явил себя мус. эс-эровской партией, следуя примеру партии Дашнакцутюн, которая совершила такой же сдвиг в сторону мелко-буржуазного социализма. Из активных деятелей Иттифага нужно назвать Шерифзаде, Джеворлинскаго, М. Меликова и др., контактировавших свою работу с партией эс-эров.

Нельзя не отметить, что иттифагисты в своей работе были оппортунистичны до невозможности. Например, для поддержания своего престижа они не пренебрегали даже такими элементами, как кочи (головорезы-телохранители богачей), на которых они опирались (кочи Ага Керим и др.).

Этого обстоятельства было достаточно, чтобы скомпрометировать иттифагистов на глазах масс, стонущих под пятой кочи.

Первоначальный успех Иттифага во время межнацион. ненависти быстро рассеялся, и уже к концу 1906 г. организация почти что умерла своею естественной смертью.

Национальные столкновения.

Резня на Кавказе была отражением полосы погромов в России. Нужно ли говорить, что все эти распри—армяно-мусульманская, русско-армянская и другие были делом рук царизма и буржуазии. Врагам рабочего класса во что бы то ни стало нужно было и хотелось потопить революцию в Закавказьи в крови тех бедняков, которые менее всего были повинны во всем этом, а потому менее всех, казалось бы, должны страдать; а между тем, истинные виновники этой бойни, т. е. капиталисcты умели всегда избегать жертв. Надо заметить, что во всем этом подлую роль играла как мусульманская, так и армянская интеллигенция. Ка-

питалисты, держа на золотой привязи эту цензовую мелкую буржуазию, умели заставлять ее лить воду на свою мельницу. Пресса, руководимая националистами-писаками и издававшаяся на средства Тагиевых, Мухтаровых, Манташевых, Гукасовых и др..., разжигала народные страсти приведением всевозможных небылиц о зверствах враждующей стороны и тем самым подливала масла в огонь национальных пожаров. Не было ничего удивительного в таких провокаторских действиях богачей и их слуг. Удивительно было только то, что массы развращенной буржуазией городской бедноты не могли разобраться в инициалах*) на трехцветных флагах, которые носили впереди толпы черносотенцев, а также в том, что на Кубинской площади знак о запряжении людей вместо коней в фаэтон генерал-губернатора Фаддеева сделали именно крупные нефтепромышленники-домовладельцы Сафаралиев**) и Гаджиев, и напрасно герой дня Фаддеев испугался при этом, не давая себе отчета в происходящем, думая, что толпа из подонков общества, своеобразно выражающая свой восторг, нападает на него.

На другой день кровопролития разложившиеся верхи в лице армяно-мусульманского духовенства и королей нефти целовались в знак примирения. Они очевидно не знали, что массы принимают всякое враждебное слово за чистую монету и претворяют его в действия, от которых пострадали и карманы самих же капиталистов. Пожары промыслов доказали капиталистам безрассудность их деяний. Но тут на помощь им подоспел главный виновник погромов—царское правительство, щедро вознаградившее нефтепромышленников субсидией за подожженные промысла.

Общество „Якорь“.

А в благодарность за этот куш, при благосклонном участии капиталистов, в Баку с'организовалось общество «Якорь»—отделение «Союза Архангела Михаила», этого своеобразного проявления русского фашизма. Черносотенцы имели крупные денежные средства и всемерную поддержку бакинской администрации.

Здесь важно отметить, что самыми ретивыми и щедрыми членами о-ва «Якорь», долженствовавшего спасти царский и капиталистический мир от волн революции, были богачи Ага Бала Кулиев, Гаджи Аслан Ашуров и другие, наряду с черносотенными миссионерами и другими агентами Победоносцева.

Как раз в это время национал-либералы типа Топчибашева, Агаева проливали крокодиловы слезы, жалуясь на режим Победоносцева в отношении инородцев вообще и мусульман Закавказья в частности. Разве они не знали, что стоящие за их спиной и субсидирующие их Кулиевы, Ашуровы, Сафаралиевы и прочие другой рукой поддерживают о-во «Якорь», т.-е. погромы и контр-революцию, создаваемые для спасения того же самого режима Победоносцева.

---

*) Ашуров для патриотического шесвия снял флаг со своего парохода „Нина“.

**) Этот факт указывает, какое значение придавала мусульманская буржуазия благосклонному отношению представителя правительства в борьбе с армянской буржуазией.

И вот Гуммету и приходилось разоблачать фарисеев-либералов и черных, как сапог, якоревцев. Эта разоблачительная агитация имела успех, не говоря уже о рабочих районах, и среди городского мещанства. В среде самих обывателей стали раздаваться голоса протеста против «коварных» верхов, обвиняя их в заранее обдуманном кровопролитии, доказательством чего был от'езд на дачу буржуазии в разгар событий. В общем, разоблачительного и обвинительного материала против представителя капитала было так много, что нам облегчалась задача к прояснению классового самосознания масс.

Уже повторение междунациональных столкновений в августе 1905 г. застало социалистические партии и массы более или мнее подготовленными. Ввиду того, что в это время царизм и буржуазия выступали сплоченно, социалистическим партиям, в свою очередь, тоже пришлось выступить единым фронтом против взаимного истребления народностей. В силу этого вышеукаванному «блоку социалистических партий» удалось быстро локализировать новые вспышки национальной резни в Баку, выступив об'единенными силами против нарушения и нарушителей мира. Этот опыт показал, что революционные партии, координируя свои шаги, могут выступить против самодержавия и добиться своего.

Для закрепления установившегося межнационального спокойствия и разоблачения виновников резни Гумметом, совместно с товарищами-армянами, издавалась на армянском и тюркском языках газета «Коч-Девет» («Призыв»). Газета выходила при участии целого ряда наших партийных товарищей. Работали, главным образом, товарищи Сеид Мовсумов, Петрос Мнацаканов, «Дедушка», Расул Заде, я и др. Газета имела большой успех, так как явилась первым и удачным опытом периодического издания на двух языках.

«Коч-Девет» и наша агитация оказывают большое влияние на ликвидацию осадков межнациональной вражды и шовинистических предубеждений. Массы легко воспринимали наши взгляды, особенно при разоблачении всех проделок воинствующих верхов. В аргументах у нас не было недостатка. Наш агитационный арсенал был неисчерпаем, богат и убедителен. Массы в Баку теперь были уже равнодушны при вести о происходящих столкновениях армяно-мусульман в уездах, ибо результаты этих столкновений для бакинцев были осязательно ясны. Наоборот, само население принимало всяческие меры против кровопролития в уездах.

Работа в профсоюзах.

Законом 4 марта (с. г.) разрешались профессиональные общества (организации) рабочих. В Баку помимо таких об'единений трудящихся, как союз приказчиков, были два крупных союза: союз рабочих механического производства и союз нефтепромышлен. рабочих. 1-й из этих союзов был организован меньшевиками и состоял из квалифицированных рабочих (главным образом, русских), так сказать, верхушек рабочего класса. Во 2-й союз входили массы рабочих, занятых на промыслах—по добыче и бурению. Положение этой категории рабочих было так тяжело, что, несмотря на забитость, профессиональное движение имело среди них большой успех·

Задачи партии в области профессионального движения в то время, отчасти и теперь, заключались в том, чтобы организовать и поднять сознание не только квалифицированной передовой части пролетариата (она от нас никуда не уйдет), но и преимущественно отсталых рабочих масс, подвергающихся хищнический эксплоатации предпринимателей.

На такой точке зрения стояли большевики, беря на себя трудную обязанность по организации промысловых рабочих до чернорабочих включительно. Так как нефтепромышленники, желая ослабить силы бакинского пролетариата, играли на их групповых (по роду профессии и национальности) интересах, поэтому следовало против единого фронта королей нефти выставить фронт рабов нефтяной промышленности, чем и руководствовалась фракция большевиков Р. С. Д. Р. П.

Между тем, как при организации трудящихся по признакам узко-профессиональным, как-то: рабочие механического производства или судовые механики и т. п., помимо того, что получалась национальная группировка, еще распылялись силы пролетариата.

Союз нефтепромышленных рабочих был серьезным противником капиталистов и правительства.

По этой причине царизм и буржуазия направляли острие своего оружия именно против него. А союз рабочих механического производства был оставлен в покое врагами рабочих.

Гумметисты, главным образом, работали в союзе нефтепромышленных рабочих или в качестве членов правления или рядовых членов.

Из принимавших здесь участие назову: т.т. *Таги-Заде*, *Расул-Заде*, *Мамед'ярова*, *Якубова*, *Султанова*, *Эфендиева* и т. д.

Работа в районах.

Партия наша, учитывая все предыдущие события, обращает особое внимание на работу Гуммета на промыслах. При этом опорными пунктами нашей работы в районах были функционировавшие в это время вечерние курсы для рабочих, воскресная школа, профессиональные союзы, народные дома и столовые Совета С'езда Нефтепромышленников. Наши товарищи сидели во всех этих учреждениях и проводили свою линию при соприкосновении с рабочими. Благодаря этому мы использовывали все эти учреждения в полной мере. В перечисленных учреждениях под видом занятий по грамоте читались лекции, доклады (о первомайском празднике, об истории революционного движения и т. д.); здесь же обычно происходили тайные заседания и велись более серьезные кружковые занятия с рабочими. Работа, главным образом, шла в районах: Балахано-Сабунчинском, Заводском и Байлово-Биби-Эйбатском.

Провалы собраний в Сабунчах (1905—1907 гг.)

Для партийных собраний, обычно, найти место представляло чрезвычайные трудности: полиция зорко следила за всяким движением наших товарищей; поэтому найти помещение для больших собраний было затруднительно, так как Сабунчинская «Электрическая Сила» и больница (Р. М. Окиншевич) пользовались плохой славой у полиции и охранки, потому наши старались устраивать собрания там, где меньше всего

могло быть подозрений. Таким подходящим местом было селение Сабунчи, которое нельзя было заподозрить в приобщении к «крамоле». Обыкновенно находились люди, которые предоставляли свои дома под собрания, но загадочно было то, что эти собрания после одного—двух раз неизменно проваливались. Злые языки утверждали, что эти услужливые домовладельцы были подосланы полицией, как провокаторы. Личность их до сих пор не удалось точно выяснить, несмотря на то, что об этом положительно утверждали все. Наученные опытом этих провалов, наши товарищи уже после отказывались от «гостеприимства» этих агентов полиции и предпочитали собираться по ночам в открытом поле или на возвышенностях у казарм Московского товарищества (например, первомайские массовки). Но и тут бывали налеты казаков, от которых нам не было житья. Казачья сотня с шашками наголо набрасывалась при первых же гудках (признак забастовки) на бунтующие промысла, желая проучить их. Товарищ Али Бала предложил остроумный способ уничтожения их: дать ложные тревожные гудки—казаки, конечно, бросятся к ним и при прохождении сотни через Сабунчинский тоннель бросить в них в узком проходе тоннеля несколько бомб, что было бы достаточно для уничтожения сотни.

В этом направлении что-то делалось, но этот план не был осуществлен.

Борьба с шендриковщиной и коллективные договоры.

Осенью 1906 года шла кампания по подготовке к петроградскому совещанию рабочих с нефтепромышленниками. Мы использовали эти собрания, проводили там бойкот этого совещания, особенно отстаиваемого Щендриковым. Вообще щендриковщина требовала напряжения сил с нашей стороны. Она, играя на инстинктах рабочих «по улучшению быта» мелкими подачками (наградными, квартирными и т. п.), старалась оторвать рабочих от политической борьбы с царизмом. Есть взгляд, что шендриковщина своего рода проявление зубатовщины в Баку. Этот вопрос нуждается в изучении.

Но несомненно было то, что как правительство, так и нефтепромышленники всячески старались поддерживать авторитет братьев Шендриковых; это делалось с целью лучше закабалить рабочих. Шендриковщину как бы идейно питали меньшевики, проповедывавшие также воздержание от сепаратных выступлений против царизма, так как, мол, царизм нужно атаковать соединенными силами рабочих и либеральной буржуазии. Следы работ братьев Шендриковых долго оставались среди малосознательных рабочих.

При этом характерно отметить, что нефтепромышленники, при заключении коллективных договоров, охотно удовлетворяли требования квалифицированных рабочих (русских), но были неуступчивы в вопросе о поднятии заработной платы промысловым рабочим (тюркам, персам и т. д.). При этом капиталисты руководствовались двумя соображениями: во первых, таким путем они добивались раскола бакинского пролетариата по национальным его составным частям, удовлетворив более передовую часть

за счет отсталых; во вторых, такой прием диктовался простым коммерческим расчетом, что лучше увеличить ставки небольшой квалифицированной части рабочих, чем хотя бы малость прибавлять к окладам многотосячных неквалифицированных промысловых рабочих.

Проделка управляющих.

Эту же политику класса капиталистов в целом, совет с‘езда нефтепромышленников, в отдельности проводили их слуги управляющие на своих промыслах. Они всячески сеяли рознь между отдельными партиями рабочих мусульман, например: лезгинами, персами, тюрками и т. д... Такие управляющие высоко ценились нефтепромышленниками и зачастую при найме управляющих промышленники сообразовывались с уменьем данного управляющего разбивать рабочих по признаками происхождения (национальность), местожительству (карабахцы, кубинцы и дагестанцы). Таким образом, в Баку выработались «спецы» по распылению рабочих на «группы» с целью хищнической их эксплоатации. После всего этого немудрено понять, что рабочие проявляли свой гнев по отношению к управляющим целым рядом террористических актов (убийство управляющего промысла М. Нагиева—Талышинского и др...).

1906 год. Печатная агитация.

Издательская работа Гумметом была обставлена довольно широко. Кроме многочисленных листков издавались газеты, тем более, что Гуммет, печатаемый нелегально на гектографе в нескольких стах экземплярах, к этому времени не удовлетворял потребности. После отмены предварительной цензуры в 1905—1906 годах выпускалась газета «Елдаш» (Товарищ) с тиражем в полторы тысячи. Оффициальным редактором был товарищ Асадулла Ахундов.

По закрытии цензором «Елдаш‘а», нам не удалось получить разрешения на новый орган, а потому мы воспользовались готовым разрешением на имя одного господина (Мехти Бека Гаджинского). Этот человек был честолюбив до чорта. Имея готовое разрешение, но не будучи в состоянии приступить к изданию его на собственные средства, он искал кого-нибудь, в качестве издателя. Мы вошли в соглашение с ним относительно использования его готового разрешения на журнал, под названием «Текамиль». Хотя это название и не было подходящим к нашим целям: «Текамиль» значит «эволюция», тем не менее, организация, поставив Гаджинскому условием невмешательство в редакционную часть (единственная статья, написанная Гаджинским, не была пропущена нами), приступила к изданию «Текамиля». Характерно, что, вследствие слабости бакинской цензуры, администрация не была в курсе содержания журнала, а потому мы спокойно могли проводить в нем усиленную печатную агитацию. Только случай привел журнал к закрытию. Один из крупных бакинских капиталистов Ага Бала Кулиев, возмущаясь содержанием «Текамиля», отослал несколько номеров его, как образец, на имя наместника Кавказского. Канцелярия Наместника переслала эти номера бакинскому цензору Шарифову с приказом немедленно выяснить личность автора статей, подписанных Султан Меджидом. Бакинская цензура

запросила литератора Султан Меджид Ганиева относительно причастности его к этим статьям. Ганиев категорически отрекся от этих крамольных статей, ссылаясь на то, что мало ли Султанов Меджидов на свете, после чего написал мне сочувственное письмо с изложением всего обстоятельства, с указанием, что он, бедняжка, сделался жертвой случайного совпадения наших имен. Я, живя в это время нелегально, не удостоился свидания с бакинским цензором.

В 1907 году бакинская администрация закрывает «Текамиль», и организация остается без легального органа, зато усиливается выпуск прокламаций, направленных против столыпинской реакции и начинающихся репрессий по отношении к Бакинской организации. За неимением подпольной типографии с тюркским шрифтом, нам приходилось пользоваться легальными типографиями, где работали наши товарищи из наборщиков. Таковыми были в типографии «Труд» товарищи Ага Баба (метранпаж), в типографии «Иршад»—товарищ Гасанов. Охранное отделение, очевидно, будучи информированным об этих печатающихся тайком в типографии листках, несколько раз пыталось окружить типографию и захватить набор. Во время одного из таких налетов на типографию «Иршад» нам удалось быстро разбросать набор и тем избегнуть захвата.

В уездах.

Эти прокламации распространялись не только в Баку и его окрестностях, но уделялись и остальным местам Закавказья, например: Тифлису, Гандже, где в это время (1907 год) возникали отделения Гуммета. В Тифлисе работал товарищ Таги-Заде, в Гандже Д. Ахундов. Наряду с листовками, в это время печатались нелегальные брошюры: «Долой социал. демократию», «Класс, сословия и партии», «Пауки и мухи», «Кто чем живет», «Марсельеза»—(перевод с русского), «Варшавянка» Джорджиашвили, (перевод с грузинского) и др....

Нужно сказать, что партийная работа в уездах ограничивалась только разссылкой литературы, да изредка работой тех товарищей, которые должны были временно покинуть Баку и скрываться в уездах. Систематической организационной работе в уездах путем командировок организаторов препятствовал недостаток средств.

Финансы Гуммета.

На все это необходимы были средства, добывать которые приходилось с большим трудом. Кроме собирания членских взносов иногда прибегали к оригинальным способам финансирования. Мне хорошо помнится случай, в 1907 году, когда наши товарищи, работавшие в филантропическом обществе «Ниджат», устроили грандиозное народное гуляние в Городском саду под флагом и в пользу этого общества. Затем выручку в сумме 4—5 тысяч рублей по окончании гуляния отняли «какие то неизвестные экспроприаторы». Эти «неизвестные люди» были наши товарищи, и все это было инсценировано нами, ибо в сборе, в случае поступления его в кассу «Ни джата», нужно было бы отчитаться перед правительством.

1. **Али Якубов** 2. **Мамед Багир Ахундов,** 3. **Гасан Мовсумов,**
4. **Бинят Сардаров,** 5. **Зейнал Кулибеков.**

(Слева направо, по порядку).

Для удовлетворения жалованьем пропагандистов-профессионалов пользовались средствами союзов, в том числе союза нефтепромышленных рабочих. Тов. Якубов (ныне Наркомтруда), бывший тогда казначеем означенного союза, по предписанию партии отпускал средства из союзной кассы на партийные нужды. Из-за этого шли вечные дрязги в правлении союза, а также на общих собраниях членов союза (Саша Самарцев), недоумевавших по поводу расходования союзных денег, не зная, что они тратились на партийные надобности. Однако эти суммы впоследствии пополнялись. Несмотря на это, наших товарищей все же обвиняли члены союза в «хищении» денег союза. Беда была в том, что беспартийным членам союза нельзя было открывать тайну расходования денег, из‘ятых на нужды партии.

Зачастую прибегали к такому способу поддержки партийных профессионалистов: с ведома наших товарищей, сидящих в заводских и промысловых комиссиях предприятий, партийного профессионала зачисляли фиктивно на какую-нибудь должность, оклад которой получал партийный профессионал, не выполняя, конечно, работ по «своей должности». Я состоял таким фиктивным «масленщиком» в Московском товариществе, получая 30 рублей в месяц.

Борьба с меньшевиками 1906—7 гг.

В партии в тесном смысле этого слова шла в это время борьба с проявлением шендриковщины и меньшевизма. В рабочих районах все время шли дискуссии на широких рабочих собраниях. Меньшевики яростно защищали свои позиции и усилили свои силы переброской из Тифлиса крупных сил: Сандро Девдориани, Исидора Рамишвили, Абилова и др. Эти дискуссии порой принимали довольно бурный характер; например, был случай, когда товарищ Газмамед при т. Сталине набросился в пылу спора с кинжалом на своих противников меньшевиков (Сандро и Ибрагима).

В то время, когда меньшевики переносили центр тяжести борьбы пролетариата к экономическим приобретениям, в виде грошевых наградных на мыло, нефть и всяких бешкешей, мы прививали им мысль *о необходимости завоевания центральной власти и свержения буржуазного помещичьего строя.* Мне хорошо помнится обычная фраза т. Сталина: «рабочему классу нужно завоевать государственную власть и только таким путем достичь своего освобождения».

Вообще в борьбе между меньшевизмом и большевизмом среди мусульман рабочих одерживал верх большевизм, ибо он по своей простоте, ясности и жизненности был более понятен и легче воспринимался массами, чем меньшевистская премудрость. Это подтверждается впоследствии целым рядом массовок, с участием мусульманских рабочих масс, раньше обыкновенно державших себя пассивно при выступлениях пролетариата.

Ярость капиталистов.

Капиталистамм-усульманам теперь уже нельзя было мечтать о раболепстве своих рабочих: масса из под их влияния ушла и ушла безвозвратно для того, чтобы больше не возвращаться под верховенство своих богачей. В таком случае эксплоататорам оставалось поддерживать

свой прежний авторитет реальной силой и всякими мерами предосторожности: расставляя караульщиков-головорезов, они забронировали свои промысла, превратив их таким образом в маленькие крепости. Попасть туда было не совсем безопасно и наших товарищей активистов промысловые караульщики ловили, избивали и, в лучшем случае, предавали властям. Иллюстрацией этого положения служило убийство т. Монтина, организатора биби-эйбатских рабочих Ханлара на Нафталанском промысле, арест Мовсумова на фабрике Тагиева и прочее. Тем не менее рабочие после таких актов зверства со стороны хозяев грандиозными шествиями-похоронами выявляли свой протест и угрозы убийцам своих руководителей. (Похороны А. Ягубова, Ханлара и др.).

Споры о национальной социал-демократии и Гуммет.

В 1906 году кроме гичакистов в Баку работали и армянские социал-демократы—«специфики». Они отстаивали принцип раздельного существования национальных социал-демократических партий, причем в подкрепление своих доводов ссылались на пример немецкой, чехословацкой, кроатской и друг. социал-демократических партий в Австрии. Они указывали на бесцельность большевистского «дядьки и няньки» и требовали «демократизации» партии. Вокруг этого вопроса велись оживленные споры, в которые были втянуты и гумметисты. Единичные лица из этих последних как будто бы поддавались доводам сторонников самостоятельного существования национальных социал-демократических партий, но подавляющее большинство Гуммета придерживалось единства партии, тем более, что Бакинская пролетарская действительность, изобилующая разноречием и разноплеменностью, всякого партийца наводила на эту азбучную истину о единстве. Я хорошо помню заигрывание некоторых идеологов из среды «спецификов», стремившихся соблазнить Гуммет перспективами развития «широкой национальной социал-демократии». Но эти диспуты завершались обычно торжеством сторонников единства партии. Даже среди армян-рабочих агитация в пользу создания национальной социалдемократии не имела успеха. Армянская секция нашей партии пользовалась большим успехом, чем социал-демократы-«специфики», спекулировавшие специфическими условиями армянской действительности.

Забастовка моряков—1907 г.

В это время у моряков был довольно мощный союз. В деле революционного движения среди мусульман важным этапом является забастовка моряков Каспийского флота в 1907 году. Пароходовладельцам были предявлены требования не увольнять моряков зимой, платить за простой в навигационное время, о вежливом обращении с судорабочими и т. д.

Царизм придавал этой забастовке такое большое значение, что для ликвидации ее командировал генерала Таубе с широкими полномочиями, распространявшимися по всему бассейну Каспийского моря. Этот свирепый генерал, вопреки кроткому значению своей фамилии, на самом деле прибегал к самым жестоким мерам. За короткое время союз моряков Каспийского моря был разгромлен и загнан в подполье и разрешено было открытие только таких мелких об'единений моряков, как «Общество»

судовых механиков» и т. под., при чем слово «союз» категорически запрещалось, а дозволялось организовать «общество».

Врагам трудящихся эту забастовку удалось прекратить оригинальными мерами. Была обещана премия полицейским чинам за каждого схваченного и приведенного моряка, причем премия эта была разная, смотря по тому, был ли приведенный матрос или капитан. Штрейкбрехерство усиленно принималось, особенно пароходовладельцами мусульманами (Тагиевский пароход «Ленкорань»). В виду хорошей организованности моряков и отсутствия предатедьства среди них, для обслуживания пароходов снимали кочегаров, масленщиков и машинистов отовсюду, даже с паровых бань. Не менее курьезны были такие приемы пароходовладельцев для срыва забастовок: при помощи наемных провокаторов били молотками по трубам в мастерских или путем выпуска дыма создавали иллюзию отхода пароходов, что заставляло бастующих тревожиться за успех забастовки и становиться на работу. Первыми пароходами, пробившими брешь в рабочей солидарности, были: «Бакинец», «Ленкорань» и «Або», отправленные с Тагиевской пристани посредством угроз банд пароходовладельцев. Эта забастовка доказала на деле, что напрасны надежды некоторых заблуждающихся трудящихся на нейтралитет царизма в борьбе труда с капиталом. Ведь иначе и не могло быть: всевозможные великие князья из дома Романовых были пайщиками в обществе «Кавказ и Меркурий», диведенды которого могли пострадать от «матросского бунта».

Кампания по выборам в государственную думу—1905-7 г. г.

Первую думу мы бойкотировали, а потому кампания по выборам в думу имела для нас преимущественно агитационное значение. Во время этой кампании мы имели широкий доступ к массам и, пользуясь возможностью устройства легальных предвыборных собраний в районах, наша партия широко разворачивала свои силы, давая отпор буржуазным и мелко-буржуазным идеологам.

Интересно, что меньшевики всячески старались избегать обострения классовых противоречий и с этой целью не только сами не выясняли свои физиономии, но даже протестовали, когда наши товарищи большевики указывали на специальные цели рабочего класса в дни революции, не совпадающие со стремлениями крупной либеральной и мелкой буржуазии.

Мне памятен один случай, когда на вопрос избирателей мусульман: «почему ваша партия называется социал-демократической»?—я пояснил, опираясь на значение слов в названии нашей партии. Стоявший тут же возле меня меньшевик (понимавший по тюркски) после слов: «обобществление орудий производства»—завопил: «ваше пояснение неуместно, оно может нарушить гражданский мир и распылить силы революции».

Предвыборная кампания во вторую Государственную Думу была обставлена гораздо шире. Мусульманская буржуазия также мобилизовала свои силы: выборщиков из уездов перехватывали усердные интеллигенты и вели во дворец Тагиева для того, чтобы, импонируя блеском дворца на вооблажение забитых мужичков, сразу оглушить их и заставить плестись в хвосте капитала.

Рассказывают пикантные вещи о том, как буржуазией устраивались такие предвыборные совещания у г. Тагиева. При упоминании имени того или другого кандидата собравшимися у него интеллигентами Тагиев для выяснения политического credo того или другого кандидата задавал своим приближенным (принц Каджар и др.) дипломатический вопрос: «откуда идет ветер: справа или слева»? И было горе тому из предложенных кандидатов, про которого ответили бы: «ветер идет слева». Таким образом, мало-мальски радикальный интеллигент забраковывался и хваленый вождь озолоченной мусульманской интеллигенции—Топчибашев, соглашаясь с Тагиевым, подобострастно говорил: «Достопочтенный Гаджи! конечно, твоя нога знает больше, чем наша голова». И все присутствовавшие при этом интеллигенты, радеющие якобы «о пользе народа», покорно опускали свои длинные уши. Весь этот хлам людской мнил, что они что-то делают и что-то создают для народа.

Зачастую на предвыборных собраниях, созываемых более или менее радикальными интеллигентами типа Агаева, председателями выбирались богачи-головорезы (Ашуров, Кулиев и другие капиталисты) лишь для того, чтобы таким путем обезоружить этих самодуров-богачей и гарантировать себя от разгона собрания. Конечно, такой председатель был уместен, ибо при малейшем шуме он своим громадным полтора-аршинным курительным чубуком, ударяя по столу, восстанавливал тишину для того, чтобы оторванный от масс, беспомощный, колеблющийся интеллигент Агаев мог свои «либеральные» мысли подтверждать цитатами из Корана и ссылкой на Ренана. Вслед за ними другой интеллигент Г. Б. М—в (педагог) читает нравоучения социалистической молодежи, «порочащей», «позорящей» имя мусульман в глазах царя своим участием в революционном движении». Голос этого почтенного педагога не был услышен даже родными его сыновьями, сделавшимися теперь при Советской Власти председателями уездных исполкомов. А он сам под конец жизни отдает свои силы на служение единой трудовой школе. Это ли не разложение верхов? Это ли не капитуляция, даже идейная, противников социализма?

Кандидатом в думу был проведен товарищ Зейнал Зейналов, работавший до этого в Сураханах. За него охотно голосовали и выборщики крестьяне Бакинской губернии.

Массы, верившие тогда в чудодейственную силу демократических благ первого русского парламента (хотя Коковцев и говорил: «слава Богу, у нас нет парламента»), выражали это всевозможными петициями, наказами депутатам о своих нуждах и многотысячными проводами депутатов, разгонявшимися царскими опричниками.

На одном летучем митинге 14 февраля 1907 г., собранном при проводах т. Зейналова на вокзале, по указанию шпиков, был арестован и посажен на Баилов пишущий эти строки. И лишь подкуп жандрамского ротмистра Зайцева избавил его от предания военно-полевому суду, т. к. призыв к вооруженному восстанию был сделан в полосе отчуждения железной дороги, об‘явленной на военном положении.

С‘езд учителей-мусульман.

Работа среди молодежи имеет значение не только в наши дни. В то время работа среди учащейся молодежи и учительства приобретала

еще большую важность, в этом отношении революционизирование шло усиленным темпом. Забастовки учеников в том числе и мусульман бакинских учебных заведений со всевозможными требованиями руководились т.т. А. Терегуловым, А. Д. Исмайловым и друг., пострадавшими за свою работу. Под влиянием их мусульманское учительство вело усиленную борьбу с царизмом в лице цензовой думы и дирекции. После удаления из школы и вовсе от своих должностей более двадцати «крамольников учителей-мусульман», как будто наступило кажущееся внешнее спокойствие. Но это было тишиной перед бурей.

В это время большую роль сыграл учительский с‘езд, созванный в 1907 г. Здесь столкнулись представители реакционного мира с революционным дерзновением молодежи. Когда с‘езд вынес радикальные резолюции, присутствовавший тут же для «воспитания» Тагиев опротестовал их, указывая на то, что такие резолюции лишат мусульман поддержки русского царя. Его поддержала лакействующая часть интеллигенции, произошел раскол среди участников с‘езда, закончившегося скандалом.

Работа в Персии.

В 1908 году т. Балабек с двумя другими товарищами во главе с Г. А. Аскер Мамед-Заде (из персидской партии) были командированы в Персию для организации покушения на жизнь персидского шаха деспота Мамед-Али.

Предприятие это кончилось неудачей, так как бомба, брошенная на шаха, не разорвалась. Но по счастливой случайности покушавшиеся товарищи не попались и благополучно вернулись обратно в Баку.

В 1907 году при ближайшем участии товарища Мамед-Багир Ахундова был убит рештский губернатор. Затем он с муджахидами (персидскими революционерами), с несколькими грузинами и русскими товарищами отправляется в Астару и Ардебиль против реакционных шахсеванов, желая таким путем помешать наступлению их на революционный Тавриз. Закончив эту экспедицию, он во главе муджахидов (местных революц.) возвращается в Гилян; по дороге он был убит разорвавшейся бомбой (см. приложение). Из других товарищей, отправленных на усиление рядов персидских революционеров, необходимо указать на тов. Аму-оглы (Хейдар), Абилова, Орджоникидзе, Бала Эфендиева, Мамед-Эмина Расул-Заде и других. Эти товарищи в ходе персидской революции играли видную роль: т.т. Абилов, Расул-Заде, Б. Эфендиев действовали в Тегеране и Исфагани. Впоследствии Б. Эфендиев совместно с Амир Ишматом бились под Тавризом с русским отрядом и, потерпев поражение, отступили в Турцию.

В Баку в тесной связи с нашей партией работала персидская социал-демократическая партия (впоследствии Адалят), куда входили от нашей партии тов. Нариманов, Азизбеков, Меликов, Ахундов, Мамед-Багир и другие. Через этих товарищей производилось транспортирование оружия, литературы в Персию. Очевидцы персидских событий вполне правильно отмечают значение и роль помощи и поддержки бакинских партийных кругов персидскому революционному движению.

Гонения против Гуммета.

Из товарищей, принимавших участие в боевой дружине в городе, а также в Балаханах, упомянем тов. Мамед'ярова, Якубова, Имам Кули, Али-Балу и Зейнал Кудибекова, умершего при покушении на начальника охранного отделения Орловского. Как раз в момент убийства у него на квартире хранились мандаты делегатов общебакинской конференции. И только благодаря быстрому из'ятию из квартиры этих документов удалось избегнуть захвата их охранным отделением. После этого покушения ярость охранного отделения и жандармерии не знала пределов.

С этого момента усиливается начавшееся до этого гонение на наших работников. Был произведен целый ряд обысков и арестов. Так или иначе пострадали товарищи Азизбеков, Мовсумов, Эфендиев Б., Эфендиев М., Гаджикасумов, Якубов, Рза Нагиев. Тов. Нариманов был задержан в Тифлисе и заключен в Метехский замок. Во всем этом жандармскому управлению оказывали услуги добровольные и наемные агенты. Укажу здесь на Рзабековых (отец и сыновья), служивших тогда в жандармском управлении и осведомлявших его. Интересно отметить, что эти Рзабековы под тем или другим предлогом втирались в среду партийной молодежи с целью информации. Особенно они часто посещали квартиру Муса Тафки Касумова, где часто можно было встретить партийных товарищей.

Краткие биографии погибших товарищей.

1. *Али Якубов*. Был выходцем из низов народа, смелым, отважным боевиком. Он (1905 г.) об'явил беспощадную борьбу специфическому явлению в Баку—«кочийству». Капиталисты культивировали особый кадр своих телохранителей, подавляя ими недовольство народной массы. Кочи-головорезы, таким образом, были верными опричниками бакинских богачей мусульман, щедро одарявших кочи за верную службу. Правительство смотрело на деятельность кочи сквозь пальцы, поощряло подчас этих головорезов. Товарищ Али Якубов как раз сделался жертвой злодеяний кочи в 1905 году. Убийцы остались безнаказанными, т. к. кочи довершали работу полиции по преследованию всех недовольных и крамольных.

Трудящееся население выразило свое возмущение по поводу убийства Али грандиозными похоронами и митингом на его могиле, для которой отведено было место, как исключительный случай, в виду почета, в ограде мечети «Тазапир».

2. *Сеид Мовсумов*.—Этот товарищ работает в партии с 1903 года. За устройство забастовки на фабрике Тагиева т. Мовсумов заслужил ненависть бакинской буржуазии и должен был удрать в другие места. В 1905 г. он отправляется на Кедабекский завод и там поступает простым рабочим на медные рудники. Это пребывание его на Кедабеке дало возможность ему, ближе ознакомившись с бытом местных рабочих, написать пьесу под заглавием «Медные рудники». Пьеса эта является первым произведением социального направления в мусульманском литературном мире. Она живо читалась еще в рукописях при жизни автора нашими товарищами и за исключением двух действий, печатавшихся в каком то журнале 1906 года, не появилась целиком в печати. Автор, убитый из-за угла

в мае 1907 года, выразил перед смертью единственное желание, чтобы издали его пьесу. Убийство пионера марксизма среди мусульман явилось ничем невознаградимой потерей в наших рядах. Дело об убийстве товарища Мовсумова до сих пор остается загадочным и нуждается в пролитии на него света.

3. *Ханлар*.—Родом из Карягина, токарь, служил в Нафталанском обществе, где являлся душой организации, в особенности пользовался любовью рабочих мусульман, заслужил любовь биби-эйбатских рабочих и ненависть администрации и полиции. По указанию администрации Нафталанского общества Ханлар был убит из-за угла, по предположению, караульщиком лезгином. Потеря его была тяжела и ощутительна в дальнейшей истории рабочего движения. Весь бакинский пролетариат, почувствовав эту тяжелую утрату, отметил похороны внушительной демонстрацией, возложив на могилу до 30 венков. Вдохновитель убийства товарища Ханлара—управляющий нафталанским обществом инженер Абузарбек расстрелян в 1920 году Азчека в наказание за организованное им убийство товарища Ханлара.

В 1907 году в организации собирались поставить памятник товарищу Ханлару, был составлен проект, но ввиду разгрома организации все это не было осуществлено.

Ахундов Мамед Багир (1906 год).

Тов. Мамед-Багир Ахундов работал в городском районе и в боевой дружине состоял с 1906 года. Являясь надежным товарищем, он пользовался таким доверием, что ему поручено было хранение нелегальной типографии городского района, оружия и складов взрывчатых веществ. Он, служа заведывающим читальней-библиотекой «Ниджат», мог быть очень полезным для организации, пользующейся его квартирой, местом сборища, явкой и т. д.

В 1906 году, в июле месяце, квартира Ахундова на Церковной улице была обыскана жандармерией и все хранящееся там—типография, литература, оружие—было захвачено. Сам он случайно не попался и, скрываясь некоторое время на бакинских дачах, был препровожден в Персию. Здесь он выказал большой героизм в борьбе персидских революционеров против шаха. Убит в 1908 г. взорвавшейся бомбой.

Тов. Али-Хайдар Таги-Заде.

Тов. Таги-Заде, родом из Тифлиса, организовал тифлисское отделение Гуммета, впоследствии был переброшен в Баку и работал в Сабунчах, в союзе нефтепромышленных рабочих и районном комитете. Подвергался разным преследованиям. В 1918 году этот тов. пал от руки дагестанских белогвардейцев.

Тов. Кази Мамед.

Тов. Кази-Мамед рабочий-лезгин, Балаханского района. Пользовался большой популярностью среди бакинских рабочих, был яростным большевиком и безбоязненно выполнял самые рискованные партийные поруче-

ния. Вел борьбу с интеллигентными лезгинами (Абдул-Кадыр Эфендиев и другие), которые хотели расколоть пролетариат путем выделения рабочих-лезгин в особую группу при различных выступлениях рабочих (первого мая, забастовки, демонстрации и т. п.). В 1918 г. ранен в голову и вследствие повреждения мозга был одержим психической болезнью. Впоследствии больной товарищ Кази-Мамед пал от руки белогвардейцев в Дагестане.

Тов. Биньят Саардаров.

Тов. Биньят Саардаров (карягинец)—является передовым рабочим Биби-Эйбатского района. Работал в нафталанском обществе вместе со своим двоюродным братом Ханларом. Он вынес на своих плечах тяжесть партийной работы среди бакинских рабочих и азербайджанских крестьян. Случайно избавился от участи Ханлара в 1906 году, а в 1918 году эвакуировался в Астрахань, затем в Москву. В 1919 году хотел пробраться по поручению Ц.К. партии через деникинский фронт в Петровск по Каспийскому морю. Вместе с одним турецким коммунистом тов. Саардаров был задержан деникинцами и оба были расстреляны.

Тов. Нагиев Риза.

Тов. Нагиев Риза—родом из Баку, служил конторщиком в газ. «Каспий». Вступил в партию в 1905—6 годах. Работал, главным образом, в городском районе, выказывал успехи в области теории марксизма. Принимая активное участие в забастовке приказчиков г. Баку в 1918 году, был убит вместе с Атабекяном и Денежкиным (эсеры), когда они приближались к враждующим сторонам с белым флагом о мире.

Тов. Зейнал Кулибеков.

Уроженец гор. Баку. Смелый организатор, член боевой дружины. Работал среди учащихся технического училища и табачников. Пользовался большим доверием партии: квартира его служила местом хранения партийных документов и нелегальной литературы. Пал жертвой при покушении на нач. охранного отделения Орловского в 1917 году. Этот зверь подошел к раненому т. Зейналу и несколькими пулями в голову добил его на мостовой. Похороны т. Зейнала привлекли много народа, несмотря на усилия пристава Шахтахтинского разогнать процессию. Память т. Кулибекова до сих пор ничем не отмечена.

Тов. Ибрагим Абилов.

Был активным партийцем с 1905 г. в Баку и Петровске. Примыкал в то время к меньшевистскому крылу Р. С. Д. Р. П.

В 1907 г. руководил из Петровска забастовкой моряков Каспийского флота. В 1907—8 году т. Ибрагим был отправлен с группой т. т. в Тегеран для организации повстанческого действия против шахского правительства. По возвращении из Персии Абилов был выслан в Астрахань, где также работал не покладая рук. В 18 году по поручению нашей

партии был отправлен в Красноводск с крупной суммой денег для содействия освобождению «26» из тюрьмы. Тов. Ибрагим, арестованный в Красноводске, спасся от расстрела закаспийских белогвардейцев.

В 1920 году оффициально переходит из партии меньшевиков-интернационалистов к нам. Был на различных ответственных партийных и советских постах.

Недавно умер в Ангоре.

Эфендиев.

Рабочее движение.

Июльская стачка 1903 года в Баку *).

Знаменитая июльская стачка, про которую А. Бебель в одной из своих речей говорил: «В 1903 году международный пролетариат одержал две славные победы: выборы в Рейхстаг в Германии и торжество социал-демократов—одна и всеобщая забастовка в Баку—другая», вспыхнула в Баку в начале июля.

Необычайный по своим размерам доход на капитал владетелей нефтяных фонтанов, превратившийся в золотые ручьи для г—д эксплоататоров, все увеличивающиеся богатства и неизбежный результат—роскошь, проявившаяся в Баку в самой отвратительной форме и полное игнорирование интересов рабочих, чьими трудами создавались эти миллионы и удовлетворялись чудовищные прихоти испорченных до мозга костей эксплоататоров, углубили естественную пропасть между этими двумя вражескими лагерями.

Недовольство это росло с каждым днем и особенно усилилось в дни кризиса, когда нефтяные фирмы небольших калибров и различные спекулянты, зараженные акцио-манией лопались подобно мыльным пузырям, не оставив после себя никакого следа, если не считать жертв их капиталистической алчности—несчастных рабочих, выкинутых на улицу.

Но это еще не все.

---

*) *ПРИМЕЧАНИЕ. Данное описание июльской стачки 1903 года извлечено из случайно попавшей в музей труда рукописи, принадлежащей тов. М. Ш., который писал ее в 1906 году.*

Судя по имеющимся в настоящее время данным надо признать, что тов. М. Ш. излагает здесь летние события 1903 года в общем и целом правильно.

В общем и целом. Что касается частностей, то тут требуются поправки и дополнительные исследования.

Как и С. Т. Аркомед (Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе, стр. 121—131) М. Ш. отмечает совершенно естественную неподготовленность Бакинской организации РСДРП того времени к руководству этой грандиозной стачкой, ввиду чего и возник стачечный комитет, „во главе которого“, по словам М. Ш. „стояли несколько либеральных инженеров с буржуазным душком и несколько сомнительных социал-демократов“.

По этому поводу запрошенный нами тов. М. С. Гуревич—активный работник того времени—сообщает: „стачка была организована Бакинским комитетом РСДРП. Работа велась, главным образом, в крупных механических мастерских на промыслах в расчете, что промысловые рабочие (тартальщики, буровые партии) втянутся в забастовку, если ее начнут рабочие механических цехов. Действительность оправдала предположения комитета. Прокламации на ремингтоне за подписью „стачечный комитет“ начала выпускать группировавшаяся около сестер Зейц небольшая анархически настроенная кучка, не имевшая ни связей, ни влияния среди рабочих. Б. К. РСДРП. с этой группой совершенно не считался“. С. М. Гуревич также констатирует неожиданность для комитета партии „что события развернутся в таком виде и что он (к-т) не обладал ни организационными, нн ораторскими силами для обслуживания забастовки“, хотя „хорошо работал станок и единственный комитетский писатель д-р Л. Б. Фейнберг. Прокламации выпускались от 2-х до 3-х в

Удержавшие за собой позиции, несмотря на кризис, нефтепромышленники воспользовались случаем, чтобы понизить заработную плату.

Это было в разгаре кризиса в 1900—1901 году. Недовольство рабочих росло все больше и больше, но оно, ввиду наступившего кризиса, не могло проявиться в естественной своей форме. Рабочие принужденно затаили в себе злобу против капитала и ждали момента, когда кризис, достигнув своего апогея, уступит место промышленному оживлению...

День этот наступил. И это был день начала знаменитой июльской стачки, начавшейся в Баку, где пролетариат представлял поразительно смешанную массу в национальном отношении и где меньше всего можно было придать такой, неслыханной еще в истории рабочего движения в России, солидарности *).

Кем была организована эта стачка, кто такие были инициаторы ее возникновения, никому неизвестно.

Она вспыхнула стихийно и местная социал-демократическая организация, так близко стоявшая к рабочим, попала в просак. Воспользовавшись этим и стихийным характером наиболее удачной и разросшейся до небывалых размеров стачки, противники социал-демократической тактики, поклонники стихийности, открыли поход против С. Д—в, иллюстрируя на примере бакинской стачки «невозможность» для подпольной организации какой бы то ни было партии руководить рабочим движением, которое само, без постороннего вмешательства, под влиянием самой жизни вспыхивает и находит прямые и наиболее целесообразные пути к достижению своей цели. Хвостистам этой категории скажем одно: настоящая стачка, действительно, возникла не по инициативе местного комитета, но *с момента возникновения до последнего момента окончания—*

неделю. Печатались, главным образом, в легальных типографиях, а частью в комитетской типографии".

Другое утверждение М. Ш. о прямой попытке зубатовщины наладить связь с бакинскими рабочими через специального агента, штабс-ротмистра Зазулевского, которому как-никак удалось „сгруппировать вокруг себя 8 человек, с которыми он вел регулярные кружковые занятия", нам кажется прямо сомнительным; по крайней мере, на запрос отдела Т. и Пр. М. Ф. из Петербурга местная фабричная инспекция доносила, что зубатовской пропаганды в Баку не велось и агенты Зубатова здесь не появлялись (архив фабрич. инсп. в музее труда).

Непонятным—далее—и требующим раз'яснения нам кажется сообщение М. Ш. „как упитанные жиром капиталисты и их представители выступали перед многолюдными рабочими собраниями и т. д".

И еще: тов. М. Ш. несколько раз хлещет „хвостистов" и оппортунистов за не совсем ясные из его трактовки их действия. Что „хвостисты" и оппортунисты здравствовали задолго до второго с'езда партии, который в это именно время заседал в Лондоне—это, конечно, общеизвестно. Но вряд ли в Баку того времени „хвостизм" и оппортунизм проявлял себя как среди рабочих, так и перед вниманием революционных социал-демократов так отчетливо и ярко, как, скажем, в 1906 году, когда М. Ш. описывал события 1903 года.

В печатаемой работе тов. М. Ш. имеется, по нашему мнению, еще ряд второстепенных дефектов, которые автор этого примечания собирался исправить в специальной статье, для которой был подобран в архиве фабричной инспекции материал, относящийся к стачке 1903 года, но, к сожалению, обстоятельства не позволили осуществить этого.

Само собой разумеется, однако, что печатаемое извлечение из случайной находки во всех отношениях ценно и интересно.

А. Р.

*) По отчету о состоянии нефтяной промышленности за 1901 г. среди служащих и рабочих на нефтяных промыслах были представители 24-х национальностей. „Рабочие стачки. Россия"—Поссе, стр. 58.

стачка эта носила на себе явные следы энергичной социал-демократической пропаганды.

Она возникла не по инициативе местных организаций С. Д. партии, но она является непосредственным продуктом деятельности этих организаций.

В момент возникновения она не была руководима местной с.-д. организацией, но эта организация скоро забрала в свои руки все движение, вопреки стараниям полу-буржуазной, полу-демократической организации, всплывшей наружу в период стачки известной под названием «стачечного комитета».

Мы остановимся более подробно на этой стачке и попутно укажем на роли той или другой организации в деле руководства и использования ее. Тем более это является необходимым, что о ней в печать, в свое время, проникло очень мало сведений.

Цензура беспощадно вычеркивала все, не только касающееся освещения происходящих на Кавказе «беспорядков», но и сообщения о самих фактах.

Впрочем, некоторые органы печати пользовались неограниченно свободой... «Гражданин», «Свет», «Московские Ведомости» посвящали целые статьи возникшим на юге России, в полосе «инородцев», беспорядкам.

«Московские Ведомости» даже пытаются определить причины, вызвавшие стачку.

«Чем вызваны Южно-Русские беспорядки? Отсутствием должного надзора за деятельностью социалистических агитаторов, которые с большой легкостью могли вести свою преступную пропаганду среди рабочего, а отчасти и сельского населения. Это ясно доказывается тем, что все эти беспорядки возникли не на какой либо тяжелой экономической почве, какою явилась бы, например, продолжительная массовая безработица, или невыносимая голодовка вследствие неурожая, а на почве, искусственно созданной агитаторами, сбившими рабочий народ с толку всевозможными средствами преступной пропаганды...» Итак, лишь «продолжительная голодовка» и «массовая безработица» могли бы оправдывать стачку в глазах «Московских Ведомостей», что же касается до невозможного низкой заработной платы, до унизительных, для достоинства человека условий труда, продолжительности рабочего дня и целого ряда других попустительств и издевательств над рабочими со стороны г-д капиталистов и их щедро вознаграждаемых заместителей—это все пустяки.

И «Московские Ведомости»—этот храбрый рыцарь-защитник самодержавия—призывают «покончить с преступной пропагандой». «Нужно преградить ей (пропаганде) доступ в население,—вот неотложная задача, требующая правильного решения со стороны правительства».

Что же для этого нужно?

«*Усиление полиции*»—таков общий ответ «Московских ведомостей», «Гражданина» и Ко. Так ли это?

При крайне насыщенной скрытым брожением среди угнетенных и обездоленных рабочих гор. Баку атмосфере—вспыхнула стачка рабочих на заводе «либерального» К. Хатисова.

Причиной стачки служило явное нежелание кадетского лидера исполнить свое обещание и повысить заработную плату. Хатисов, как предупредительный человек, подготовился к стачке, вступив в соглашение с другими заводчиками относительно выполнения сделанных заказов. Узнав об этом, рабочие, вошедших в «соглашение» хозяев, тоже забастовали из чувства солидарности к хатисовским стачечникам. Таким образом, соглашение хозяев, как это часто бывает, способствовало обобщению стачки.*)

Это было второго июля.

За хатисовцами в первый же день об'явления стачки последовали и другие, преимущественно рабочие механических заводов и мастерских.

Первыми бросили работы и об'явили стачку рабочие механических мастерских и заводов Биби-Эйбата, Манташева, Шихова, Олеума, Маилов-Таирова, Тифлисского Нефтяного Общества—в общем до 1000 рабочих. В этот же день забастовали рабочие Черного Города следующих заводов: Хатисова, Левинсона, Мельникова и Эйзеншмидта—тоже человек до 1000.

3-го июля забастовка распространилась на рабочих: железнодорожного депо, мастерских К. Ж. Д., заводов Рысина и Ляпина, Бардорфа, Нобеля и др.—в общем за этот день к забастовщикам примкнуло еще от 1500 до 2000 чел. 3-го же июля была организована грандиозная сходка рабочих в 2000-2500 чел., на которой после освещения невыносимого положения рабочих, решено было приступить к всеобщей забастовке.

Грандиозная сходка закончилась пением революционных песен. На следующий день (4-го июня) стачка охватила весь Черный Город и Биби-Эйбат. Стали заводы Шибаева, Ротшильда и др. Стали также товарные поезда. Число забастовщиков в этот день доходило до 6000 человек. В разных частях Черного города и Биби-Эйбата организовывались небольшие собрания, на которых выступали наиболее сознательные рабочие и в горячих речах убеждали товарищей довести до конца успешно начатое дело.

Рабочие восторженно встречали ораторов. Присутствие казаков не страшило сильных сознанием, солидарностью и мощью пролетарской—рабочих. Наоборот, они своим присутствием подливали масло в вспыхивающий стачечный огонь, который к 7-8 июля захватил весь Баку с прилегающими окресностями, а затем перебросился и на весь Кавказ. С другой стороны, казаки, как символ самодержавной власти, ясно указывали рабочим, увлеченным в массе своей лишь одной экономической стороной начавшейся борьбы, что главным врагом пролетарской свободы является царское правительство, готовое выкупать в крови дело рабочего движения. 5-го июля забастовка перебросилась в крупнейший рабочий центр Кавказа—Балаханы. Вся промышленная жизнь в Баку с окрестностями—в полном смысле слова остановилась. Тысячами ходили рабочие по промыслам и заводам и просили товарищей, еще не примкнувших к стачке, оставить работы.

И всюду рабочие радостно встречали забастовщиков и, бросив работы, присоединялись к шествию. Лишь рабочие-мусульмане, по невежеству своему, не понимали смысла предпринятой борьбы и встречали забастовщиков недружелюбно, а иногда даже сопротивлялись им. Но и они фак-

*) Там же (Поссе) стр. 56.

тически принуждены были примкнуть к забастовке, ибо вся квалифицированная работа была сосредоточена в руках русских, армян и грузин, а полиция не была в состоянии препятствовать ни демонстративным шествиям, ни собраниям, ни свободному распространению прокламаций...

«Пусть правительство лишило нас права собраний, свободы стачек, свободы слова и печати, пусть оно не дает нам права устраивать рабочие союзы для борьбы с капиталом; пусть оно поддерживает вас, капиталистов, штыками и нагайками; пусть оно безоружными отдает нас в ваши руки: мы с‘умеем добиться своего наперекор всем стихиям»...

Так говорилось в одной из прокламаций Бакинского Комитета и в эти дни бакинский рабочий люд добился всех этих свобод...

В этот же день остановилась вся торгово-промышленная жизнь в городе.

Вот как описывается «положение вещей» в эти дни в одной из прокламаций Б. К. Р. С.-Д. Р. П.: «Стачка делает поразительные успехи. Вся нефтяная промышленность Баку и Балаханов замерла. Кочегарки не дымят, в вышках не бурят и не тартают. Товарные поезда стали и стачка распространилась по всей линии от Баку до Батума. Конка не идет. Команда прибывающих судов немедленно пристает к забастовке. Стачка все более и более распространяется на мелкие ремесленные заведения: бастуют маляры, сапожники и пр. Типографии стали и газеты не выходят. Даже приказчики местами бросают работу. Мысль о солидарности интересов всех людей труда без различия профессии и национальности, великая идея борьбы за освобождение всех трудящихся, охватывает самые неразвитые, самые неподвижные слои пролетариев»»...

С ростом стачечного движения к забастовщикам присоединялись даже амбалы, метельщики городских улиц, мусорщики, ассенизаторы и—о, ужас,—дворники, которые сбрасывали свои значки и заявляли: «за 8—10 руб. мы не станем подвергать нашу жизнь опасности в борьбе с внутренним врагом».

Таким образом, в продолжение 4—6 дней весь рабочий люд Баку и окрестностей отложил работы и выступил в открытую, единодушную и небывалую по своей солидарности борьбу, выставив определенные требования, которые сводились к следующему:

«Мы требуем,—говорится в прокламации от 8 июля,—освобождения арестованных во время стачки товарищей, мы требуем отмены произвольных обысков, производимых на улицах в Балаханах и при уходе с работ на фабриках и заводах; мы требуем 8-часового рабочего дня, по крайней мере, для сменных рабочих; мы требуем здоровых жилищ. От этих требований мы не отступимся и мы их добьемся»... Собрания с каждым днем учащались.

Многолюдные рабочие митинги в несколько тысяч человек, на которых выступали преимущественно сознательные рабочие и социал-демократические ораторы, поражали случайных посетителей этих собраний образцовым порядком.

Тысячи, иногда десятки тысяч рабочих, как один человек, слушали с напряженным вниманием речи ораторов-революционеров и лишь изредка прерывали их одобрительными восклицаниями, революционными возгласами и аплодисментами. Местный с. д. комитет, на долю которого выпало ру-

ководить столь неожиданно разросшимся движением бакинского пролетариата, не имел достаточно сил—агитаторов-ораторов, чтобы в должной мере использовать благодарную для пропаганды и агитации почву.

В моем распоряжении имелась рукопись неизвестного мне товарища, очевидца и участника этой первой по своей грандиозности рабочей стачки. Автор рукописи подробно останавливается на описании этих сходок. Позволю себе привести некоторые, наиболые характерные места из этого документа.

Попав на одно собрание, где многочисленная толпа рабочих тщетно ждала живого слова, товарищ восклицает:

«Найдись! Где ты, революционер, где твоя горячая зажигательная речь? Говори сию минуту, хоть за каждое слово ты бы получил каторгу, нестерпимые мучения, но будь уверен, что время, настроение и условия искупят твои пытки за революционное слово. Вот когда я, по натуре склонный к террору, убедился, что меткая пуля, хоть с неба срывающая звезды, никоим образом не может сравняться с метким словом, срывающим с тысячи уст: «да, правда», «верно»... Но «революционер» не являлся»...

Можно ли за это упрекнуть молодую, еще не успевшую организационно окрепнуть, социал-демократическую бакинскую организацию? Можно ли упрекнуть самоотверженных, но немногочисленных работников, бойцов за пролетарскую свободу, за то, что они не поспевали всюду? Можно ли обвинять местных работников за то, что вызванная их непосредственной подготовительной работой стачка переросла силы еще молодой организации? Нет! Местная социал-демократическая организация делала все, что только в силах человеческих. Она указывала им, рабочим, на единственный путь достижения своих целей. Непосредственное руководство стачкой было не по силам организации. Ни подготовленных хороших ораторов, ни опытных организаторов в распоряжении организации не оказалось

Вдобавок нужно отметить, что все лучшие и влиятельнейшие силы местной организации в момент возникновения стачки отсутствовали. Столь же мало руководил стачкой и никакого влияния не оказал на стачку саморекламировавший себя стачечный комитет, во главе которого стояли несколько либеральных инженеров с буржуазным душком и несколько сомнительных соц.-дем.

В свою очередь настоящая стачка, как непосредственный продукт соц.-дем. пропаганды, указала местным работникам-революционерам на необходимость организоваться в сильные, жизнеспособные революционные организации, способные руководить всяким, случайно вспыхнувшим, движением и направить это движение по соответствующему руслу.

Если настоящая стачка служила для прославителей «хвостизма» сильным аргументом в пользу «хвостизма», то зато эта же стачка, как нельзя более убедительно доказала необходимость крепких организаций сознательных социал-демократов-революционеров.

Социад-демократы учат и одновременно учатся. И настоящая стачка многому чему научила участников этого грандиозного движения.

Если она не была достаточно использована соц.-дем., поневоле оставшимися в хвосте, то она тем самым нанесла убийственный удар оппортунистическому лозунгу «всегда в хвосте» и выдвинула на первый план лозунг, давно выдвинутый революционной соц.-дем.: «всегда впереди».

Это не «красивая фраза», а необходимейшее условие деятельности соц.-дем.

Недостаток ораторов и сильной организации особенно сильно дало знать о себе в последующие дни.

Очевидец и соучастник этой стачки пишет: «Толпы стачечников оставлены на произвол судьбы»...«Тут и там толпятся стачечники в ожидании живого слова... Вот кто-нибудь случайно достанет бумажку и толпа хлынет к нему... Там какой-нибудь балагур рассказывает о чем-нибудь и народ волной несется от бумажки к рассказчику. Тут разочаровавшись и видя поодаль группу беседующих, толпа тянется туда. Масса жаждала живого слова. Но напрасно... Она так-таки и не дождалась ораторов.

Еще более бросилось в глаза отсутствие ораторов на громадном, небывалом по своим размерам, митинге, состоявшемся за городом, на котором присутствовало более 20.000 рабочих.

И тут сказалась неорганизованность и недисциплинированность местных работников, некоторые из которых, еще задолго до начала стачки, вели дезорганизаторскую работу в рядах рабочих.

Благодаря этому, одновременно были созваны две сходки, одна—по инициативе рабочих, между Балаханами и Черным Городом, на которой присутствовало более 25.000 человек и другая—у Волчьих ворот, созванная местным комитетом партии.

Благодаря этому, одно собрание, наиболее многолюдное, оказалось совершенно без ораторов.

Комитет, располагавший небольшими агитаторскими силами, направил своих ораторов на собрание, созванное у Волчьих ворот. Вот как описывает очевидец этой небывалой до того времени в летописи нашего рабочего движения сходки, происходившей 6-го июля:

«С 9 часов утра непрерывная черная лента тянулась к Волчьим воротам. К 12 часам дня безлюдная котловина, окруженная холмами, кишела людьми.

В 1 часу дня сходка была открыта. Говорили 8 ораторов на разные темы. После первых двух ораторов на холмах появились два-три казака. Раздался крик: «казаки, казаки...» Толпа на минуту встревожилась, но скоро опять успокоилась. Один за другим появились казаки и целая сотня их расположилась на холме, заняв хорошую позицию. К казакам прибавилась и стража. Появилась и полиция с дворниками... Собрание буквально было окружено войсками... Безоружная масса встревожилась... Она попала в засаду. Оратор, говоривший в это время, прекратил свою речь и просил публику успокоиться.

Толпа смолкла и с напряженным вниманием продолжала слушать оратора, не обращая никакого внимания на царских опричников, окружавших собрание кольцом. Один за другим выступали ораторы, которые, воспользовавшись присутствием названных гостей, прислужников позорной тирании, лежащей тяжелым бременем на народе, указывали на необходимость политической борьбы птротив существующего режима.

Правление „Союза нефтепромышленных рабочих“ в 1906 году.
В центре сидит Алеша Джапаридзе.

Масса под влиянием восторженной и бурной речи пылкого оратора успокоилась и на угрожающие приказы уездного начальника «прекратить речи и разойтись»—единогласно требовала «продолжения».

«Продолжайте, мы слушаем...»

Оратор продолжал. Толпа слушала, как один человек... Речь оратора, закончившаяся призывом к открытому выступлению на борьбу с гнусным правительством, была покрыта несмолкаемыми аплодисментами и революционными возгласами.

Пылкого оратора сменил оратор армянин, говоривший на армянском языке. Уездный начальник тщетно старался уловить смысл его речи... Вновь раздался приказ: «закрыть собрание и разойтись». Наконец, он обратился к оратору: «я приказываю молчать»!. Приказы его, однако, вызвали улыбку толпы, а оратор, как ни в чем не бывало, продолжал свою речь... Тогда уездный начальник потребовал говорить по русски. Толпа, возмущенная поведением уездного начальника, требовала его удаления.

Закончив речь оратор обратился к уездному начальнику со следующими словами: «приведите своих казаков, свое доблестное войско и я с ними буду говорить по русски, а здесь, для настоящих слушателей позвольте мне определить на каком языке целесообразнее говорить»...

Недоставало оратора, говорящего на татарском языке и это было большим промахом.

Уездный начальник и казачий офицер, которые, как представители самодержавной власти, не могли перенести убийственный огонь свободного слова, начали приготовляться к насильственным мерам... Последний оратор, по счету 8-ой, не дал им привести в исполнение адский замысел и закрыв собрание посоветовал, сомкнувшись в одну сплошную стену, не рассыпаясь вернуться в город... Масса последовала совету оратора... Сплоченной массой она двинулась к городу с пением революционных песен... Чем более приближалось это небывалое шествие к городу, тем настойчивее царские прислужники требовали «прекращения песен».

Но толпа сама, мало по малу, начала расходиться... Столкновений с войсками в этот день не было.

Происходили маленькие стычки, но без кровавых последствий... Что же делалось на одновременно собравшейся сходке, на которой присутствовало более 25.000 человек?

Более или менее видных ораторов тут не было... Говорили преимущественно рабочие и кой-кто из интеллигенции, В общем собрание прошло вяло и что придавало революционный характер настоящему собранию, так это «самобытный» революционный дух, господствовавший среди революционизировавшейся массы.

Так прошел день 6-го июля.

На следующий день, 7-го июля в разных частях города происходили мелкие стычки, особенно с полицией.

В этот день также была организована помимо комитета грандиозная сходка, на которой присутствовали от 12—15000 человек. Сходка эта, подобно сходке 6-го июля, прошла беспорядочно. Собрание длилось 6 часов, но комитет даже не был уведомлен об этом.

В результате ни одного оратора, который мог бы руководить массой и использовать в целях агитационных подходящий момент и революционное настроение масс.

Выступали сами рабочие, мало сознательные... мало подготовленные. Внести какое либо оживление не удалось. В этот день присоединились к забастовке рабочие водопровода и электрической станции...

Город погрузился в тьму. Жители остались без воды...

Власти прибегли к силе... Рабочих на водопроводе заставляли работать под ударами нагаек.

Рабочих электрической силы заменили матросы.

Конка охранялась солдатами, которые конвоировали вагоны в продолжение целой недели.

Служащие конно-железной дороги были сильно возмущены этим и не раз происходили стычки на этой почве. Но грубая сила брала верх. Железнодорожные мастерские забастовали и администрация принуждена была экстренно потребовать из Закаспия железнодорожный батальон. Все это еще более раздражало рабочих. Некоторые рабочие группы, вопреки постановлению местного комитета партии, ходили группами по заводам и промыслам и заставляли не присоединившихся к стачке рабочих бросить работы.

Движение обещало принять еще более угрожающие размеры...

Власти, в начале заискивавшие у рабочих, убедились, что рабочие на удочку правительства не пойдут и начали стягивать в Баку войска из разных центров.

Нефтепромышленники в свою очередь принялись за разрешение грозного вопроса, вставшего перед ними в полном своем величии. С 7-го по 14-е июля происходили ежедневные собрания нефтепромышленников, на которых они пытались искать меры для подавления грандиозной стачки.

На первую очередь был поставлен вопрос: удовлетворить требования рабочих или нет. В результате получился следующий ответ: 25 голосов за и 40 против удовлетворения.

Итак, буржуазия решила не сдаваться... В свою очередь решение нефтяных тузов ничуть не отразилось на настроении рабочих. Они стойко стояли за свои требования и не думали отступать.

Стойкость рабочих убила стойкость нефтепромышленников.

Ряды последних дрогнули.

Мало по малу из числа 40 стали переходить на сторону 25-ти. Для мелких нефтепромышленников дальнейшее продолжение стачки было равносильно полнейшему краху. Таким образом, нефтяные тузы разных калибров убедились, что штыками и нагайками вопрос этот не разрешится, они убедились, что нужно предпринять меры другого характера.

Для них было ясно, что сдаваться необходимо. Но увы! Всевластный капитал почувствовал близость цепей... Его интересы столкнулись с интересами самодержавной власти. С другой стороны столкнулись интересы мелких нефтепромышленников с интересами крупных, которые в настоящей стачке нашли новое орудие борьбы со своими соперниками из лагеря мелких нефтепромышленников, которые не выдержав стачки, окончательно разорятся и очистят почву для более успешной эксплоатации крупными нефтепромышленниками нефтеносных земель.

Таким образом, нефтепромышленники разбились на два лагеря. Одни все свои надежды возлагали на войска, которых ждали с нетерпением крупные эксплоататоры, другие-же, главным образом, «мелкие» повернули фронт и шли на уступки.

В одном однако сошлись эти два лагеря. Они не были прочь прибегнуть к силе и иметь в своем распоряжении полицию и войска, но они не допускали даже и мысли о том, чтобы правительство могло вмешаться в их семейные дела. Правительство же, поддерживая всюду и во всем буржуазию, естественно стремилось подчинить ее интересы своим.

Произошел конфликт. Капиталисты, вернее часть их, озлобленные вмешательством администрации, обрушились на самое правительство.

Они делали вид, что капиталисты давно бы пошли навстречу требованиям рабочих, если-бы не проклятое правительство.

И нужно было видеть этих сытых, благонамеренных буржуев, громящих самодержавное правительство в присутствии оффициальных представителей его.

Нужно было слушать как упитанные жиром капиталисты и их представители выступали перед многолюдными рабочими собраниями в качестве ораторов «революционеров», как они лезли из кожи, чтобы доказать рабочим их «отеческое» отношение к ним и искреннее желание разрешить многовековую дилемму: гармонию труд и капитала. И помехой всему этому самодержавное правительство, которое стоит на пути благих пожеланий капитала.

Так говорил в эти дни капитал... И действительно, собрания эти представляли нечто в высшей степени странное и знаменательное.

Толстопузые капиталисты в роли защитников интересов рабочего класса, под маской благородства и человеколюбия, трактующие о восьмичасовом рабочем дне, о рабочих школах, больницах, о народных театрах и т. д.... и т. д....

Картина незаурядная.

Жестока ирония жизни, но на этот раз она слишком жестоко издевалась над нефтяными королями.

Заняв подобную позицию промышленники апелировали к «благоразумию рабочих» и звали их приступить к работам, по крайней мере на тех промыслах и заводах, хозяева которых соглашались идти на уступку.

Но «буржуазное благоразумие» чуждо благоразумию пролетариата.

Классовый инстинкт рабочих диктовал им, что благоразумие их в их классовой солидарности, почему они и не приступали к работам, требуя, чтобы были удовлетворены требования всех рабочих. И действительно, рабочие многих заводов и промыслов Черного города и Биби-Эйбата в продолжении 20-ти дней из солидарности к рабочим остальных фирм не приступали к работам, хотя все требования их были удовлетворены.

Итак, капиталисты разбились на два лагеря. Большинство шло на уступки.

Упорствовали, главным образом, крупнейшие фирмы: Нобель и Ротшильд.

Но тут воля абсолютного большинства капиталистов столкнулась, как заметили выше, с капризами и [illegible] самодержавно-бюрократического правительства.

Последнее ясно сознавало, что сегодняшняя победа рабочих над капиталистами является прологом завтрашней победы революционного пролетариата над правительством. Сознав это, оно вмешалось в распрю труда и капитала, заняв на этот раз обособленную от труда и капитала позицию.

Но это только с виду. Фактически же оно взяло под свое покровительство капитал, но на этот раз неудачно, своим вмешательством оно оказало капиталу медвежью услугу. Из Петербурга летели телеграммы: «Не уступать рабочим ни в коем случае и ждать прибытия войск».

Хозяевам торгово-промышленных заведений об'являлось: «Всякий кто осмелится итти на уступки будет выслан в продолжении 24 часов».

Позиция правительства еще более усилила движение. Стачечный комитет обратился к Совету С'езда нефтепромышленников с заявлением, что, в случае вмешательства войск в семейные дела труда и капитала, он снимает с себя всякую ответственность.

Выступили на сцену и г-да «значконосцы»—управляющие и директора разных фирм и как это ни странно для бакинских «значконосцев»—стали на сторону рабочих. Рабочие не отчаивались. Они дружно вели начатую атаку.

Тем временем кровожадное правительство сосредоточивало в Баку громадное количество войск.

В продолжение 10—15 июля в Баку уже насчитывалось более 10.000 войска всех родов оружия.

Прибытие войск вдохновило и ободрило полицию; она сделалась нахальнее. Начались повальные обыски и аресты. Рабочих заставляли работать силой. Гонения на рабочих в Баку вызвали протест со стороны рабочих всего Кавказа.

Центральный Комитет Кавказского Союза Р. С.-Д. Р. П. об'явил всеобщую стачку-протест на всем Кавказе. Со дня опубликования извещения Ц. К., всеобщая стачка рабочих города Баку переходит во всеобщую стачку рабочих всего Кавказа.

Первыми отозвались рабочие города Тифлиса. 11-го июля об'явили стачку мясники, 12-го—пекаря, 13-го—бросили работы наборщики всех типографий Тифлиса.

14-го июля вес Тифлис стал как один человек.

В прокламации Тифлисского Комитета Р. С.-Д. Р. П., выпущенной по этому случаю, читаем: «Запомним день 14-го июля! Этот день войдет в историю русского революционного движения. В этот знаменательный день в первый раз в России всеобщая забастовка сразу охватила целый город. Этот день становится еще замечательнее тем, что тифлисские рабочие об'явили всеобщую забастовку, главным образом, для того, чтобы соединиться со своими бакинскими товарищами и общими силами сделать натиск на общего врага. Еще не видала Россия такой сознательной и солидарной борьбы пролетариата».

Вот несколько отрывистых сведений, проникнувших, несмотря на цензурные тиски, в местную печать.

«15 и 16 июля—читаем в «Тифлисском Листке» и газете «Новое Обозрение»—15-го июля, после краткого перерыва, на городской бойне

возобновлен убой скота для городских мясных лавок. Лавки осаждались покупателями. Удовлетворить требование их всех было затруднительно. Лавки были открыты поэтому до глубокой ночи, но все-таки во всех трех лавках давка была невообразимая. Примеру города последовали и частные мясоторговцы, которые также начали убой скота... 15-го июля состоялось совещание тифлисских рестораторов для выяснения поступивших к ним жалоб оффициантов. В некоторых ресторанах оффицианты кроме «чаевых» от посетителей получают от хозяев определенное жалованье; в большинстве же ресторанов оффицианты не только не получали, но еще платили жалованье хозяину за право служить у него, внося залог в обеспечение аккуратного возврата денег за с'еденное и выпитое гостями и проч. На совещании рестораторов было постановлено платить оффициантам жалованье в размере 10 руб. в месяц, отпускать им обед и ужин, убытки от пропажи вещей покрывать пополам с хозяином, залогов с лакеев не брать, с обедающими и ужинающими «в долг» должны ведаться сами хозяева, а не лакеи, как это было до сих пор... 15-го же июля прекратившееся движение вагонов конки возобновилось в тот же день вечером. Обслуживали вагоны нижние чины, а частью вольные люди»...

В оффициальной газете «Кавказ» читаем следующее: «мастеровые депо ст. Михайлово бросили работы, соединяясь с рабочими керосинопровода, остановили шедший из Тифлиса товарный поезд, стащили машиниста и кочегаров и отцепив паровоз, оставили его на путях; затем толпа в количесте 500 человек загромоздила собой путь, чем остановила шедший из Боржома пассажирский поезд. Требования и угрозы железнодорожных агентов, полицейского пристава и чинов жандармской железнодорожной полиции разойтись толпа оставила без внимания и выступившую вперед, вызванную из Сурама, в числе 40 нижных чинов местную команду встретила камнями и попытками отнять у солдат ружья.

Тогда команда и бывшие на месте полицейские стражники открыли огонь, в результате которого оказалось 6 человек убитых и 20 раненых. из которых 4 умерли. После этого толпа рассеялась и порядок восстановился»...

Вот и все, чему удалось проникнуть в легальную печать. Согласно данным «обвинительного акта» по этому делу, рабочие требовали прекращения деятельности телеграфа во избежание передачи депеш с просьбой о присылке войск. Сойдя с пути железной дороги, толпа отправилась на базар ст. Михайлово, закрыла лавки и заставила следовать за собой всех торговцев.

«Впереди толпы шел рабочий с красным знаменем, другие рабочие держали в руках зеленые ветви. Остановив работы и торговлю, стачечники заняли стратегическую позицию на железнодорожном мосту, около которого главный путь Закавк. жел. дор. соединяется с путями боржомским и сурамским. Подошедшему к толпе начальнику участка пути и его помощнику один из рабочих изложил требование забастовщиков: 8-часовой рабочий день, прибавка 25% к заработной плате, возвращение уволенных рабочих, удаление некоторых мастеров. Начальник участка обещал сообщить по телеграфу начальнику дороги*), но как раз в это вре-

*) В. Поссе, „Раб. ст. в России“, стр. 65.

мя является военная команда и и разыгрывается вышеописанная драма с жертвами.

16-го июля была об'явлена всеобщая стачка в Батуме. 17-го июля рабочие всех заводов Батума с 7½ часов утра бросили работы и отправились на Турецкий базар, где был организован большой митинг местной организацией Р. С.-Д. Р. П.

На тему дня произносились речи ораторами-соц.-дем. на армянском, грузинском, русском и татарском языках.

Ораторы указывали на возникновение и ход стачки в Баку, на вмешательство войск и полиции и гнусное издевательство последних над безоружными рабочими, они указывали рабочим на несостоятельность одной экономической борьбы и неминуемость борьбы политической.

Все ораторы оканчивали свою речь призывом: присоединиться к великой борьбе начатой бакинцами и поддержать их солидарным выступлением.

В большом количестве за этот день были распространены прокламации, изданные местной организацией партии на туземных и на русским языках. Скоро появились казаки и рассеяли толпу.

К забастовщикам примкнули: конторщики, приказчики, булочники, стрелочники, кондуктора железной дороги, рабочие ж. д. депо и др.

17-го июля была организована небольшая демонстрация. Рабочие, собравшись у электрической станции, развернули красное знамя и прошлись демонстративно, с пением революционных песен, по улицам. Появились казаки. Началось избиение безоружных рабочих и аресты. За день 17-го июля арестовано до 100 рабочих.

В этот же день была об'явлена всеобщая стачка Имеритинским Комитетом Р. С. Д. Р. П—ии в Чиатурском Горном Округе.

Первыми остановили работу погрузчики, около 200 человек. Скоро присоединились к ним остальные рабочие и тут же был организован большой митинг.

Раздались революционные песни. Небольшая сравнительно толпа, человек 200—300, с красным знаменем направились к арестному дому освободить арестованных товарищей, что и удалось им без особенного труда.

Пристав не оказал рабочим никакого сопротивления. Полиция была застигнута врасплох. Прибыли войска и полиция начала мстить рабочим.

В течение дня было арестовано до 35 рабочих. В некоторых местах происходили стычки рабочих с войсками. На станции Михайлово произошло столкновение со стражниками, во время которого ранены до 36 человек. Скоро забастовали железнодорожные служащие всех промежуточных между Тифлисом и Батумом станций.

Таким образом, стачка, возникшая стихийно в Баку, вызвала поддержку рабочих всего Кавказа, выступивших в защиту бакинских товарищей по первому призыву Кавказского Союза Р. С. Д. Р. П-ии.

Кавказский рабочий люд обнаружил поразительную солидарность и сознательность.

Кавказский Союз Р. С. Д. Р. П. по праву гордился им.

Рост всеобщей стачки на Кавказе и солидарность рабочих приподняли настроение бакинских рабочих.

Заводы и промысла, на которых, изнуренные продолжительной забастовкой, рабочие приступили было к работам, вновь оставили работы.

Заслуживает быть отмеченным одно, в высшей степени характерное, явление.

Это—поведение забастовщиков и состояние умов до и после прибытия войск.

До прибытия войск, когда забастовщики являлись фактически господами положения, в городе и окрестностях нельзя было наблюдать никаких злоупотреблений со стороны забастовщиков, которые сами следили за общественным спокойствием.

В первые дни, в дни разброда общественной мысли и полной анархии наблюдались случаи воровства и грабежа. Были случаи поджогов.

Особенно усердствовали лезгины и несознательные татары. Полиция смотрела на все это сквозь пальцы. Эй это и нужно было.

Она всячески стремилась скомпрометировать движение и поэтому не только не преследовала, но скорее поощряла грабежи.

Сознательные рабочие не могли не обратить надлежащее внимание на компрометирующее рабочее движение поведение кучки хулиганов безобразников. На одном из многолюдных митингов, на котором присутствовали десятки тысяч рабочих, после детального обсуждения поведения грабителей, было решено организовать дневные и ночные рабочие патрули для предотвращения грабежей и разбоев. Собрание постановило подвергнуть строжайшему наказанию всех провинившихся в грабеже. Специально для разбора этих дел был организован стачечный суд. На этом же собрании выяснилось, что главными виновниками грабежей и поджогов являются немногочисленные группы злоумышленников, решивших использовать момент общего брожения в своих личных целях. Появились группы шантажистов, которые от имени не существовавшего рабочего комитета обращались к капиталистам и другим мирным гражданам с требованием той или другой суммы в пользу рабочей кассы. В случае отказа угрожали смертью. Стачечный комитет поспешил издать прокламацию, в которой просил граждан не поддаваться обманщикам и шантажистам, отрицая существование какого-то анонимного «рабочего комитета». В этой же прокламации стачечный комитет обращался к авторам анонимных писем с предупреждением, что, рано или поздно, они попадутся в руки стачечного комитета, который сумеет достойным образом наказать шантажистов, провоцирующих дело рабочих и позорящих славное имя революционного пролетариата. Бакинский комитет партии также выступил с особой прокламацией, в которой между прочим говорилось: «А вы, товарищи, помните, что наша сила в единении и строгой выдержке. В Балаханах какая то подозрительная толпа лезгин разрушила на одном промысле кочегарку и в нескольких местах сломала арматуру. Знаете кто подослал этих лезгин?—Это полиция». «Диким разрушением не делается великое дело освобождения труда. Не принося нам никакой пользы, оно только дает в руки правительства орудие против нас и желанный повод для того, чтобы силой подавить нашу стачку. Вы не только сами не должны принимать участия в этих бесчинствах, вы не должны допускать до этого и темных товарищей или рабочих, подкупленных полицией. Вы не

должны даже силою заставлять присоединяться к стачке нежелающих этого рабочих; пусть их! Сегодня они еще слепы, завтра прозреют и бросятся к нам в об'ятия. Наш путь—сила убеждения, сила горячего слова и свободной мысли!»

С таким же предупреждением обратился к рабочим Тифлисский Комитет. В своем обращении к рабочим гор. Тифлиса, говорится: «Товарищи! мы переживаем, мы творим великие события. Так будем же вести нашу борьбу с полным сознанием ее великого значения. Мы боремся за лучшую жизнь, за высшую культуру. Поэтому мы не можем допустить грабежей и насилия. Запомним, что переодетые полицейские не раз подбивали в разных городах несознательных рабочих к кровавым насильственным действиям. Правительству выгодно выставить нас врагами культуры. Но мы не попадемся на эту удочку! Из чисто культурных соображений мы об'являем неприкосновенными телеграф, почту, личность, имущество и жилища всех граждан. С солдатами не должно быть никаких столкновений, мы всячески должны привлечь их на свою сторону!»

Постановление митинга об организации рабочих патрулей было на следующий же день приведено в исполнение.

В Балаханах и Биби-Эйбате были организованы регулярные патрули из рабочих.

Всюду водворилась тишина и спокойствие. Грабежи, убийства и воровство прекратились.

Престиж стачечников поднялся. Масса убедилась, что слухи о том, что грабежи совершаются стачечниками не выдерживают критики. Старания полиции не увенчались успехом.

Также неудачны были попытки полиции помешать дальнейшему росту движения натравливанием одной нации на другую. С этой целью она прибегла к наиболее невежественной татарской массе и распространяла через своих агентов провокационные слухи о том, что армяне и грузины готовятся громить татар.

Иллюстрацией к этому может служить следующий характерный инцидент, описанный товарищем:

«Человек 200—300 рабочих направились в фабрику Тагиева, чтобы остановить работы. Этот последний, стяжающий славу благотворителя, особенно патриотически эксплоатировал своих единоверцев-мусульман, пользуясь их безответностью и темнотою. Когда толпа подошла к воротам фабрики, она уже была ограждена караульщиками, а управляющий, вооруженный с ног до головы, нервно разгуливал по крыше. Пришедшие мирно требовали впустить их в фабрику, чтобы поговорить со своими братьями-персами. Рабочих не впустили. Толпа рабочих энергично настаивала или впустить, или же прислать для переговоров хотя бы 10 человек рабочих фабрики. Администрация уступила. Но каково было удивление рабочих, когда их товарищи-персияне, как только перешагнули ворота, приняли оборонительно-угрожающее положение. Некоторые были хорошо вооружены и дико размахивали топорами, револьверами на пришедших рабочих. Толпа попросила первоначально успокоиться и об'яснила подробно в чем дело и для чего они пришли. Персияне, узнав правду, побросали оружие и начали брататься с пришедшими. Успокоившись, они рассказали, что

уездный начальник их уверял, что русские, грузины и армяне пришли резать мусульман. Пришедшие рабочие просили их во имя всеобщей стачки прекратить работы. Тагиевские рабочие обещали и фабрика перестала работать»...

В другом месте читаем: «Правительство всеми правдами и неправдами старалось дезорганизовать ряды стачечников. Полиция разжигала национальную ненависть, натравляя армян на персиян и обратно. На Шемахинке толпа мусульман слушала речь одного «правоверного», который об'яснял своим единоверцам события дня, что русские, армяне, грузины, словом, все гяуры думают учинить поголовную резню мусульман, но правительство, царь, Халиф, Николай не пускают и поэтому прислали войска для защиты мусульман; что гяуры желают, чтобы в мечетях молились кешиши (священники); чтобы мусульмане молились христианскому богу. Так говорил и разжигал религиозный фанатизм толпы, вдохновленный околоточным надзирателем Шахтатинским, подкупленный оратор»...

Но увы! Попытки полиции не увенчались успехом. В дни общего возбуждения каждый из рабочих особенно ясно сознавал общность интересов и черносотенная агитация не могла иметь успеха.

Также неудачны были попытки полиции отвлечь внимание рабочих полицейским социализмом—«зубатовщиной».

Специальный агент охранного отделения, командированный в Баку, штабс-ротмистр Зазулевский не нашел соответствующей почвы для пропаганды идей «черносотенного социализма» зубатовской фабрикации.

Ему удалось сгруппировать вокруг себя 8 человек, с которыми он вел регулярные кружковые занятия.

Разочаровавшись в плодотворности подобной системы, он решил итти более верным и прямым путем и стал склонять своих приверженцев к шпионству.

Появилась группа зубатовцев-провокаторов. Появилась и черносотенная литература генерала Богдановича и К°. Массами она распространялась среди рабочих. В деле распространения принимали участие и городовые.

Появилась провокаторская литература местного производства, отпечатанная на гектографе.

Однако, как литература, так и вдохновители черносотенного «социализма» встретили враждебное отнонение со стороны рабочих. Рабочие травили зубатовцев, как провокаторов и не без основания.

Настоящая стачка имела еще одно громадное значение. Она показала, что невежественная и инертнейшая часть бакинских рабочих—местные мусульмане—также пробудились от продолжительной спячки и обнаружили скрывавшееся в них чувство классовой солидарности и стремление к лучшему будущему. Она показала, что и эта забитая масса не так далека от того дня, когда под влиянием широко развернувшейся социалистической пропаганды, приобщит свой голос к голосу всего пролетариата, когда она, разрушив твердыни предрассудков, направит свои силы против общих врагов пролетариата. В дни общего пробуждения—пробудилась временно и татарская масса... Но не надолго. Она опять впала в спячку. Не было необходимых для поддержания ее сил. Наоборот, черные

силы реакции—все были в полном распоряжении невежественной и фанатичной массы.

С наступлением тишины и спокойствия эти силы приступили к гнусной и омерзительной провокаторской деятельности — натравливания темной массы на иноверцев.

Грандиозный, преступный и омерзительный замысел реакции осуществился в февральские дни 1905 года.

С прибытием войск положение дел сильно меняется: фактическими господами положения являются казаки.

Рабочие патрули, благодаря которым прекратились грабежи и воровство, были разогнаны. По заводам и промыслам были расставлены солдаты.

Стачечный комитет со дня прибытия войск сложил с себя всякую ответственность за возможные ограбления и злоупотребления. И действительно, скоро возобновились грабежи и воровство. Хулиганы разных оттенков вновь почувствовали себя в безопасности. И понятно. Войска и полиция направили все свои силы против крамольников-агитаторов.

Дикий произвол солдат и казаков, бесконтрольно хозяйничающих в городе и окрестностях, еще более озлобили рабочих. Они были готовы итти на все и они чувствовали за собой силу. Сила эта, по выражению одного рабочего, сводилась к следующему: «На десятки тысяч войск, на штыки и пули мы ответим коробкой спичек».

Действительно, в руках рабочих было сильнейшее оружие, которое они могли пустить в ход во всякий момент и которое мигом разнесло-бы все Балаханы, Биби-Эйбат и Черный Город.

Рабочие, однако, руководились сознательными товарищами и местной социал-демократической организацией; они воздерживались от применения страшного, грозного и обоюдоострого оружия. Но всякому терпению есть предел. Войска бесчинствовали. Озлобление рабочих росло с каждым днем все больше и больше. Они, естественно, не желали гнуть спины под ударами нагаек. Они были возмущены насилием над товарищами кочегарами и машинистами, которых побоями заставляли пустить в ход машины.

Терпение рабочих лопнуло. Случилось то, чего ждали давно. Рабочие привели в исполнение свою страшную угрозу...

После двадцатидневной, стойкой и мирной стачки начались поджоги—чего больше всего избегали как представители капитала, так и равно, представители труда.

Кто был инициатором этой злой мести трудно определить. Но чудовищная месть эта была продиктована моментом — она была естественна и все ждали ее со дня на день.

В первый же день пожаром были уничтожены более 100 вышек, на второй день около 80-ти.

Целую неделю пожар свирепствовал по всем Балаханам. Рабочие открыто бегали с заженными факелами между вышками и поджигали их, причем принимались все меры предосторожности, чтобы не было человеческих жертв. Обитателей жилых помещений, расположенных близь нефтяных амбаров, заранее предупреждали и часто сами же помогали выносить домашние вещи.

Особенно заслуживает быть отмеченным отношение этих «страшных» мстителей к солдатам, которые по несознательности своей стреляли в своих же братьев—рабочих.

В последние дни забастовки промысла и заводы наиболее крупных фирм охранялись войсками. Эти фирмы, естественно, больше всех ожидали мести рабочих, так как они держались обособленно от капиталистов, согласившихся итти на уступки и упорно поставили на своем.

Как замечено выше, они не боялись продолжения стачки, что могло бы повести к гибели мелких нефтепромышленников. Но имелась еще другая причина. Крупные фирмы имели громадный запас нефти, собранной в амбарах. Продолжительность забастовки могла бы повести к повышению цен на нефть. Г-да капиталисты, естественно, стремились использовать момент в своих личных—карманных интересах. Рабочие это хорошо сознавали, они хорошо понимали, что сила врагов кроется в переполненных нефтью амбарах. Уничтожение их,—сильнейший удар для нефтяных тузов. Но амбары охранялись войсками. Поджог обошелся бы совершенно безнаказанно для поджигателей, но сотни солдатских жизней сделались бы жертвой мести рабочих. И рабочие воздержались.

«Как мы можем итти на это—ведь это равносильно смерти нескольких десятков наших бессознательных братьев-солдат»—говорили рабочие. Непосредственные интересы 50.000 рабочих требовали уничтожения этих амбаров, ставших на пути их движения—но десятки солдатских жизней, которыми заблаговременно запасся капитал—заставили рабочих поступиться своими интересами и отказаться от осуществления плана своих действий. Этим они еще раз показали свою сознательность и благородство души, они показали, что по существу, они чужды всяких преступных выступлений и если, тем не менее, им приходится поднять руку на своего брата, то вся вина должна пасть на коварное правительство—главного виновника всех совершающихся преступлений. Инициаторы поджогов, конечно, ничего общего не имели с организованными и сознательными рабочими. Но мало общего они имели и с громилами, которые свирепствовали в первые дни забастовки. Это были безусловно люди честные, озлобленные и возмущенные политикой правительства и бесчинствами казаков и солдат. Они мстили и только.

И убеждать их в подобные моменты в ложности и негодности принятой ими тактики разрушения—задача трудная и почти невозможная.

Они знали одно—разрушение промыслов, их полное уничтожение, это чувствительный удар не только для капиталистов, но и для правительства, непосредственно заинтересованного в нефтяной промышленности.

Капиталисты и правительство враги рабочих—ergo—нужно мстить. Все Балаханы с сотнями вышек, с нефтяными амбарами и жилыми помещениями были отданы в жертву пожара.

Убытки насчитывались десятками миллионов.

Число забастовавших рабочих на всем Кавказе доходило до 100.000 ч. Из них, на долю Баку приходилось 45.000, Тифлиса 15.000, Батума 1.000, линии З. Ж. Д. 5.000 ч. и Чиатурского горного округа 5—8.000.

В конце июля рабочие в Баку приступили к работам.

Разрушенные Балаханы должны были быть восстановлены. Спрос на рабочие руки увеличился. Увеличилась и заработная плата.

Требования рабочих в большинстве случаев были удовлетворены. Даже наиболее упорствовавшие фирмы и те принуждены были итти на уступки.

Администрация фирмы бр. Нобель, для сведения всех служащих и рабочих об'явила следующее:

«В течение почти четверти-векового существования товарищества бр. Нобель, оно принимало зависящие от него меры к возможному улучшению условий службы и быта рабочих. Правление товарищества, с уверенностью в своей правоте, может сказать, что, как в установлении окладов платы рабочим, так и в устройстве домашнего их быта, оно шло всегда впереди других нефтепромышленных фирм. Помимо принятия общих мер, товарищество всегда охотно отзывалось на просьбы и ходатайства отдельных рабочих, удовлетворяя их в пределах возможности.

В настоящее время, несмотря на то, что для пред'явления своих нужд рабочие избрали путь, несогласный с законом и не оправдываемый отношением к ним администрации товарищества, ходатайства их рассмотрены и о результатах этого рассмотрения сим об'является рабочим:

1) Число праздников будет сокращено до нормы, утвержденной Правительством; точное расписание всех праздничных дней в году будет вывешено для сведения рабочих.

2) Предпраздничными днями работы будут кончаться часом ранее.

3) Жалованье будет выдаваться во время производства работ.

4) При командировочных работах будут выдаваться суточные деньги в зависимости от места командирования и окладов содержания.

5) В заводских и промысловых мастерских будут, в течение предстоящей зимы, устроены помещения, в которых рабочие будут иметь шкафы для хранения платья, кубы для горячей воды, умывальники для мытья рук и столы и скамьи для обеда рабочих, остающихся во время обеденного перерыва в мастерских. В тех же помещениях рано прибывшие рабочие могут ожидать начала работы.

6) Устанавливается постоянный комплект чернорабочих, которым будут выданы расчетные книжки.

7) Ученики заводских и промысловых мастерских будут зачислены в разряд рабочих; оклады же их заработной платы будут и впредь назначаться в зависимости от их способностей.

8) Закон о страховании рабочих и о способе вознаграждения их во время болезни и при увечьях уже утвержден Правительством. На распубликование этого закона ожидается утверждение уже разработанных с'ездом нефтепромышленников уставов касс—больничной и страхования рабочих, после чего кассы будут немедленно введены в действие.

9) Что же касается до ходатайства рабочих об увеличении штата раз'ездных докторов, акушерок, о перевозке больных в рессорных экипажах, об учреждении библиотек-читален, народных домов, почтово-телеграфных контор с отделениями сберегательной кассы при них и об увеличении числа школ, то удовлетворение таких ходатайств, как общих для всех нефтепромышленников, возможно лишь с согласия Совета С'езда нефтепромышленников. Товарищество, со своей стороны, обещает со—

действовать, чтобы означенные ходатайства были Советом С'езда удовлетворены... *)

Дальше идут указания о выборах старост и т. д.

Итак, стойкость и солидарность рабочих взяли верх над эксплоататорской жадностью капитала.

Не говоря уже о моральной победе, одержанной борющимся пролетариатом над своим непосредственным врагом, и о громадном значении этой победы для дела рабочего движения, стачка 1903-го года имеет еще то громадное преимущество, что она является первым величественным массовым выступлением пролетариата не только на Кавказе, но и во всей России.

Вызванная исключительно экономическими причинами и носившая в момент возникновения исключительно экономический характер, она превратилась напоследок в борьбу политическую. Основой этой стачки в Баку служило общее недовольство рабочих гор. Баку условиями труда и было направлено исключительно против предпринимателей.

Целью рабочих было—достижение лучших условий.

На примере этой стачки, в ея первой стадии, пока она ограничивалась пределами Баку, мы имеем случай так называемой экономической стачки.

Борьба бакинских рабочих и гонение правительства вызвали, как мы видели раньше, протест рабочих других городов Кавказа.

Протест был выражен всеобщей стачкой рабочих остального Кавказа. Основой этой стачки является чувство более возвышенное и благородное. Тут мы имеем дело уже с проснувшимся и развитым классовым чувством пролетариата—с солидарностью.

Целью этой стачки является «завоевание улучшений» не для себя, а для рабочих другого города.

Тифлис, Батум, Кутаис и другие города встали в защиту Баку, не выставив своих требований.

Этот вид стачки известен в литературе как «стачка из солидарности». Из анализа июльской стачки, взятой в ея целом, мы можем вывести два в высшей степени важных для дела рабочего движения заключения: во первых,—всякая стачка, возникшая на почве экономических интересов рабочих, лишь только она начинает захватывать рабочих занятых в одной отрасли производства или одной местности, т. е. по мере того, как стачка из частных вспышек переходит к общим выступлениям—начинает неизбежно принимать политическую окраску.

Переход этот является неизбежным и необходимым, как показала практика рабочего движения на Западе и у нас в России. Отсюда вытекает необходимость для всякой политической организации рабочих, каковой являются социал-демократические организации, совместить при выступлениях пролетариата «профессиональные и политические действия их».

Таков первый урок грандиозной июльской стачки.

---

* См. „Нефтяное Дело" 7 15. 1903 года.

Во вторых, как показал опыт стачечной борьбы, всякая экономическая борьба, часто и помимо желания самих инициаторов стачки и ея руководителей, имеет большое политическое значение.

Она противопоставляет рабочих не только миру капиталистов, но и их покровителям, современным буржуазным правительствам.

Отсюда вытекает второй урок всеобщей стачки, охватившей Юг России, а именно: рабочие сами сознательно должны принимать активное участие в политической борьбе.

Нужно помнить раз навсегда, что всякая экономическая борьба есть в то же время борьба политическая, но эта последняя выигрывает в силе, если она не является лишь производной от экономической борьбы, а составляет самостоятельный и главнейший (для рассматриваемого периода) элемент начатой борьбы. В этой стачке особенно сильно проявилась мощь пролетариата и в ней видели «образец того революционного под'ема, мощному росту которого удастся сломать скалу абсолютизма».

Для этого необходимо лишь дальнейшее развитие уже пробудившегося политического классового самосознания рабочих.

Лишь политически зрелая рабочая масса может использовать свою гигантскую силу для завоевания политических прав, лишь политически свободный рабочий люд России в братской солидарности с пролетариатом всей Европы будут в состоянии сломать скалу капитализма и итти к завоеванию социалистического строя.

***

После июльской бури наступило временное затишье. Рабочие повсюду, как в Баку, так и в других городах Закавказья, приступили к работам.

Местная организация Р. С.-Д. Р. П. значительно усилила агитационную и организационную работу.

Весь ход июльской стачки и позиции, занятые капиталистами и правительством, служили в пользу соц.-дем., наглядно иллюстрируя пропасть, отделяющую эти два мира—мир угнетенных и мир господствующий.

После победоносной стачки, показавшей рабочему люду их силу и источник этой силы — солидарность, рабочие сами стремились к организации.

Организованность, сознательность и солидарность — вот те несокрушенные силы рабочего класса, пред которыми неминуемо разрушатся твердыни абсолютизма и капитализма.

Что же делала администрация? Чему она научилась за все время продолжения стачки?

Она попрежнему продолжала искать причину все разрастающегося рабочего движения в отдельных агитаторах и смутьянах, почему и направила все свои силы к тому, чтобы вырвать из рабочей среды наиболее сознательных рабочих, которым и приписывалось все движение.

Начались повальные аресты и обыски. Но результат получился плачевный. Действительно, в дни общего возбуждения появились личности, выдвинутые моментом, которые играли не малую роль в деле руковод-

Шендриков Лев.

Шендриков Илья.

ства движением. Но наиболее «опасные» из них были в безопасности. Поиски полиции были обречены на неуспех.

В руки полиции попадались лица, совершенно непричастные к делу, вся вина которых заключалась в чтении или сохранении нелегальной брошюры или прокламации.

Зато повальные обыски имели одно положительное значение: они не давали гаснуть пробудившейся политической мысли рабочего люда. Особенно возмущало рабочих бесчеловечное и циничное отношение администрации бакинской тюрьмы к арестованным товарищам. Так, 4-го августа, по приказу начальника тюрьмы подвергся побоям этап политических. Эта позорная миссия избиения революционеров была поручена солдатам, которые и привели в исполнение приказ начальника. Но это еще не все. Тюремная администрация не заботилась хотя бы о том, чтобы политическим были отведены более или менее чистые камеры. Политические были помещены в сырых тюремных мастерских. Спать и есть приходилось на грязных полах. Не менее нахально держали себя и низшие тюремные служащие. Они бессовестным образом брали взятки и всячески эксплоатировали невинных жертв произвола.

За лист простой бумаги брали 5 к., за табак вместо 4 к. брали 20 к. и т. д. 11-го августа политические, возмущенные зверским отношением к ним администрации, об'явили голодовку. Требования, выставленные арестованными, сводились к следующему: 1) не высылать внезапно; 2) дать постельные принадлежности; 3) устроить тахты или нары; 4) разрешить курение; 5) при расстройстве желудка пускать в клозет и после поверки; 6) в камерах не помещать выше нормы; 7) не сажать в темный карцер; 8) ввести железные параши; 9) заявления арестованных о желании лично об'ясниться с высшим начальством передавать начальству немедленно; 10) в случае болезни вызвать доктора немедленно; 11) не ругат и не бить арестованных.

Вот те требования, которые были выставлены тюремной администрации политическими заключенными 11-го августа.

Требования эти, как нельзя лучше, иллюстрируют положение политических в Бакинской тюрьме. Дальше итти некуда. Власти и тут проявили себя. Они гнусно издевались над своими жертвами, обнаруживая одновременно всю гнусную физиономию господ власть имущих.

Весть о голодовке мигом разлетелась по всему городу и рабочим кварталам. Послышался глухой ропот населения, привыкшего видеть в лице «политических преступников»—лучших людей.

Нужно было сгладить конфликт. Администрация уступила.

Бакинское рабочее движение в 1913—1914 гг.

История рабочего движения в нефтяной промышленности и роль бакинской организации нашей партии в этом движении не только недостаточно изучены, но не освещены даже отдельные периоды, моменты, полные глубокого поучительного смысла.

Между тем нефтепромышленный пролетариат в последние два десятилетия был в первых рядах российского рабочего движения и вписал не одну славную страницу в историю великой борьбы против капитала. Десятки и сотни наших ответственных партийных товарищей, трудами которых не мало сделано в деле создания нашей партии — получали опыт, закалялись, вываривались в бурном нефтяном котле бакинского пролетариата. Не раз революционная энергия бакинских рабочих служила возбудителем, стимулом для обще-российского рабочего движения, направленного против царизма.

Правда, развертывающаяся перед нами грандиозная мировая схватка труда и капитала и вытекающие отсюда гигантские проблеммы заслоняют наше прошлое, но все-таки — знание этого прошлого — верный путеводитель в чрезвычайно сложной обстановке современности. Корни умелого анализа соотношения классовых сил, руководство массовым движением— лежат в прошлой практике нашей партии.

Не оглядываясь в «глубь времен», нижеследующими строками попытаемся остановиться на одной главе бакинского рабочего движения, а именно: на всеобщей забастовке 1914 года.

Всеобщая забастовка нефтепромышленного пролетариата 1914 года непосредственно связана с предшествующей историей борьбы бакинских рабочих против нефтепромышленников. Борьба эта в общем отразила политико-экономическое положение в России. На этом движении можно проследить этапы под'ема и реакции обще-российской политической борьбы, и это естественно, ибо бакинский пролетариат составлял неразрывную часть российского и разделял с последним все невзгоды и радости.

Реакция, наступившая после бурных 5 и 6 годов, хотя очень медленно, сравнительно с другими местностями России, но неизбежно начала душить и бакинский пролетариат. Волны этой реакции к 1909 году захлестнули окончательно всякие признаки рабочей жизни.

Столыпинский разгул, проходивший по всей России, задавил и здесь окончательно всякую возможность работы в какой угодно форме. Разгром всех социалистических партий, да и не только социалистических, а и всех более или менее оппозиционных общественных группировок, вырывание из рабоче-крестьянской среды десятков тысяч лучших ее борцов, распад и мразь полу-социалистической, полу-либеральной интеллигенции— такова была картина того времени.

Правление „Союза нефтепромышленных рабочих“ в 1907 г.

Слева направо сидят: 1) Гамид Султанов, 2) Феодор Трофимов, 3) Сорокин, 4) Феодоров, 5) Мамед Гасан Адигезалов, 6) Саратовец (Смирнов), 7) Варначев, 8) Якубов Сеид Джафар, 9) Атабеков, 10) Ага-Баба Юсуф-заде, Стоят: 11) Алеша Джапаридзе, 12) Амир Аслан Турецкий, 13) Гайдар Али Таги-заде, 14) Сибгатулла Гафуров, 15) —, 16) —, 17) Кацо (Кав. Моск. О-во), 18) Ник. Леонтьев 19) Самсон Канделаки, 20) Землянский, 21) —.

Первые признаки «новой весны» обнаруживаются только к концу 1911 г. В этот мрачный период—период 1909—10—11 годов, в глубоких недрах массы идет незаметно своеобразное собирание сил и этот процесс отрезвления от ударов дикой реакции и оглядывания кругом проявляется (неожиданно для богоискателей и ликвидаторов из рядов соц.-дем. интеллигенции) только лишь в 1912 г. после расстрела ленских рабочих.

Волна протеста рабочих масс по всей России против этой беспримерной в истории расправы самодержавия—всколыхнула не только сознательную часть рабочего класса в России, но и широкие круги народных масс. Событие это имело и для бакинского пролетариата свои последствия. По нашему, отчасти и этим нужно об'яснить дальнейшее поступательное движение нефтепромышленного пролетариата, направленное как для восстановления утерянного в годы реакции экономического положения своего, так и против самодержавия.

В этот период робко, как бы исподтишка, вырисовываются на фоне политической жизни новые партийно-политические группировки и определенно выделяется, вновь воплощается в кровь и плоть бакинская организация нашей партии.

Уже становится определенно заметно влияние нашей партии в руководстве всеобщей забастовкой 1913 г. в Баку.

Правда, забастовка 1913 г. не отличается своей углубленностью, четкой организованностью, и преобладают в этом движении по преимуществу экономические мотивы, как бы заглушая этим политический смысл. Но это об'ясняется обще-политической ситуацией тогдашней России и степенью классового самосознания нефтепромышленного пролетариата того времени в целом.

То обстоятельство, что нефтепромышленники стремятся расколоть всеобщую забастовку своими частичными обещаниями некоторым категориям рабочих, что это удается им—показывает организационную слабость забастовочного комитета и недостаточное влияние нашей партии над широкими массами рабочих.

Чтобы установить преемственность забастовок 1913—14 годов, достаточно сопоставить требования рабочих в этот промежуток. Об этом свидетельствует воззвание забастовочного комитета 1914 г.: «Менее года прошло со времени июльской забастовки, а положение наше нисколько не улучшилось»—говорится в первом воззвании, выпущенном 26 мая 1914 года. «Многое нам нашими хозяевами в ту забастовку наобещано, многое опять взято обратно. Еще больше наших требований не было выполнено вовсе».

На эту связь указывает и начальник бакинского губернского жандармского управления в своем докладе от 10 июля о причинах забастовки 1914 г. «Летом 1913 г. и в текущем 14 г. в бакинском промысловом районе бастовало на промыслах с пред'явлениями экономических требований много фирм. Большинство бастовавших промыслов после непродолжительной забастовки получили удовлетворение своим требованиям неполностью. Отчасти оказало влияние и то обстоятельство, что некоторые фирмы летом 1913 г., предлагая рабочим приступить к работам, обещали исполнение их требований, но впоследствии обещания эти не исполнили*).

*) См. архив Б. Г. Ж. У.

Какие обещания не были выполнены в 13 году нефтепромышленниками и были об'явлены в 14 г. забастовочным комитетом?

1) Неимоверное вздорожание нефтепродуктов в продолжении 12 и 13 годов дало возможность нефтепромышленникам загребать баснословные дивиденты, а заработная плата рабочих сохранила свои старые нормы, несмотря на поступательные движения рыночных цен, отсюда—требование увеличения заработной платы*).

2) Завоеванная еще прошлыми забастовками трехсменная вахта, а впоследствие введенная нефтепромышленниками двухсменная, превращавшая рабочего своею изнурительностью в ничего несмыслящее и неразбирающееся ни в чем существо, сверхурочная работа и хищническая эксплоатация подростков, выдвинули требования: а) 8-часового рабочего дня; б) отмены сверхурочной работы; в) трехсменной вахты и г) охраны труда подростков.

3) Практикуемое нефтепромышленниками выселение семейных рабочих из занимаемых ими квартир на промысловой площади, скученность и спертость в рабочих казармах, превзошедшая своею антигигиеничностью всякие границы, мучительные дорожные условия для рабочих, живущих в городе, но работающих в промысловых районах,—властно диктовали о неотложности устройства рабочих поселков, обещанных нефтепромышленниками еще с начала девятисотых годов и не выполненные до сего времени.

4) Унаследованные в годы реакции привычки хозяев в области бесконечного произвола по отношению к рабочим, игнорирование их элементарных прав, непризнание никаких организаций, естественно, диктовало требования: а) неприкосновенности (в области увольнения) представителей рабочих (называвшихся в требованиях забостовочного комитета «советом уполномоченных»); б) признание профессиональных союзов; в) промысловых комиссий и г) промыслового суда на паритетных началах с предпринимателями для разбора конфликтов с рабочими и т. д.

Помимо перечисленных экономических требований забастовочным комитетом выставлялись и политические требования, как признание прав профсоюзов, празднование 1 мая и свобода собраний.

Как реагировали на это местная власть и нефтепромышленники?..

Дадим слово начальнику бакинского губернского жандармского управления, который 9 мая 1914 года сообщает директору департамента полиции: «Местные соц.-дем., пользуясь организованностью рабочих бакинского промыслового района, намерены летом текущего года произвести общую забастовку бакинского промыслового района; с этой целью большинством рабочих промысловых предприятий избраны уполномоченные в количестве около 100 человек и в середине минувшего мая месяца образовался забастовочный комитет».

Одновременно поставленное об этом в известность тифлисское губернское жандармское управление дает директиву в Баку о принятии

*) Увеличение заработной платы в представленных требованиях забастовочного комитета выражалось в 90%, причем в этот процент вошли и традиционные „наградные", как составная часть заработной платы. Этим был положен конец той бешкешной политике, которой долгие годы нефтепромышленники одурачивали рабочие массы. Впервые на всем протяжении рабочего движения в Баку выставляется отказ от „наградных" и это—показатель классовой сознательности бакинских рабочих рассматриваемого периода.

мер к аресту забастовочного комитета. И вот, тот же начальник бакинского губернского жандармского управления спешит сообщить в Тифлис и Петербург: «В ночь на 23 мая с. г. в Баку и балаханском промысловом районе произведена ликвидация образовавшегося стачечного комитета и лиц, принадлежащих к партии эс-деков; арестовано 8».

Жандармская близорукость сказывается через несколько дней. Тот же автор от 28 мая принужден телеграфно признаться: «Сегодня в бакинском промысловом районе рабочие об'явили забастовку, пред'явив экономическо-политические требования. Настроение рабочих повышенное».

Полицейская точка зрения не в состоянии была вникнуть в причины забастовки и, осталась вне поля достижения их наблюдения та колоссальная подготовительная работа, которая проделана была в течении двух месяцев бакинским комитетом нашей партии; эта работа охватила самые широкие круги рабочих масс; она была обоснована экономически и политически и организационными щупальцами были охвачены, без преувеличения, 90% рабочих.

Жандармский лоб ушибся на аресте забастовочного комитета, полагая этим ликвидировать «крамолу». На следующий же день ареста наших товарищей, встал забастовочный комитет, который в первом же своем воззвании указал на необходимое условие для вступления в переговоры с нефтепромышленниками—освобождение арестованных товарищей.

Дальнейшее усиление внутренней и внешней охраны, казачьих сотен и полиции в промысловом районе еще больше усилило, как это видно из дальнейшего, революционную спаянность рабочих, их размах и твердую волю не вступать ни в какие частичные переговоры помимо забастовочного комитета.

Забастовка, чем дальше, тем больше охватывала, даже самые мелкие предприятия, и вся эта свора стояла беспомощно перед грандиозной картиной сплоченности пятидесятитысячной массы бастовавших. Бешенству их не была предела.

Бесконечные аресты, запугивания и насилия еще больше увеличили стройные ряды забастовщиков.

Аресты тех или других наших видных товарищей сопровождались обыкновенно жандармскими донесениями в центр, как это видно из архива о близком конце забастовки.

Нефтепромышленникам было внушено со стороны власти не вступать ни в какие переговоры с забастовочным комитетом, так как «балование» рабочих не гарантирует их от дальнейшего аппетита рабочих.

Однако неуловимыми путями, при неимоверно тяжелых условиях конспирации, бакинский комитет нашей партии в лице забастовочного комитета, вполне сознавая всю взятую на себя ответственность руководства такой небывалой, по тогдашним временам, гигантской забастовкой, продолжал крепко держать в своих твердых руках руль движения.

Вот что пишет забастовочный комитет в средних числах июня в своем воззвании:

«Товарищи! Грандиозная борьба бакинского пролетариата продолжается, проходит уже вторая неделя, как пятьдесят тысяч бакинских рабочих дружно бастуют, они жертвуют собою, они обрекают себя и свои

семьи на голодовку, чтобы добиться лучшей доли «дальше». Да, бакинские рабочие решили общими усилиями улучшить свое положение».

И действительно, воля бакинского пролетариата не сломилась, а закалялась творившимися насилиями.

Ни заполнение бастующими рабочими тюрем, арестных домов и всех полицейских участков, ни выселение из рабочих казарм и квартир, занимаемых на промысловой площади рабочими, ни угрозы высылки в Персию персидско-подданных рабочих, ни на иоту не поколебали волю рабочих.

Такая героическая борьба нашла отзвук по всей России, главным образом, среди пролетариата Петербурга и Москвы. В одном из своих воззваний забастовочный комитет, учитывая забастовку, как острый возбудитель, крупный политический фактор, революционизирующий рабочие массы в крупных рабочих центрах России, пишет: «Наша самоотверженная борьба вызывает живейший отклик в сердцах рабочих всей России. В Петербурге в знак протеста против чинимых над нами насилий бастовали детятки тысяч рабочих: по всем заводам и фабрикам собираются пожертвования. Вся рабочая Россия с замиранием сердца ожидает развязки начатой нами грандиозной борьбы».

Этот политический момент был самым благоприятным для увеличения успеха начатой забастовки. По свидетельству М. Ольминского вот что представляла тогда рабочая Россия: «Мартовское движение рабочих в Петрограде,—говорит, характеризуя этот период, М. Ольминский*),—возникшее в связи с массовым отравлением на «Треугольнике», приковало внимание пролетариата всей России к вопросу об охране здоровья рабочих. Прошло после того около двух месяцев, полных напряженной политической жизни, в связи с празднованием дня рабочей печати, 1 мая и другими, более мелкими, но сильно волнующими фактами, как, например, временное изгнание из Государственной Думы левых депутатов. И вот, в конце мая мартовская волна как бы ударилась о прибрежные скалы в далеком Баку и получила обратное движение к Петербургу»...

Грозные признаки надвигающейся революции и совершенная неумелость местных властей ликвидировать своими силами источник, питающий эту революцию — бакинскую забастовку—привлекают внимание и всерьез озадачивают центральную власть.

В самый разгар забастовки, в первых числах июля совет министров снаряжает с неограниченными полномочиями старого сторожевого пса нефтепромышленников, товарища министра внутренних дел, генерал-майора Джунковского в Баку для расправы с забастовщиками.

Как приступает Джунковский к своей работе, лучше всего видно из воззвания забастовочного комитета по этому поводу: «Товарищи рабочие! Бакинская забастовка привлекает к себе исключительное внимание высшего правительства. Командированный из Петербурга товарищ министра внутренних дел Джунковский уже приехал сюда. Как и следовало ожидать, он стал знакомиться с забастовкой и положением рабочих в нефтяной промышленности через доклады бакинского помпадура Мартынова, прославившегося на всю Россию своими беззаконными действиями...

---

*) См. „Из эпохи Звезды и Правды", стр. 148.

Поэтому неудивительно, что героическую борьбу пятидесятитысячной массы бакинских рабочих он об'являет делом рук нескольких злонамеренных лиц».

Чиновничья тупость, проявляемая представителями высшей власти в об'яснении причин забастовки еще более подбадривала полицейских бандитов.

Издается приказ домохозяевам не сдавать свои квартиры выселяемым из промысловой площади рабочим, оставляя под открытым небом тысячи рабочих семейств. С одобрения и ведома власти начинают действовать разные «кочи» и не останавливаясь перед избиением беззащитных мусульманских рабочих, силой оружия сгоняют их массами к станкам.

Сотни голодных женщин с детьми, выступившие с требованием прекращения гонений и насилий над их мужьями, растаптываются копытами казачьих сотен.

Атмосфера раскаляется.

Беспощадная расправа эта живым эхом раздается по всей России и раскаты грозы революции виднеются на политическом небосклоне...

К этому времени затевается империалистическая война, как отдушина революции.

Мобилизация с об'явлением войны наносит смертельный удар стойкости бакинского пролетариата. Патриотический угар, охвативший в первые дни мобилизации народные массы, проник и в Баку, и стушевал происходящую классовую борьбу.

Царизм правильно учел момент и во время нанес удар*).

И. Довлатов.

---

*) Размеры данной заметки не позволяют остановиться на очень своеобразной тактической линии нефтепромышленников.

Празднование первого мая в Баку. *)

А. Рохлина.

1902 год.

В архиве б. фабричной инспекции сохранилось секретное отношение старшего фабричного инспектора от 15|V 1902 года на имя окружного фабричного инспектора харьковского округа следующего содержания:

„Вследствие предписания Вашего Превосходительства от 6-го мая с. г. за № 28 [1]) имею честь донести нижеследующее: в воскресенье 21-го апреля с. г. в г. Баку, в 11 час. утра, на Парапете около Армянского Собора, небольшая кучка неизвестных лиц сгруппировалась около одного из них, державшего в руках палку с куском красной материи и начала кричать. Благодаря праздничному дню и близости Парапета от базарной

---

*) **Примечание:** *Эта работа была предпринята и доведена до 1909 года более года тому назад. Обстоятельства помешали автору тогда же довести ее до намеченного 1916 (включительно) года. За истекший год, правда, не опубликовано ничего такого, что свело бы на нет то, что дано в этой работе. Но так как и год тому назад автор ни в какой мере не преувеличивал об'ективной ценности этой работы, то тем более сомнений у него на сей счет в данное время. И если бы не настояния товарищей сдать рукопись (и при том, как водится, в самом спешном порядке) для напечатания ее в сборнике, предназначенном к парт'конференции, то вряд ли она когда либо была бы напечатана, но крайней мере, в том виде, в каком она ныне сдается в набор.*

Наши бакинские архивы чрезвычайно бедны материалами по истории движения прежних лет. Даже буржуазных газет до 1905 года не уцелело в Баку ни в одной библиотеке. А то из архивных материалов (например, архив градоначальства), что уцелело, находится в таком состоянии, которое пока что исключает всякую возможность сколько нибудь планомерной разработки.

Для печатаемой работы это является и плюсом и минусом. Минусом, поскольку собранное неполно, частично, следовательно, не во всем и не всегда достоверно. Плюсом, поскольку тут дано все, что было на лицо при отсутствии уверенности в близком появлении более полных, достоверных, „богатых" материалов.

Пожалуй, за недостаток работы надо признать и то, что тут даны материалы (и то неполные) без достаточного анализа (особенно для некоторых лет), хотя должен оговориться, что такой цели мы себе и не ставили: были бы материалы, а для освещения и анализа их мастера найдутся.

Раз работа печатается, то плохо, конечно, и то, что она не доведена до намеченного конца.

Но тут уж мы решительно не виновны.

Еще два слова: наше изложение начинается с 1902 года. Никаких данных о праздновании 1 мая до 902 года не имеется. А по некоторым предположениям можно заключить, что в 902 году бакинские рабочие впервые праздновали этот красный праздник.

[1]) В этом предписании окружной инспектор препровождает вырезку из какой то газеты о „беспорядках" в Баку („Баку. Беспорядки. Оффициальная газета „Кавказ" сообщает: „21-го апреля, в 11 час. утра, в гор. Баку на площади около армянского собора, собралась толпа народа в несколько сот человек, выкинула красный флаг, подняла крик и разбрасывала записки революционного содержания. Мерами

улицы, мгновенно собралась толпа любопытных в несколько сот человек. Беспорядок продолжался не более 10—15 минут, тогда как при появлении первых казаков крики прекратились и толпа начала рассеиваться. Не знаю по чьему распоряжению на Парапет прибыла пожарная команда, приехали еще казаки и в продолжение часа или двух масса публики ходила по тротуарам и Парапету, очевидно, привлеченная необычайностью происшедшего. На следующий день я спрашивал Г. Полицеймейстера и Начальника Жандармского Управления о том, принимали ли рабочие участие в беспорядках, но определенного ответа не получил, почему, имея в виду секретный циркуляр М. Ф. от 26 февраля с. г. за № 27,—22 апреля с. г. послал в Отдел Промышленности шифрованную телеграмму следующего содержания: «двадцать первого были уличные беспорядки, участие рабочих не выяснено». В настоящее время, со слов г. Начальника Бакинского Губернского Жандармского Управления, мне известно, что 21 апреля задержано было 21 человек, в том числе рабочих три, из коих один будет привлечен к формальному дознанию, как участник. К изложенному считаю долгом присовокупить, что до сего времени на фабриках и заводах Бакинской губ. спокойно, но за последние два месяца заметно усиленное распространение листков революционного содержания, которые, между прочим, рассылаются чинам фабричной инспекции прямо по городской почте».

В нашем распоряжении имеется рукопись т. М. Ш., написанная в 1905—6 т.г. Вот что там говорится об этих собраниях:

„Первое политическое выступление бакинских рабочих совпало с празднованием первого мая.

Рабочие в несколько сот человек собрались в центре города, распустили знамена и начали разбрасывать прокламации с призывом к политической борьбе. К демонстрантам присоединилась громадная толпа сочувствующих. С пением революционных песен, с высоко развивающимися знаменами толпа направилась по одной из главных улиц города.

Отношение к демонстрантам было сочувственное. С крыш и балконов раздавались приветственные возгласы.

Ораторы открыто, громко, во всеуслышание провозглашали основные принципы международной социал-демократии.

На знаменах, свободно развивавшихся над многотысячной массой, красовались надписи: «Долой самодержавие!», «Да здравствует социализм!»

К демонстрантам примкнула и масса детей с маленькими красными знаменами.

У одного из них городовой хотел было отнять знамя, но тот ловко спрятал его в карман и с криком: «долой собак и подлецов» скрылся в общей массе.

Итак—первый шаг сделан. В этот день (21-го апреля 1902 г.) Баку принял боевое—революционное крещение.

принятами полицией, при содействии вытребованных казаков, порядок был восстановлен. Насилий не было. Задержано двое.) и просит уведомить „насколько справедливы вышеизложенные слухи и, если какие-либо беспорядки действительно произошли, то на основании секретного циркуляра М. Ф. от 26|II с. г. за № 27—донести о том в установленном порядке“.

В день 1-го мая (ст. стил.) рабочие многих заводов и промыслов категорически отказались работать. [1]).

На многих же заводах рабочие выставили целый ряд экономических требований, большая часть которых была удовлетворена. [1]) В течение всего 1902 г. других крупных рабочих волнений в Баку не наблюдалось.

Бакинский пролетариат временно успокоился, готовясь к более решительному выступлению».

О майской демонстрации именно этого 1902 года говорит, повидимому, и тов. Качаев в № 93 (525) «Бакинского Рабочего» за 1922 г. в нижеприводимой заметке под названием «На заре рабочего движения».

«В 1912 году тов. Вишневский Семен об'единяет кружки для совместной работы: Нобеля (под руков. Зарюри), Ротшильда (Дворжек, Вацек, Семен), Кокорева (Замораева), Муса-Нагиева (Жиленко), Биеринга и др. велись другими товарищами.

В Сабунчах у нас была историческая квартира, которую впоследствии разгромили жандармы; содержатель тов. Тидеман был арестован. Это был первый арест за время нашего рабочего движения. С легкой руки Тидемана вплоть до революции мы имели своих товарищей в баиловской тюрьме. Нам было известно, что имеются кружки в Черном Городе и на Биби-Эйбате».

Работа кружков начинает отражаться на рабочей массе; она начинает к нам прислушиваться. Изредка появляются прокламации, которые мы разбрасываем. В кружках у нас ведется политически-воспитательная работа (литература получалась довольно аккуратно).

Замышляли устроить демонстрацию 1-го мая. Послана даже информация в «Искру». 18-го апреля (1-го мая) не удалось провести из-за рабочего дня, решили отложить на 24-е. Демонстрация удалась и привлекла массу любопытствующей публики. Демонстранты разогнаны нагайками. Но все-таки нам удалось разбросать прокламации. Последствия демонстрации дали много пищи для различных разговоров.

С этого времени у нас работа пошла успешнее; особенно шла к нам молодежь, до тех пор проводившая бесполезно время. Организуются вечерние занятия».

А корреспонденция из Баку в № 22 «Искры» (1-е мая 1902 г. Первые шаги. Письмо рабочего о демонстрации в Баку.) гласит:

«Мы, бакинские рабочие, чтобы не отстать от рабочих других городов, сообща решили сделать первый шаг к святому делу. Но в виду того, что наши товарищи еще не так сплочены, то-есть наша организация еще очень слаба, у нас возник вопрос: быть или не быть? Мнения рабо-

---

[1]) Эти места страдают неясностью и нуждаются в проверке. Демонстрация как мы видим, состоялась не 18|IV (ст. ст.), а 21-го, в воскресенье. Воскресный день был очевидно выбран именно потому, что организации не надеялись на успех в случае призыва к прекращению работы среди недели. В воскресенье же „рабочие многих заводов и промыслов“ само-собой не работали и, стало быть, их легче было вызвать на улицы. А между тем автор говорит, что „в день 1-го мая (ст. ст.) рабочие многих заводов и промыслов категорически отказались работать“, мало того, „на многих же заводах рабочие выставили целый ряд экономических требований, большая часть которых была удовлетворена“.

Когда это было—в день 1-го мая ст. ст., т. е. 18 апреля или в воскресенье 21 апреля?

чих были различны. Одни, например, говорили: «если будем праздновать открыто, то без арестов дело не обойдется и наши лучшие силы пропадут; тогда наше движение приостановится. Не лучше ли нам продолжать попрежнему тайную пропаганду и агитацию, пока движение наше усилится и глубоко пустит корни? Тогда и мы, как наши братья других городов, смело выступим, открыто выявляя наши силы». Другие советовали собрать массу и пойти на поле праздновать тайно, чтобы не отстать от других городов. Но тут нам вспомнился ответ декабристов Пушкину: «Из искры возгорится пламя»... Но для того, чтобы возгорелось сильное пламя, нужно чтобы наши искры разлетелись по всему городу, чтобы сразу вспыхнул большой огонь. Так как открытое празднование станет известно всему городу, то без сомнения наши искорки западут не только в души рабочих, но и в души всех граждан нашего города (как потом оказалось). Тут мы решили: «быть». Стали не жалеть сил и времени, устраивать массовые собрания и вести пропаганду, говорить по поводу открытого празднования 1 мая. Решено и сделано! Но вот наступил назначенный день 21-го апреля! Все с охотой явились на назначенное место. Каждый в отдельности поднимал голову и глазами чего-то искал вверху. А сердце так жмется от радости, что вот настанет минута, когда мы будем чувствовать себя героями святого дела и мы сможем сказать, что это наш праздник, и что это знамя тоже наше. А вот и то, что так жадно искали наши глаза—это наши сигнальные шары! Каждый, кто только увидел шары, сейчас бежал к назначенному месту, а наш бравый знаменоносец был настолько разгорячен, кровь в нем так закипела, что он даже не вытерпел и минут на пять раньше, чем пустили третий шар, развернул знамя гордо и смело и произнес: «Товарищи! Сегодня великий праздник, в который мы открыто выступаем против неправды, невежества и нищеты! Долой самодержавие! Да здравствует свобода!» Я должен заметить, что около знаменоносца было всего человек 8—10, из которых 3 разбрасывали маленькие прокламации, в которых были написаны требования: «свобода, 8-часовой рабочий день и т. п.» Разбрасывая листки, все крикнули: «Ура!» На их крик раздался по всем улицам ответ: «Ура! «Долой самодержавие! Да здравствует свобода!» Со всех улиц громадной толпой пустились бежать к Парапету, где знамя гордо развевалось. Постовой городовой, увидя это, до того испугался, что не знал, что делать: отнять-ли знамя или убежать, как бешеный метался во все стороны и как раз попал в толпу демонстрантов. Когда он вырвался, он побежал без оглядки, желтый, как мертвец. Пристав же, который здесь стоял для охраны, помчался неизвестно куда. А демонстранты все прибавляются и прибавляются, а «ура» все усиливается и усиливается. С громким криком «ура» мы двигались вокруг Парапета к назначенному месту; но как только хотели завернуть на Николаевскую улицу, мимо нас проехали: полицеймейстер, его помощник и пристав. Молча направились они туда же, куда и мы. Но мы начали им угрожать кулаками с криком: «долой самодержавие, долой полицию, долой собак!» А толпа тысячная кричит «ура!» Это их задело, как видно за живое и они соскочили с извозчика и подошли к нам; бледные, как мертвецы, они тряслись, как в лихорадке. Пристав заговорил телячьим голосом: «что вы хотите?», а полицеймей-

стер заревел как бык: разойтись! Но товарищи не пали духом и угрожая палками, кричали: «долой самодержавие! Долой полицию!», а я подошел к знаменоносцу и говорю: «Товарищи, бросьте собак, вернемся обратно». Так и было: «ура усиливается все больше и больше. Появилась учащаяся молодежь, пожилые и дети с криком: «Ура! Да здравствует свобода!» На крышах и балконах появились люди разных сословий, толстобрюхие и т. п. господа. Мы им угрожали кулаками и криками: «Долой самодержавие! Да здравствует свобода!» Но с балконов и крыш эти толстопузые сочувственно ответили: «Да здравствует, да здравствует». Все проходящие с сияющими лицами кричали: «Молодцы, молодцы! Держитесь дружно! Не робейте!» и т. д.

Так мы дошли до того самого места, где начали, но тут опять те же собаки начали кричать «разойтись». Мы не противились и сейчас же направились по Татарской улице к гимназии; за нами бежала вся толпа с криками «ура», а знаменоносец тут же сложил знамя и ушел домой. Были два маленьких флага: их нес какой-то мальчик 10-ти лет и, когда пристав подошел к нему и хотел отнять, он крикнул: «Долой собак, подлецов!» и, спрятав в карман флаги, побежал. Я забыл заметить, что, когда полицеймейстер спросил, что мы хотим, один рабочий подскочил к нему, развернул флаг и показал ему, что мы хотим. Всю дорогу держал он знамя, чтобы ветер не скручивал его, так что мы минут 20 ходили со знаменем, а на Гимназической мы стояли также минут 20 или больше (но без знамени) и кричали «ура». Хотели петь, но у нас уже сил не было. Один грузин начал танцовать, и все хлопали руками, а когда пристав прибежал, то его освистали и прогнали. Ни одной улицы не было, чтобы не была полна народу. На крышах и балконах кричали: «Долой самодержавие! Да здравствует свобода!» и т. д. Ни один ребенок не остался дома. Все повыходили из домов. Народу было около 5.000, так что крики и мертвых могли бы поднять... Мне невольно вспомнилась французская революция...

Постояв около $^1/_2$ часа вблизи гимназии, мы начали расходиться, довольные тем, что маленькая искра действительно разгорелась, и весь город закипел, зашумел...

Успели арестовать одного рабочего, но парень, как говорится, не промах: будучи уже в руках злодеев, сам себе дал свободу, т.-е. поколотил двух городовых, вырвался и удрал. Кроме этого на месте демонстрации арестов не было. Потом мы опять все направились к Парапету в качестве зрителей и нашим глазам представилось небывалое зрелище: громадная толпа, солдаты, казаки, вся бакинская полиция, флотские солдаты, пожарная команда и много разных собак. Полицеймейстер, как бешеный, бежит то тюда, то сюда, не зная что делать—разогнать ли толпу или самому уйти? а жандармский пес нюхал всюду, авось найдется добыча, но не тут-то было. Брандмейстер скомандовал пожарным рассеять толпу, а казаки уже по доброй воле просили публику: «разойдитесь, пожалуйста». Разошлись не скоро. Теперь многие рабочие просят дать им таких людей, которые бы им раз'яснили их положение. Многие с нетерпением ждут новой демонстрации, и слова нашего великого учителя Маркса: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» запечатлелись в душах всех рабочих, так

что теперь всякий говорит, что только «первый шаг» труден был, а тепер будем шагать прямо и смело, и везде где мы только будем, там и забросим искру, а от искры разгорится пламя. Теперь я вижу, что невозможного нет. Когда мне кто-нибудь бывало скажет: «что мы, маленькие люди, можем сделать?»—я всегда отвечал, что из маленького зерна вырастает большое дерево. Теперь я вижу перед собой, что только недавно было заброшено маленькое зерно, а теперь у нас выросло могучее дерево; и вот уже даже некоторые пользуются готовыми плодами, в виде удачных забастовок. Теперь только остается пожелать всем товарищам всей России, начиная с первого шага и на всю жизнь выступать твердо и смело и показать всем врагам нашим, что нашу семью никто не может искоренить, а, наоборот, кто захочет искоренить нашу семью, тот останется в дураках, потому что — пролетарии всех стран соединились».

К приведенному считаем не лишним прибавить из «Всеподданнейшего отчета сенатора Кузминского о произведенной в 1905 году ревизии гор. Баку и Бакинской губернии» (стр. 54) «Постановление Начальника Бакинского Жандармского Губернского Управления от 2-го апреля 1902 года: принимая во внимание: 1) что квартира таких-то служит местом собраний разных лиц, могущих быть распространителями в г. Баку и окрестностях преступных воззваний, результатом коих была демонстрация 21-го апреля 1902 года; 2) что во время демонстрации в толпе участников, а также, хотя и не в толпе, но на площади «Парапет» были замечены все посетители квартиры, очевидно, пожелавшие видеть результаты своей деятельности, постановил: хозяев квартиры и всех лиц, посещавших таковую, всего в числе 14 человек, задержать и, произведя у них обыски, поступить с каждым из них по результатам»[1]).

«По обыскам, — говорит дальше Кузминский, — лишь у одного была найдена книга на армянском языке—«Социализм и социальное движение в XIX веке» Зомбарта, изд. в Женеве, но тем не менее все 14 лиц были арестованы в порядке усиленной охраны».

---

[1]) Ваше мы видели, что корреспондент № 22 „Искры“ сообщает о задержании всего одного демонстранта, да и тот „сам себе дал свободу“; тов. В. Стуруа в № 95 (527) „Бак. Раб.“ от 1/V 1922 г. об этой демонстрации, между прочим, говорит: „Демонстрация продолжалась 15 минут. Налетели казаки, произошла схватка, красное знамя спасли, уцелели также и все участники демонстрации“. Но эти утверждения если и не находятся в противоречии с приводимым сенатором Кузьминским документом (очевидно, протокол составлен не *2-го* апреля, а *22-го апреля*, т. е. *после демонстрации*), то между утверждениями двух участников демонстрации (Стуруа и корреспондент „Искры“) и донесением фабричного инспектора (см. выше), который со слов начальника бакинского жандармского управления говорит, что „21-го апреля задержано было 21 человек (не 14, как гласит протокол, напечатанный у Кузьминского, а 21), в том числе рабочих три, из коих один будет привлечен к формальному дознанию как участник“—противоречие есть.

Еще большее противоречие между всеми этими утверждениями и сообщением С. Г. Аркомеда („Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе“) на стр. 105: „В связи с демонстрацией были арестованы: Е. Голикова (бывш. слушательница высш. женск. курсов), Р. Бабикова (фельдшерица), Л. Кнуньянц (студ. Киевск. Политехникума), Б. Кнуньянц (вольноопред.), Т. Кнуньянц (художник), А. Бекзадьянц (студ. Киевск. Политехн.), А. Николадзе (техник), И. Мелик-Иосифьянц (бывш. студ.-технол.), Н. Козаренко, гимназисты Назарьянц и Чикноворьянц и несколько рабочих, всего 34 человека, из них три женщины“.

1903 год.

В труде В. И. Фролова, быв. зав. стат. бюро Совета С'езда «Очерк забастовочного движения рабочих бакинского нефтепромышленного района за 1903—1906 год», изданном в 1907 году, на стр. 34 сказано: «В 1903 году забастовок по политическим причинам не было».

Ниже мы даем сведения о первомайских стачках 1903 года, взятые из архива фабричной инспекци.

В этом архиве имеется, между прочим, запрос старшего фабричного инспектора от 21 декабря 1906 года, адресованный в отдел промышленности и торговли, по поводу просьбы завед. стат. бюро Совета С'езда дать ему сведения о забастовках, бывших в бакинском фабрично-заводском районе в 1903, 904, 905 и 906 годах и телеграфный ответ Литвинова: «сведения о стачках разрешаю дать».

Надо думать, что просимых сведений фабричная инспекция В. И. Фролову не дала, несмотря на это разрешение. В предисловии к книге вышедшей, как мы сказали выше, в 1907 году, В. И. Фролов говорит: «Мысль собрать сведения о забастовках 1903—1906 г.г. возникла летом 1906 года. Получить полный материал за прошедшие года, конечно, было невозможно, потому что записи ведутся не всеми фирмами и, кроме того, у некоторых фирм за время августовского погрома сгорели все документы. Помимо неполноты собранного материала, подлежащая разработка поставленного вопроса встретила препятствие в полном почти отсутствии каких либо сведений о рабочих за прошлые года». [1]) Все это так. И, однако, если у В. И. Фролова не было сведений о том, что политические стачки в 1903 году были, то откуда он взял данные будто бы «в 1903 году забастовок по политическим причинам не было»? Это утверждение тем более странно, что В. И. Фролов был в то время довольно близок к социал-демократам и знал не одного живого участника рабочего движения 1903 года.

Обращаясь к материалам фабричной инспекции, следует отметить, что и она—в первые, по крайней мере, годы—плохо, повидимому, справлялась с регистрацией стачек и систематизацией стачечного материала.

Так, несмотря на ряд циркуляров из центра, относящихся к концу девяностых и началу девятисотых годов о собирании и представлении точных данных о стачках и «беспорядках», в архиве имеется ответ старшего фабричного инспектора на предложение зав. отд. промышленности М. Т. и П. известного Литвинова от 25 августа 1906 года «приступить к собиранию материала, относящегося до рабочего движения в Баку начиная с 1903 года (папка № 27). Ссылаясь (отношение от 8 сентября 1906 г.) на прилагаемый перечень дел по интересующему вопросу, своевременно отправляемых им в отдел промышленности, ст. фабр. инспектор, между прочим, пишет: «Возможно, особенно в 1905 году, что в некоторых забастовках, при многочисленности и одновременности таковых, своевременно не были собраны необходимые сведения, почему о таковых забас-

---

[1]) Ниже в том же предисловии говорится: „некоторые фирмы отнеслись к исследованию в высшей степени недоброжелательно. С 1907 года забастовки регистрируются подробнейшем образом". И мы знаем по дальнейшим выпускам, что это верно.

товках и не было представлено в отдел промышленности. Пополнить этот невольный пробел в настоящее время возможно только путем рассылки промышленникам особых вопросных бланков, которые, по заполнении их подлежащими сведениями, дадут фактический материал. Ввиду указания, имеющегося в полученном мною предписании, что таковая же просьба обращена и в Совет С'езда, я на этих днях виделся с председателем Совета С'езда г. Фейгель, от которого узнал, что Совет С'езда, не располагая в полном своем фактическом материале о забастовках на промыслах и нефтепромышленных заводах, решил разослать нефтепромышленникам вопросные бланки о забастовках бывших, начиная с 1903 года». [1])

Вот сведения, которые имеются о первомайских забастовках 1903 года в архиве фабричной инспекции (папка № 93): [2])

«Механическая мастерская Нестерова—28 рабочих—заявлено накануне о нежелании работать 1 мая из боязни быть избитыми; механические мастерские Штаниных и Баранова—18 раб., Т-ва «Каспий»—28 рабочих, Караева и К°—21 раб., Шлимак—4 раб., первое типографское Т-во—50 раб., типография Промышлянского—25 раб., типография наследников Гуревич—17 раб., мех. мастерские Мадера—10 чел., Котляра—6 чел., Гамона—6 чел., табачная фабрика Тер-Григорьева—58 чел., заведение Левенсона—250 чел., Нобеля—600 чел., Мальникова—70 чел., Эйзеншмита —74 чел. Рабочие всех этих предприятий не работали из боязни быть избитым. [3]) Табачная фабрика Мирзабекянца—670 чел.—заявлено накануне о нежелании работать 1 мая, мех. маст. «Надежда»—112 чел.,—не работали до 12 час. дня, депо ст. Баку—428 чел., из которых 406 чел. не работали до 9-ти час. утра, а 22 человека весь день. Электрическая Сила—до обеда завод работал полным составом, а после обеда работали только рабочие, слесаря же не работали, называя этот день всеобщим праздником; слесаря—все русские; завод Манташева (масляный)—все мастеровые и рабочие исключительно армяне, которые еще накануне 1 мая заявили администрации завода, что работать не будут, так как день 1

---

[1]) В цитированной выше бумаге Литвинов, между прочим, предлагает „прислать незамедлительно соответствующий материал, не исключая номеров местной прессы и переписки с властями, если в них содержатся статистические сведения, имеющие отношение к данному делу". На это ст. фабр. инспект. отвечает так: „местные ежедневные газеты за последние четыре года уделяли много внимания забастовкам рабочих, но все статьи и заметки по этому вопросу носили явно тенденциозный характер. Ясно было заметно стремление заслужить популярность среди рабочих масс, совершенно отсутствовало об'ективное отношение к происходившим событиям. Ввиду изложенного мною и не были сохранены №№ этих газет". Если мы вспомним, что легальная рабочая пресса появилась не ранее конца 1905 года, то станет ясно, что, в стремлении заслужить популярность среди рабочих масс, ст. фабричный инспектор винит бакинскую буржуазную прессу... лучшей характеристики... ст. фабричного инспектора... не требуется.

[2]) Отношения бакинского полицеймейстера от 15|V и бакинского уездного начальника от 5|V на имя губернатора.

Первый представляет „сведения о механических заводах и мастерских, в коих 1-го сего мая работы не производились в течение всего дня или части его" и доносит, что „все заводы, обрабатывающие нефтяные продукты, а равно котельные и жестяночные мастерские с преобладанием элементов рабочих-татар работали в течение всего дня", а второй представляет „сведения о движении работ на заводах и промыслах на Кишлинской и Биби-Эйбатской дачах".

[3]) Замечательно, эта „причина" забастовок чаще всего фигурирует в донесении полицеймейстера; уездный же начальник либо прямо говорит об „угрозах" или даже „избиениях", либо без дипломатических „тонкостей" приводит настоящую причину: покинули работу по случаю майского праздника.

мая всеобщий праздник; завод Шибаева—весь завод работал, за исключением четырех слесарей, а именно: Князева, который не работал с обеда, Чернявского—с завтрака, Городнева и Куликова, которые не работали весь день, Генриха Ремера, который не работал $^3/_4$ дня, называя этот день всеобщим праздником; первые четверо русские, а последний немец. Завод Каспийско-Черноморского Общества. Завод работал, за исключением восьми человек слесарей (семи русских и одного поляка), причем мастеровые Красавин, Дашкевич, Меклянов и Глухов, не работая сами лично, избили мастеровых: Коробовцева, Котрова, Пахомова и Сухова, требуя прекратить работы, так как день 1 мая, по их заявлению, всеобщий праздник «социализма», а механик Хацман, поддерживая то же мнение не хотел давать в этот день свистков и сделал это лишь по настоянию большинства рабочих; Завод «Восточное Общество». Завод до обеда работал в полном составе, а после обеда мастеровые не работали по причине угроз поднадзорного Николаева лишить их жизни, если они будут продолжать работать; Завод Гольдлюст. На заводе работали только одни татары; слесарям же Горшкову, Толмачеву и паяльщику Лазарьеву управляющий заводом Бондаревский отказал от работы, говоря, что день 1-го мая нужно считать всеобщим праздником; Завод «Каспийское Товарищество». Завод работал, за исключением шести человек мастеровых русских, которые не явились на работу из боязни быть убитыми «социалистами».

Более полные данные о праздновании 1-го мая в 1903 году мы находим в вышецитированной рукописи[1]). Автор этой рукописи живо рассказывает о крупнейших демонстрациях, организованных социал-демократами во всех крупнейших городах Кавказа по случаю годовщины освобождения крестьян, демонстрациях, имевших место в Баку 2 марта[2]) и затем переходит к празднованию 1-го мая, откуда мы приводим лишь то, что непосредственно касается Баку.

---

[1]) Рукопись эта, обрывающаяся на ликвидации всеобщей июльской забастовки 1903 года, дает интересный материал по общекавказскому движению. То, что касается указанной бакинской забастовки, печатается отдельно в настоящем сборнике.

[2]) Вот, что там сказано: „Через несколько дней, 2-го марта, последовала не менее удачно организованная и вполне удавшаяся политическая демонстрация в Баку.

Полиция, разнюхавшая заранее решение комитета устроить демонсграцию на 2 марта, приготовилась дать отпор. Сосредоточив силы у Парапета она ждала неприятеля... Но неприятель не спал. Приготовления полиции, в свою очередь, были известны организаторам демонстрации. До 2.000 ч. рабочих собрались у Молоканского сада и выкинули знамя. К демоностраптам примкнула масса сочувствующих и вся эта масса со знаменами и пением революционных песен направилась к Петровской площади.

Впереди процессии шли знаменоносцы. Местами процессия останавливалась и выслушивала краткие речи агитаторов С. Д.-в. По пути разбрасывались, предназначенные к этому дню прокламации, изданные местным комитетом партии. Прискакали казаки и врезавшись в толпу начали действовать нагайками. Но вооруженные дубинами рабочие не отступили и при всеобщем хохоте прогнали их обратно.

Появилась и полиция во главе с вице-губернатором Лилеевым.

Вице-губернатор обратился к демонстрантам с соответствующей случаю речью последовал ответ демонстрантов—всеобщий хохот.

Вице-губернатор прибег к угрозам, но тут кто-то угораздил вице-губернатора камнем в голову. Он вынужден был оставить поле военных действий, предоставив своим опричникам полную свободу действий.

Началась новая схватка. Вновь пущены в ход нагайки и шашки, с одной стороны, дубины и камни—с другой. Схватка продолжалась недолго.

Демонстранты мало по малу начали расходиться. В общем нужно было признать демонстрацию удавшейся.

Пострадавших было очень немного“.

«За политическими демонстрациями последовали демонстрации, организованные кавказскими социал-демократическими организациями в день праздника труда 1-го мая.

Обыкновенно празднование 1-го мая на Кавказе справляется два раза: 18-го апреля (по нов. стил.) и 1-го мая (по стар. ст.). День этот является днем генерального смотра имеющихся революционных сил и обыкновенно еще за несколько дней до 18 апреля начинается деятельная подготовка к празднованию великого рабочего праздника.

По инициативе тифлисской организации Р.С.Д.Р.П., еще за две-три недели до 1-го мая, по воскресеньям устраивались так называемые «репетиции», именно: мирные массовые прогулки рабочих по Головинскому проспекту... Эти странные и зловещие прогулки не предвещали ничего хорошего ни полиции, ни буржуазии... Целыми днями в выжидательном состоянии полиция ждала «чего-то» страшного от систематически повторяющихся прогулок пролетариата.

И это «что-то» не замедлило явиться... 18-го, 20-го и 27-го апреля в различных городах Кавказа произошли крупные демонстрации политического характера... Первое мая по новому стилю—18-го апреля—в Баку было праздновано мирным путем. Рабочие некоторых заводов и наборщики всех городских типографий забастовали и отказались работать, благодаря чему газеты на следующий день не вышли. Для удачного проведения празднования 1-го мая (по стар. ст.) в этот день было организовано несколько больших массовых собраний, на которых присутствовали от 100 до 700 человек на каждом.

Тем временем кавказские комитеты партии готовились к одновременному выступлению пролетариата в день 1-го мая. По различным соображениям было решено празднование 1-го мая перенести на 27 апреля.

В этот день, согласно решения соц.-дем. организаций городов Баку, Батума и Тифлиса, были организованы внушительные демонстрации в названных городах.

Наиболее удавшейся нужно признать демонстрацию в Баку.

Еще с утра рабочие с Черного Города и Балаханов стекались в город. Центральным пунктом, откуда должно было начаться демонстративное шествие, был назначен Парапет. В половине 12-го несколько сот рабочих со знаменами и революционными песнями двинулись с Парапета по направлению к Николаевской улице. Тут к ним присоединилась другая группа, тоже в несколько сот рабочих из Петровской площади.

К ядру из нескольких сот с'организованных рабочих присоединилась громадная толпа посторонней публики.

Минут через 30—40 собралась толпа в 8—10.000 человек, которые, примкнувши к рабочим с пением революционных песен, направились по Николаевской улице к Городскому саду.

Полиция и войска не препятствовали движению. Демонстранты прошли значительную часть Николаевской улицы, но у городского дома их встретили казаки и полицейские с обнаженными шашками. После двухкратного залпа холостыми зарядами, перепугавшаяся масса рассыпалась по сторонам.

Казаки пустили в ход нагайки и безжалостно избивали попадавшихся под руки демонстрантов.

Избивались безразлично женщины и дети. Ранено человек до 15. Арестованных несколько десятков.

Тем не менее демонстрацию нужно признать удавшейся. Коварный замысел полиции окружить демонстрантов (проект губернатора) и избить их поголовно, не дав возможности разбежаться, не удался по совершенно случайным причинам. К пяти часам демонстрация повторилась в конце города, на Телефонной улице. Произошло новое столкновение полиции с рабочими на Балаханской улице. Состав демонстрантов преимущественно рабочий, почему они не так скоро поддались угрозам полиции и казаков. В стычке с полицией убит городовой, один шпион, опознанный рабочими, ранен пристав и оказались сильно избитыми несколько городовых.

В Балаханах в тот же день состоялась грандиозная демонстрация рабочих. Появились казаки, которых встретили рабочие камнями и возгласами: «долой палачей», «долой самодержавие».

Казаки открыли огонь по демонстрантам. Ранены исключительно туземцы. Стрельба была «тенденциозна». Один из казаков проговорился «в своих не стреляли»... Однако этим путем едва-ли казаки-палачи завоюют симпатию «своих», уже сознавших свою классовую солидарность—с «не своими».

Но эта «тенденциозная» стрельба характерна в другом отношении. Это была явная попытка сеять национальную рознь между рабочими разных национальностей.

Провокация эта, однако, не удалась. В стычке ранен один казак и один полицейский. Каждый день их все более и более убеждал в необходимости политической борьбы, ибо без политической свободы нет и не может быть никаких социально-экономических улучшений в жизни рабочих. Нечего и говорить, что отсутствие необходимой политической свободы не дает возможности рабочим организоваться для борьбы за завоевание социализма—их конечного идеала.

Возмущенные до глубины души рабочие говорили: «очередь за ними. Нас били и отлично. Теперь мы будем их бить».

Так праздновали бакинские рабочие великий праздник труда. Всеобщая первомайская забастовка, об'явленная на этот день, прошла удачно. Почти все рабочие за малыми исключениями, и то преимущественно из татар, забастовали.

По городу, в Балаханах, в Черном Городе и на Биби-Эйбате были распространены прокламации на армянском и русском языках.

В заключение приводим выдержку из статьи № 10 журнала «Анив» за 1908 год, относящуюся к празднованию 1-го мая в 1903 году.

«Партии ведут энергичную пропаганду по поводу 1-го мая. У рабочих настроение весьма приподнятое и, казалось, оно разразится грандиозной демонстрацией. На всех промыслах и заводах постоянные непрерывные собрания, где принимаются однородные резолюции. Решение у всех одно—первого мая с утра всем явиться на работу (в обыкновенное время) и к 8 часам гудки везде должны известить всех рабочих о начале

праздника. После всем собраться на предварительные собрания, откуда рабочие группами должны отправиться в город для участия в демонстрации. Но одно—резолюция, другое дело осуществление ее. Для последнего требуется энергия, солидарность и героизм, из коих в двух качествах и отказать нельзя, но третьего—наиболее необходимого во время всякой войны, не было и нет у наших бакинских рабочих [1]). Ясно, что указанные резолюции должны были остаться на бумаге.

Вот и 1-е мая.

С утра—обычная картина трудовых будней в промысловом районе. В городе большинство рабочих бастуют, кто по доброй воле, а кто под влиянием других товарищей в заводах, мастерских и пр. Устраиваются общие собрания, говорят о значении праздника.

К 8 часам об'является во многих фирмах забастовка (промысловый район) и забастовщики группами направляются на те промысла, где продолжается работа и снимают силой рабочих. Кой-где удается убедить, а там, где они встречают отпор—начинается форменный погром: выпускается пар с котлов, ломают, что поддается ломке, словом, настоящий погром, пока появляется полиция, которая начинает рассеивать толпу и арестовывать ослушников. Итак, часть празднует забастовкой, часть спокойно работает (большинство). В нескольких местах забастовка приняла затяжной характер. Там она была чисто экономического характера (напр., у Муса-Нагиева).

---

[1]) Автор, некто Шахнарениан, в цитируемой статье вообще неодобрительно изволит отзываться о бакинских рабочих и о характере празднования ими первого мая, после пятого года.

„С этого времени—выводит он—среди рабочих устанавливается один весьма демократический и прогрессивный обычай, который к несчастью продолжается до сих пор. Ежегодно рабочие фирм выпрашивают у хозяев определен. сумму денег (те им почти никогда не отказывали) и устраивают пирушки, пикники. Собравшись на дворе фирмы, где они устраивают богатый обед, ждут пока почтит их своим появлением господин управляющий со своим помощником и поздравит рабочих с праздником. Появляется, наконец, давно жданный гость со своим помощником и садится во главе стола, приготовленного специально для них и начинается пирушка. Первый тост обыкновенно произносят за господ и за администрацию, за каковые те фальшиво благодарят. Не считая для себя приемлимым сидеть долго за одним столом с чумазыми рабочими, они через полчаса покидают стол. А рабочие прододжают пить и веселиться до тех пор, пока не останется ничего с'едобного на столе и пока они перепившись не разобьют друг другу головы. Вот как праздновал и как теперь празднует бакинский рабочий —эта 45-тысячная внушительная армия труда, свой международный майский праздник“.

Эта чепуха написана в 1908 году в младодашнакском органе. Ниже мы увидим, что в это время была в разгаре „совещательная“ кампания, в процессе которой единомышленники автора выступали под флагом бойкота совещания и частенько прибегали к аргументам, сильно смахивающим на приведенные.

1904 год.

Наши сведения о майском празднике этого года пока чрезвычайно скудны. В упоминавшейся уже работе В. И. Фролова [1]) на стр. 79-80 читаем: «Товарищество Абиянца дает сведения о всеобщей забастовке в мае 1904 года по поводу праздника 1-го мая. Ни одна из нефтепромышленных фирм не упоминает больше о ней. Есть сведения об этой забастовке от т-ва «Арарат», у которого бастовали все 60 рабочих в течении одного дня и которое определяет свой убыток от этого в 300 руб. У фирмы «Абиянца» работало 302 человека и все участвовали в забастовке». И на странице 34 того-же труда: «В 1904 году таких забастовок отмечено три, по случаю первого мая: одна на табачной фабрике Мирзабекянца (забастовали все 713 рабочих), другая на механическом заводе Мальникова (бастовали все 126 рабочих завода), и третья на механическом заводе Эйзеншмита (бастовали все 156 рабочих завода); забастовки продолжались один день; сумма потерянных рабочих дней—995».

Отчет фабричной инспекции за 1904 год упоминает (в графе «забастовки и волнения рабочих») об однодневной забастовке 1-го мая (в тех же 3-х предприятиях) на заводе Мальникова (126 рабочих), Эйзеншмита (156 рабочих) и на табачной фабрике Мирзабекянца (713 рабочих). И больше в этом отчете, как и в других документах архива инспекции, относящихся к этому времени, о праздновании 1-го мая ничего нет. Есть, впрочем, отношение старшего фабричного инспектора на имя губернатора от 6-го мая (см. папку № 91), в которой читаем: «ввиду несомненно существующего в настоящее время брожения среди бакинского фабрично-заводского района и вызываемой этим обстоятельством напряженной деятельности местных чинов фабричной инспекции» и т. д. (речь идет о сокращении срока отпуска, просимого фабричным инспектором Киселевым).

«Ввиду несомненно существующего в настоящее время брожения» и разрозненные забастовки в каких нибудь трех-четырех предприятиях первого мая—плохо вяжутся, тем более, что к этому приблизительно времени надо отнести обострение фракционных разногласий внутри организации с.-д. и начало открыто-раскольнической и бесшабашно-демагогической деятельности Шендриковых (в это время в Баку находился один лишь покойный Лев Шендриков, который «перед первым мая 1904 г.» «был командирован бакинским комитетом в Балаханы для агитации за первомайскую стачку» «Правое дело № 1, стр. 39), обстоятельства, сопровождавшиеся под‘емом и оживлением работы.

О праздновании первого мая в 1904 году помещена заметка в № 95 (527) «Бак. Раб.» от I/V-1922 г. тов. Гр. Фонштейна. Эта заметка рисует картину всеобщей забастовки («в этот день на заводах не было слышно обычного лязга и буровые вышки одиноко стояли на промыслах»), карти-

---

[1]) „Очерк заб. дв. раб. нефтепр. района за 1903-1906 год“.

ну, для подтверждения или опровержения которой мы пока не обладаем никакими данными. Вот эта заметка:

„ Это было 18 лет тому назад.

Пролетариат г. Баку решил выйти на улицу и заявить свой протест самодержавию. Накануне по заводам шла деятельная подготовка; распределялись места и обязанности, а также обсуждался способ прекращения работ.

Утро 1-го мая. В 8 часов «Электрическая Сила» выключила ток на промыслах, где по условному знаку начали давать свистки. Наступил торжественный момент: рабочие выходили из своих нор на улицу.

Со всех районов в город на Парапет потянулись рабочие.

Как сейчас я помню были пущены два воздушных шарика и выкинут красный флаг. Тесным кольцом окружили рабочие знаменоносца и с пением «Марсельезы» тронулись к Молоканскому саду, где к нашей группе присоединились черногородцы.

В этот момент казаки врезались в гущу толпы и мы были разделены на две группы. Одна из этих групп оказалась на Петровской площади. Там рабочих ожидало нападение 60 пьяных казаков. Когда демонстрация повернула на Меркурьевскую улицу, к Черному городу,—произошла схватка с казаками. Рабочие не растерялись, быстро начали разбирать мостовую и встретили пьяную орду градом камней. Казаки отступили, дважды дали вверх залп и бросились в сторону завода «Кавказ и Меркурий». Когда же они собрали свои разрозненные силы, то рабочие уже расходились по всем направлениям, с гордостью и торжеством в душе: они чувствовали за собой силу и право и надежду на освобождение от ига самодержавия и капитала.

В этот день на заводах не было слышно обычного лязга и буровые вышки одиноко стояли на промыслах.

Буржуазия со страхом смотрела из окон своих великолепных домов на происходящее надеясь, что царские опричники победят. Не сбылись ее надежды...

Живы еще те из ее представителей, которые видели это наше выступление и теперь они воочию убедились, что не только здесь в Баку, но и над всей Россией развевается красное знамя освобожденного рабочего класса».

1905 год.

Празднование первого мая 1905 года происходило в атмосфере громадного общественного под'ема, особенно взвинченного предшествовавшими событиями: декабрьской забастовкой 1904 г. и февральской резней (6—10 февраля 1905 г.). Эта последняя вскрыла даже перед слепыми на оба глаза такую степень одичания и зверства местной высшей и низшей власти, что потрясенная до основания и глубоко возмущенная не только рабочая, но и широкая обывательская масса естественно поддалась всеохватывающему революционному возбуждению.

В промыслово-заводских районах, главным образом, среди неквалифицированных рабочих, подавляющее большинство которых состояло из персидских и местных мусульман, обойденных и неудовлетворенных результатами так называемого декабрьского коллективного договора, [1]) шло сильное брожение. Неспокойно было и на железной дороге, рабочие и служащие которой незадолго до того вынуждены были прекратить забастовку, не давшую им ничего. [2]) Революционное возбуждение было очень сильно и во всем завокзальном районе.

Эти последние обстоятельства послужили для шендриковцев, организация которых носила тогда еще название «Союза Балаханских и Биби-Эйбатских рабочих», основанием к... решительному сопротивлению против отпразднования первого мая всеобщей забастовкой, против первомайской стачки.

Интересующемуся историей бакинского рабочего движения надо иметь в виду огромное влияние шендриковщины на весь склад и характер пролетарского движения в мазутной республике того и последующего времени. Что касается полутора лет (середина 1904—конец 1905 г.г.), то надо признать, что при всем численном росте (в конце 1905 года от 1500 до 2000 членов) внутренней устойчивости и мощи большевистской организации, позволявшей ей развить сравнительно большую организационную и пропагандистско-агитационную (изустную и печатную) работу, она в течении этих полутора лет была фактически величиной, так сказать, второстепенной, влияние которой в промысловых районах подрывалось исключительно демагогической, но близкой и понятной широким рабочим низам, деятельностью т. н. «Союза Балаханских и Биби-Эйбатских рабочих», в это, приблизительно, время переименовавшегося в «Союз Бакинских рабочих». [3])

Шендриковцы, как мы уже сказали, были решительными противниками первомайской забастовки. Мотив: настроение, главным образом, мусульманских рабочих таково, что они превратят однодневную майскую забастовку в длительную экономическую, которая де по условиям момента успеха иметь не будет, да и может быть не поддержана квалифициро-

---

[1]) Декабрьской забастовке 1904 года мы намерены посвятить специальный очерк в следующем сборнике.

[2]) Об этой забастовке, сколько помнится, говорит Витте в начале своего известного доклада царю. Доклад этот напечатан в „Материалах по истории революции и контр-революции в России“ том I-й. Книгу эту у меня в свое время отобрали жандармы. В Баку я ее, к сожалению, найти не мог.

[3]) Из других организаций, работавших среди рабочих, почти нераздельным влиянием (на армянских рабочих) пользовались дашнаки, представлявшие из себя боевую дружину в большей мере, чем политическую организацию; эс-эры представляли из себя небольшую, совершенно невлиятельную, с очень слабой связью среди рабочих, интеллигентскую группу; т. н. гинчакисты, льнувшие к меньшевикам, доживали последние дни; еле влачили существование и армянские с.-д. (т. н. „специфики“), бравшиеся нами в расчет в тех случаях, когда требовалось впечатление представительства „армянского пролетариата“; были еще две незначительных мусульманских организации „Гуммет“ и „Иттифаг“, первая из которых (во главе этой организации стояли: покойный Азизбеков, Касумов, недавний Наркомзем Эфендиев, известные впоследствии муссаватисты М. Э. Расул-Заде и Кязим-Заде, Исабек Ашурбеков и др. Душой и самым активным работником этой организации был Сеид, убитый в конце пятого или в начале шестого года, по подозрению в провокации). Гуммет составлял автономную часть большевистской организации, а Иттифаг—организация националистическая—возникла несколько позже.

ванными рабочими, т. е. русскими и армянами. А этим усилится национальный антагонизм. Забегая несколько вперед тут же скажем, что за майской забастовкой действительно последовала экономическая, начатая мусульманскими рабочими и законченная полууспешно и частью поражением; усиления национального антагонизма не могу вспомнить.

Как бы там ни было, но много труда и хлопот стоило нам заставить шендриковцев согласиться на празднование первого мая путем всеобщей забастовки. Возможно, что на них повлияли к этому приблизительно времени приехавшие из центра (кажется, из-за границы) меньшевики—супруги Бройде (Яков и Наташа); [1]) возможно, что некоторую роль сыграл, если память нам не изменяет, арест братьев Шендриковых, хотя до майской забастовки мы имели дело именно с Шендриковыми и в самый день первого мая они еще, кажется, были на воле. Якова же и Наташу мы встречали лишь в следующие дни на огромных митингах в Балаханах, комментирующими намеченные ими требования, [2]) братьев же Шендриковых, хорошо помнится, на этих митингах уже не было (от нашей организации на этих больших митингах выступал я, покойный Монтин, Гриша Гаген (Серебровский) и др.).

Вспоминается ряд районных и междурайонных собраний (в Балаханах, в городе и в Кишлах, причем кишлинское собрание, происходившее, кажется, в каком-то пустом, недостроенном и без крыши помещении, было спешно распущено, так как наши патрульные подняли тревогу). На этих собраниях, где после раскола почти впервые и «за общим столом» встречались противники, никакого «общего языка» не было, не только потому, что мы были за забастовку, а они против, но, главным образом, еще вследствие того, что шендриковцы вели себя крайне анархически, отказываяь—решительно и бесповоротно—от каких бы то ни было окончательных решений под тем предлогом, что, дескать, только «бюрократы», «генераяы» и т. п. большевики могут решать такой вопрос не только без рабочей массы, но еще и «без своей организации», за свою организацию; они же не уполномочены и по сути дела не могут получить таких полномочий от своей организации, которая «решает сама и никому своих прав не передоверяет и передоверить не может».

Во «Всеподданнейшем отчете о произведенной в 1905 году сенатором Кузьминским ревизии города Баку и Бакинской губернии» на стр. 59 следующим образом рассказывается о предмайской массовке, устроенной в городе, на квартире наборщика т. Рачи Алахвердова под видом вечеринки (были пригласительные билеты, музыка и даже закуска) «по случаю име-

---

[13] Воспоминания последней (Бронская на бакинских промыслах) были потом помещены в №№ 6 и 7 „Совр. Мира" за 1912 год.

[14]) Помню, по обыкновению, длиннейший ряд требований, перемешанных с политическими, среди которых—и это очень характерно для „Союза балаханских и биби-эйбатских рабочих"—красовалось крайне оппортунистическое требование двухгодичной службы для солдат, тогда как программа с.-д., общая и для меньшевиков, требовала полного упразднения постоянной армии и замены ее всеобщим вооружением народа. Между прочим, в этих требованиях, как и в наших, впервые, кажется, было выставлено требование признания 1-го мая праздничным днем, на общих для всех праздников основаниях.

нин»: «В ночь на 24 апреля 1905 года Бакинский Полицеймейстер, получив сведения о том, что в доме № 53 по Каменистой улице происходит сходка противоправительственного характера, отправился на место происшествия в сопровождении чинов полиции и учебной команды 262 Сальянского пехотного резервного полка, а также офицеров и унтер-офицеров корпуса жандармов. Участники сходки в числе 231—тотчас обысканы не были, и потому все имевшиеся у них рукописи и печатные произведения революционного характера они успели изорвать и разбросать по полу. Затем они были задержаны и препровождены в арестный дом, где и находились в течении почти всего следующего дня; идя по улицам и содержась в арестном доме, толпа пела революционные песни, кричала, размахивала красными платками и этим привлекала многих любопытных. Таким образом, вместо тайной сходки получилась публичная демонстрация противоправительственного характера, причем на глазах у власти был уничтожен весь материал, который мог послужить к точному выяснению как общего характера и целей сходки, так и степени виновности отдельных ее участников. Участниками сходки оказались люди самых разнообразных профессий, как-то: служащие в гостинницах, воспитанники средних учебных заведений, мастерицы, проститутки; из числа их подвергнуто было административному взысканию за нарушение обязательного постановления о недозволенных сборищах всего 14 человек; остальные же были на следующий день освобождены».

Пишущий эти строки выступал на этой массовке от имени Б. К. Понятное дело, „проститутки"—полицейская выдумка. Но все остальное более или менее соответствует тому, что было. Массовка была посвящена первому мая. Явились на нее представители различных партий. Хорошо помнится, что в середине именно моей речи появилась полиция без обычного в таких случаях шума и начальственного устрашения. В ответ на предложение разбиться на групы по числу полицейских участков, в которых проживают собравшиеся, и немедленно следовать в эти участки для «выяснения личности», «начальству» было категорически и твердо заявлено, что до утра никто с места не тронется, обыскать себя не дадут и утром и притом не в ранний час все вместе последуют куда будет указано, но только по главным улицам, чтобы все видели, чтобы вышла демонстрация. Так и было, с той лишь разницей, что когда часов в 9 утра мы вышли на улицу и нас окружили солдаты и полицейские, нам не удалось направить процессию по Николаевской улице, как нам хотелось (нас повели в арестный дом, который помещался в районе Губернской и Орловской), а по той-же Каменистой или по другой прилегающей улице, что, впрочем, не помешало толпам народа с сотнями людей по всему пути останавливаться, перекликаться, следовать за нами [1].

---

[1]) Спустя несколько часов по приводу нас в арестный дом, там произошла история. Первым нашим требованием было—прокурора. Приехал тов. прокурора Вахрушев. Так как у этого чина была какая-то темная история в прошлом, то мы отказались с ним разговаривать, мало того, ему был устроен „кошачий концерт", который заставил его ретироваться. Некоторое время спустя явились жадармы и, переписав всех, тут же освободили подавляющее большинство, а задержанные 14 человек получили от 2-х недель до 3-х месяцев. Кузьминский совершенно правиль-

Вот как сенатор Кузьминский описываетпер вомайский праздник (стр. 141—142):

«Во второй половине апреля появились целые тысячи прокламаций, призывавших рабочих к прекращению работ 1 мая, священного для них праздника труда. В текущем году 1 мая приходилось в воскресенье. Так как этот день обыкновенно бывает свободным у мастеровых рабочих, то они приглашали устроить празднество не в воскресенье, а в субботу 30 апреля, с тою целью, чтобы сделать торжество 1-го мая наиболее заметным, видным для всех. Рано утром 30 апреля, когда обычно приступают к работам в мастерских, в районе промыслов раздались тревожные свистки: рабочие, организаторы праздника, призывали своих товарищей прекратить работы. Тихо, без шума, выходили рабочие из буровых; лишь гул выпускаемого из кочегарок пара свидетельствовал о чем-то необычном для обыденной жизни промыслов. Вскоре вся промысловая площадь очистилась от дыма; начался праздник. Там и здесь отдельные рабочие деятельно раздавали прекратившим работу товарищам прокламации, призывавшие сплотиться возле одного, выставленного на прокламациях, общего для всех рабочих лозунга: «пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Прокламации приглашали рабочих воспользоваться празднованием 1-го мая, об'явить двухдневную всеобщую забастовку и пред'явить ряд требований чисто политического характера. Суббота 30 апреля и воскресенье 1 мая прошли на промыслах в районе Черного и Белого городов и в самом Баку совершенно мирно. Лишь большие толпы празднично одетых и совершенно мирно настроенных рабочих на улицах свидетельствовали о прекращении работ. На промыслах была устроена большая сходка, на которой произносились речи на русском, армянском и татарском языках». И на стр. 395: «Первого мая городской сад, единственное в Баку место, где есть кое-какая зелень, был переполнен учащейся молодежью. Согласно распоряжению генерал-губернатора, по улицам ходили отряды пехоты, демонстративно распевая военные песни; к зданию думы вывезены на всякий случай две пушки, обращенные жерлами на улицу. В 7 часов вечера, в саду поднялся переполох, толпа в испуге с дорожек бросилась через решетки на газоны, ломая деревья и кустарники. Предводительствуемая студентами, шла группа прилично одетых людей, певших революционную песню. По сигналу вожака демонстранты остановились, один из них вы-

---

но ругает дураков-жандармов и полицию: не только не были по настоящему „установлены личности и задержанные имели возможность уничтожить все, что при них имелось, мало того, на квартирах задержанных обысков сделано не было и много товарищей, живших нелегально и имевших у себя „склады" литературы, были отпущены как ни в чем не бывало. Надо вообще сказать, что такой бездарной жандармерии и полиции, в смысле сыска, как в Баку, редко где можно было встретить. Достаточно сказать, что в течении всего 1905 года в Баку не удалось состряпать ни одного судебного процесса. (Исключение: процессы по делу об убийстве губернатора Накашидзе и околодочного надзирателя; первый из этих процессов, по которому судились и были присуждены к смертной казни семь совершенно непричастных к делу людей, до того возмутителен, что о нем следовало бы рассказать особо); почти все арестовывавшиеся отбывали наказание "в административном порядке, потому что аресты в подавляющем большинстве случаев производились не в результате длительной слежки и „внутренней" информации (повидимому, провокаторов не было), а путем случайных налетов на собрания, главным образом, по неосторожности собиравшихся. Сказанное в значительной степени относится не к одному только 1905 году.

шел вперед и громким голосом крикнул: «смерть убийцам русского народа». Толпа ответила громким «ура», шествие продолжалось; полиция из опасения осложнений отсутствовала, учащиеся делались частью вольными, частью невольными зрителями и слушателями всего происходившего.»

Пишущий эти строки находился в этот день в районах и потому не помнит ни демонстрации, описываемой Кузьминским (это была, безсомнения импровизированная демонстрация), ни пушек у здания думы, относительно же районов сохранилось в памяти воспоминание о трех массовках—одна недалеко от Кишлов и другая—на Зыхе, на которой выступал, между прочим, Ваничка Емельянов и, помнится, Лев Шендриков, причем значительная часть собравшихся отправилась затем с Зыха пешком в Сабунчи, где на кладбище была опять устроена массовка. Боюсь, впрочем, утверждать, что последнее имело место именно 1-го мая, а не в какой-либо другой день, хотя с начала и до конца я принимал активное участие в этом деле, но возможно, что я перепутал числа.

Первомайская забастовка 1905 года была, во всяком случае, полной и всеобщей и совершенно непонятно то, что пишет В. И. Фролов на стр. 35 неоднократно цитированного «Очерка».... «в общем политические забастовки захватывали все отрасли промышленности, *исключение представляет 1905 год, когда в обрабатывающей промышленности не было первомайских забастовок»* (здесь и ниже курс. наш), тем более, что на стр. 34 той же книжки читаем: «В первомайских забастовках участвовали *все промышленные заведения* (в сведениях сказано: общая политическая забастовка, участвовало 9764 рабочих), забастовки были однодневные 30 апреля» [1]).

---

[1]) Что заводы завокзального и заводских районов в подавляющем числе бастовали, об этом не может быть никакого сомнения. В памяти сохранился следующий случай. Группа рабочих, кажется, в 7 человек была настигнута на заводе „Олеум“ в Черном городе в тот момент, когда они пришли „снимать“ с работы рабочих этого завода. По этому случаю в Белом городе распространился слух, что управляющий завода, инженер Ш. вызвал казаков. Это вызвало возмущение. Особенно волновался покойный Петр Монтин—организатор Белгородского района и его ближайший соратник рабочий Аршак (фамилию забыл), тогда работавший у Шибаева и вскоре после этого поступивший в Касп. машиностроительный завод (б. Левенсон).

Должно быть возмущенные товарищи где-то публично „угрожали“ управляющему. Во всяком случае, ему кто-то передал, что его хотят убить. Не долго думая этот инженер заперся на квартире, боясь показываться на улице. Так как пишущий эти строки частенько пользовался „ночевками“ у одного из служащих „Олеума“, то этот последний стал меня просить „спасти“ управляющего. Помню, что после сообщения об этом комитету я передал и инженер Ш. подписал напечатанный в типографии комитета текст такого условия: „Инженер Ш. должен доказать, что казаки не им вызваны; он должен сделать все возможное для освобождения арестованных, а пока они сидят, он обязуется материально поддерживать их семьи, обязуется внести условленную сумму в красный крест, кроме того, он обязан принять на работу двух рабочих, по указанию комитета для пропаганды среди рабочих завода и впредь никаких препятствий не чинить в случаях забастовок. На этом, однако, история не кончилась. Об этом случае я в ближайшие дни сделал сообщение в железнодорожном районном комитете. Дня через два после этого меня отыскал служащий „Олеума“ и, перепуганный, сообщил, что приходили какие-то люди с требованием крупной суммы денег по этому же делу и что в такой-то час они прийдут за ответом. Я тут же предложил ему сообщить им, если они прийдут, что представитель комитета такой-то желает их видеть. Так и сделали. Неизвестные скрылись. Несколько времени спустя стало известно, что это дело рук рабочего железнодорожных мастерских ныне известного владельца довольно крупной механической мастерской Б-ва. Сей муж, давший на допросе весьма путанное об'яснение о том, что сделал он это в интересах „организации“, был за это художество судим и с позором изгнан из организации.

В архиве фабричной инспекции, к сожалению, очень мало материалов, относящихся к 1905 году вообще и к забастовкам в частности; не уцелело ни одной подпольной листовки касательно празднования 1-го мая. И, как это ни странно, ни в одной местной библиотеке нет ни единого комплекта бакинских газет до 1905 года (за 1905 год имеется лишь „Каспий", а за последующие года „Каспий" и „Баку").

В одном из №№ „Каспия" за этот год помещена заметка об „инциденте" с Техническим обществом, постановившем на своем общем собрании от 30-го апреля поздравить рабочих с праздником 1 мая".

В № 11 „Нефтяного Дела" за 1905 год на стр. 1169 находим отчет об общем собрании членов этого общества, из которого видно как генерал-губернатор расценил эту либеральную „дерзость": „Характер так называемого рабочего праздника 1-го мая—распекает председателя Технического общества Хатисова генерал-губернатор—достаточно известен и потому каждому понятно, что поздравление Технического общества являлось как-бы напоминанием, призывом рабочих к забастовке, что рабочими действительно и было исполнено. Находя, что подобная деятельность Технического общества не имеет ничего общего с его уставом, я на первый раз в лице вашем делаю обществу выговор и предупреждаю, что если Техническое общество еще раз позволит себя подобное отступление от своих задач, клонящееся к нарушению порядка и спокойствия, то я вынужден буду закрыть его".

Само собой разумеется, что у либерально-кадетствующих инженеров не нашлось мужества с достоинством постоять за себя. И в том самом отчете, где председатель докладывает отношение генерал-губернатора, он в высшей степени жалко изворачивается из положения следующим образом: „При обсуждении этого отношения прежде всего выяснилось, что рабочие прекратили работы для празднования 1-го мая еще в 12 час. 30 апреля, а общее собрание членов отделения, на котором принята инкриминируемая резолюция, открылось в 8 часов вечера 30 апреля, т. е. после того как рабочие открыли праздник, имеющий, кстати сказать, весьма малое отношение к забастовкам, при которых всегда выставляются рабочими какие-либо требования, для поддержания которых и назнается забастовка, как средство борьбы; мирный-же праздник 1 мая, как указывалось и в заседании 30 апреля установлен, как манифестация в пользу введения 8-ми часового рабочего дня и сопряжен с прекращением работ (а не с забастовской) только постольку, поскольку для празднования необходимо свободное время. Указывалось, что за-границей, где стачки, как средство борьбы, если и не преследуются, то во всяком случае и не покровительствуются, там праздник 1 мая именно покровительствуется. Так, в Лондоне Корлева всегда 1 мая устраивает обед „сандвичам". Затем между „напоминанием" и даже призывом рабочих к забастовке, как квалифицирует Генерал-Губернатор резолюцию отделения, и выражением радости, что праздник начался мирно, культурно,—в чем заключается существо резолюции отделения,—между тем и другим—целая пропасть. Как выше упоминалось, инкриминируемое постановление вынесено было post factum и, таким образом, не только не могло служить „призывом к забастовке", (обвинение ни больше, ни меньше как в провокации), но и призывом к

мирному празднованию 1 мая; высказано было только мнение по поводу уже совершившегося" и т. д.

Это либеральное языкоблудие, конечно, не удовлетворило начальство. И Кузьминский на 44 стр. „отчета" пишет следующее: «Последняя всеобщая забастовка в г. Баку имела место с 30 апреля по 14 мая 1905 года, причем главною ее особенностью было массовое участие мусульман. За время ревизии такие забастовки уже не возобновлялись. Она протекла совершенно мирно, без всяких насилий, благодаря своевременно принятым генерал-ад'ютантом князем Амилахвари мерам. Несмотря на такое, можно сказать, вынужденное спокойствие последней всеобщей забастовки, Бакинское отделение Императорского Технического общества, придавая этой забастовке, длившейся две недели, ввиду совпадения ея с 1 мая—значение праздника труда, постановило приветствовать рабочих с мирным течением этого празднества. Однако генерал-губернатор, справедливо усмотрев в этом приветствии поощрение забастовок, об'явил отделению Технического общества выговор, предупредив его, что всякое новое в этом духе действие вызовет еще более решительные с его стороны меры и хотя отделение представило об'яснения, ходатайствуя о снятии выговора, означенное распоряжение было оставлено в силе».

Итак, из последней выдержки мы видим, что опасения шендриковцев оправдались: политическая первомайская забастовка превратилась в экономическую. Колеблюсь утверждать, но помнится, что никто так, как именно „Союз Балаханских и Биби-Эйбатских рабочих" не постарался, чтобы именно так случилось, хотя совершенно правильно, что мусульманские рабочие, которых, по тактическим соображениям, прежде всего поддержали армянские промысловые (неквалифицированные) рабочие, действительно, рвались бастовать.

Привожу некоторые выдержки из „доклада" Кузминского об этой забастовке: „В понедельник 2 мая начались обычные работы, все мастеровые после свистка стали у своих станков. Вышли на работу и промысловые рабочие, но не все закончили этот день обычным порядком: мусульмане фирмы бр. Нобель прекратили работы в 10 час. утра. На другой день прекращены были работы на промыслах Каспийско-Черноморского о-ва; затем забастовали у четырех подрядчиков по бурению, в фирме Арамазд и т. д. Мало по малу забастовка распространилась на всю промысловую площадь, в том числе и на Биби-Эйбатские промыслы. Между тем, в мастерских работы до 8 мая шли нормально: бастовали только промысловые рабочие, главным образом, персы и прочие мусульмане, а также армяне—тартальщики, ведерщики, чернорабочие на промыслах и пр.

Мастеровые-рабочие не примыками к мусульманам в начале мая, так как организация социал-демократов призывала лишь к „маевке"—всеобщая забастовка не предполагалась [1]). Поэтому и мастеровые-рабочие и социал-демократы недоумевали, [1]) каким образом до сего времени мирные и спокойные мусульмане вдруг устроили забастовку и сделались господами положения. Но внушения социал-демократов и примеры прошлых забастовок многому научили рабочих мусульман. По примеру своих старших товарищей и мусульмане начали требовать прекращения работ в промыс-

[1]) См. выше.

ловом районе, включая и мастерские; не обошлось дело и без угроз: местами мусульмане грозили разгромом. Тогда, отчасти сами мастеровые прекратили работы, отчасти (бр. Нобель) управляющие промыслами, опасаясь давления извне, закрыли мастерские. Забастовка стала всеобщей. Никаких насильственных действий со стороны рабочих не было; они просто отказались от работ, выжидая ответов на поданные петиции и требования. Спустя несколько дней после начала частной мусульманской забастовки, появился целый ряд прокламаций, [1]) выпущеных социал-демократами и социал-революционерами, призывавшими (эс-эры) рабочих с оружием [2]) в руках добиваться осуществления своих прав. Каждая из этих организаций присваивала себе инициативу забастовки, каждая хотела стать во главе рабочих, наконец, и социал-демократы и социалисты-революционеры предлагали рабочим свои широкие программы требований. Но основная масса рабочих твердо стояла только на своих, ими самими выработанных, требованиях; роль названных организаций закончилась: [3]) оне были нужны для возбуждения рабочих, для

---

[1]) Вот прокламация меньшевиков, хранящаяся в Музее Труда:

Пролетарии всех стран соединяйтесь! Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия. Извещение. С 10 мая Организация Балаханских и Биби-Эйбатских рабочих, ныне переименованная в Союз бакинских рабочих, об'являет всеобщую забастовку, кроме Загульбинского и Каспийского водопроводов, так как первый доставляет питьевую воду, а второй—воду для больницы.

Вместе с сим господам капиталистам и управляющим ставится на вид, что стачка начата и может быть закончена только по призыву организации. Организация ни в коем случае не потерпит насильственного прекращения стачки, как то: тайного разведения паров, выталкивания рабочих из хозяйских квартир и т. п.

Мы требуем, чтобы казаки и полиция были немедленно удалены с промыслов, В противном случае Организация слагает с себя всякую ответственность за могущие возникнуть последствия. Пусть господа капиталисты помнят, что в случае применения к нам насилия Организация не остановится ни перед чем.

Мы отказываемся вступать в какие бы то ни было переговоры с капиталистами, пока капиталисты не уберут с промыслов и заводов казаков, чтобы мы могли свободно собираться и сообща обсудить наши требования. Союз бакинских рабочих. Баку, 10-го мая.

[2]) Речь повидимому идет о фразистой, состоящей из общих мест, листовке эс-эров, также хранящейся в Музее Труда.

Партия Социалистов-Революционеров. В борьбе обретешь ты право свое. Ко всем рабочим и работницам г. Баку. Товарищи! Свершилось то, что с таким страстным нетерпением ожидалось многими. Забастовали балаханские рабочие, забастовали и товарищи на Биби-Эйбате. Радостно и свободно забились сердца товарищей—рабочих в ожидании великой борьбы за лучшее светлое будущее. Все, в ком тяжелый труд не погасил надежды, в ком жива великая идея социализма, товарищи, должны протянуть свою честную руку забастовавшим товарищам и вместе с ними пойти навстречу загорающейся светлой заре.

Товарищи! Час расплаты с вашими врагами приближается. Бросайте душные фабрики, заводы и мастерские, выходите все на улицу и грудью защищайте свое право—жить по человечески! Лицом к лицу сплоченной массой дружно встречайте вашего злейшего врага и общими усилиями свергните его. С оружием в руках, товарищи, дайте жестокий отпор врагу всего русского народа—самодержавию. Долой царя! Да здравствует Земский Собор! Бакинский Комитет Партии С.-Р.

[3]) Это сущие пустяки. Вот находящиеся в Музее Труда требования, пред'явленные шендриковцами. Наши требования также не были „програмны", а практически-деловые. Эс-эровская трескотня не в счет.

Пролетарии всех стран. соединяйтесь! Российская социал-демократическая Рабочая Партия. Требования. Совету С'езда нефтепромышленников.

1. 8-ми часовой рабочий день. Накануне праздников и воскресных дней работа оканчивается часом раньше. Введение 3-х сменной вахтенной системы для тартальщиков, качегаров, ведерщиков, масленщиков и караульщиков, складчиков, сторожей при телефоне и конюхов. В каждой смене работает отдельная партия рабочих.

2. Все работающие на промыслах и заводах имеют 69 дней в году праздничных сообразно религии (для русских воскресенья, для магометан пятницы). Эти 69 дней оплачиваются полной заработной платой.

3. Ежегодный месячный отпуск с сохранением содержания для работающих

указания им пути, посредством которого необходимо добиться осуществления своих нужд; программа организаций была непонятна рабочей массе. Когда уже определился совершенно мирный характер забастовки, бывший военный бакинский генерал-губернатор, ныне покойный генерал-ад'ютант князь Амилахвари, предложил мусульманскому духовенству, во главе с казием, влиятельными горожанами и сельчанами собрать рабочих-мусульман и убедить их снова приступить к работам. Эта мысль была приведена в исполнение; большинство рабочих-мусульман, настроенных в общем лойально, готовы были начать работы, но при условии выдачи им денег за забастовочные дни. Нефтепромышленники отказали в этом по вполне понятому соображению: плату за забастовку, происшедшую не по вине промысловых фирм, выдавать не следует, так как иначе у рабочих не будет никакого сдерживающего начала. Узнали об этом и сельчане-татары, интересы которых не были в данном случае на стороне рабочих. Дело в том, что во время забастовки приостанавливаются всякие работы, а татары сельчане содержат артели землекопов и конные арбы; при отсутствии работ приходилось нести непроизводительные расходы по содержанию рабочих и лошадей. Кроме того, во время забастовки рабочим не платили денег, почему рабочие уже перестали делать обычные закупки в лавках, большинство которых принадлежит тем же сельчанам. Тогда сельчане прибегли к следующей, никогда ранее не практиковавшейся, мере: вооружившись берданками, кинжалами и револьверами, татары стали ходить по квартирам рабочих и угрозами требовали возобновления работ. Ряд этих мер, а также некоторая утомленность рабочих от праздно про-

---

больше года и двухнедельный для прослуживших более полугода. Отпуск производится по постановлению промысловой комиссии из рабочих.

4. Ежегодно выдавать наградные к Новому Году или Пасхе в размере месячного жалования.

5. Безусловная отмена отрядных и сверхурочных работ и работы на двух станках.

6. Систематические ночные работы производит особый штат служащих; рабочее время ночью—7 часов.

7. Прибавка жалованья всем без исключения—получающим менее одного рубля—20 проц., получающим более одного рубля—15 проц., получающим 2 рубля—10 процентов.

8. Наименьшая заработная плата для буровых рабочих:

ключникам	40 руб.	в месяц
тормозчикам	30 „	„
тартальщикам	27 „	„
ведерщикам	24 „	„
кочегарам	30 „	„
масленщикам	30 „	„

чернорабочим месячн. 25 руб., поденным 90 коп. в день.

9. Наименьшая плата молотобойцам 1 р. 20 к.

Примечание: Ввиду того, что этот пункт был обусловлен последней декабрьской забастовкой и не был приведен в исполнение, мы требуем, чтобы молотобойцам была выплачена вся недоданная сумма с 1-го января 1905 года.

10. Наименьшая плата ученикам—60 коп. в день.

11. При командировании из одного района в другой, уплачивать 30 проц. заработной платы и расходы на проезд; время необходимое для передвижения, как в черте данного района, так и из одного района в другой, считать рабочим временем.

12. Время, проведенное рабочим без работы по вине администрации предприятия оплачивается сполна.

13. Расчет с рабочими производится два раза в месяц (10 и 25 или 5 и 20 числа) без задержки и обязательно в рабочее время; правила в рабочих книжках должны быть напечатаны на языках: русском, армянском, грузинском и персидском.

водимого времени, наконец, частичные уступки со стороны нефтепромышленников на требования рабочих—все это возымело свое действие и 16 мая работы начались почти повсеместно. Лишь на Балахано-Сабунчинской площади отказались выйти на работу мусульмане 3, 4, и 6 промыслов бр. Нобель, где пришлось прибегнуть к убеждению рабочих и к серьезным переговорам с ними, при посредстве командированного ревизующим сенатором старшего при нем чиновника Кардова для выяснения причин затянувшейся забастовки. При этих переговорах оказалось, что рабочие не получили ответа на поданное ими администрации фирмы прошение с рядом требований. Ответ этот им был дан тут же и вместе с тем было раз'яснено, что основное их требование об огульной прибавке жалованья удовлетворено только в части увеличения платы рабочим, получающим низшие оклады. Рабочие удовлетворились этим ответом не сразу: они под-

---

14. Котельщиков уравнять в жалованьи и квартирном довольствии с мастеровыми по разрядам.

15. Устроить в промысловых и заводских районах рабочие поселки с оборудованными квартирами, с электричеством, паровым отоплением, ванными, прачешными и всеми другими удобствами: квартиры или квартирные деньги должны выдаваться каждому работающему на заводе, безотносительно—мастер он, подмастерье или рабочий в размере: семейным (женатым, живущим с матерью или детьми)—13 рублей, холостым—7 рублей. Ученикам—6 руб. семейным, 3 р. 50 к.-холостым. При увольнении оставлять на квартире не менее 3-х месяцев.

16. Вода (загульбинская), мазут и керосин должны доставляться на дом по положению. При неполучении этого должны получать деньгами, семейные 9 руб., холостые 4 руб. 50 коп.

17. При получении увечья рабочий должен быть немедленно освидетельствован врачем. При каждом заводе и промысле обязательно должен состоять фельдшер, также карета скорой помощи. До введения государственного страхования мы требуем, чтобы, тотчас же по выходе из больницы увечного, состоялся третейский суд из рабочих и предпринимателей для определения размера вознаграждения за увечье. Назначенная сумма должна быть выдана больному немедленно.

18. Расширить больничные помещения: ордера на лечение выдавать во все местные больницы; при надобности отправлять больных для лечения в другие города и страны за счет предпринимателей: безусловное признание за рабочими права обращаться к врачу по собственному усмотрению и по каким-бы то ни было болезням и беспрепятственный отпуск лекарств по рецептам этих врачей; за дни болезни выдавать полную заработную плату.

19. Уничтожение всякого рода подрядчиков, котельных, плотницких, заклепочных, малярных и земляных. В случае их оставления возложить на них выполнение всех наших требований, за ответственностью С'езда нефтепромышленников.

20. Устроить здание для рабочей биржи, В эту биржу обращаются безработные, туда же доставляются предпринимателями сведения о вакантных местах. Ни по какой иной рекомендации рабочие не принимаются.

21. Без согласия рабочих не может быть уволен и принят ни один рабочий.

22. Все недоразумения между предпринимателями и рабочими решаются третейским судом из выборных от тех и других.

23. Участие выборных от рабочих и санитарной комиссии.

24. Комиссия из рабочих решает вопрос о пригодности помещений. Она определяет наибольшее число лиц, которое может поместиться в одной комнате или казарме и определяет размер платы за нее. Там, где имеются кухни, при каждой кухне контора обязана содержать повара и помощника.

25. Мастерские должно устраивать гигиенические (паровое отопление, вентиляция, свет и проч.). Для работающих на дворе устроить удобные навесы. Во всех рабочих помещениях должны быть устроены умывальники с мылом и полотенцами от конторы.

26. Устраивать на каждом промысле специальное помещение для принятия пищи рабочими.

27. Устроить на счет общего фонда нефтепромышленников в каждом районе дешевые столовые, бесплатные школы, библиотеки, читальни и пр. Выбором книг заведуют рабочие.

28. Устроить в каждом районе клуб со сценой для любительских спектаклей, с залом для чтения. Периодические издания выписываются по выбору рабочих.

29. Все инструменты для плотников и др. должны быть хозяйские. Вода для питья рабочим должна быть кипяченная и со льдом.

держивали свое первоначальное требование об огульной прибавке всем, а не только получавшим менее 90 коп. в день, коим после забастовки плата была увеличена на 10 коп. Наконец, рабочие согласились выйти на работы, но при условии вознаграждения их за забастовочные дни: рабочие категорически заявили, что иначе на работы не выйдут». (стр. 142—144). И ниже: «Так как управляющий промыслами решительно заявил о своем отказе платить рабочим за время забастовки, то рабочие пошли на компромисс; они отказываются от получения денег на руки, но просят причитающуюся им в половинном размере плату употребить на постройку мечети на промыслах. Такое решение рабочих было одобрено, тем более, что в промысловом районе нет мечети, и магометане ходят молиться в мечети, находящиеся в соседних деревнях. На этом деле было покончено, и рабочие тут же дали свисток и вышли на работы».

1906 год.

В Музее Труда имеется листовка за подписью «бакинской организации РСДРП;[1]) посвященная первому мая[2]). Воспроизводим часть этой

---

30. Молотобойцы, кузнецы и нагревальщики должны иметь от конторы рукавицы и нарукавники. Молотобойцы также удобные для ношения очки. Отмена старост.

31. Полная отмена обысков.

32. Полная отмена штрафов.

33. Рабочие имеют право требовать увольнения отдельных лиц администрации по решению промыслового суда из рабочих и предпринимателей поровну.

34, Двухдневное празднование 1-го мая с уплатой жалованья.

35. Неувольнение за стачки.

36. Полная уплата жалованья всем без различия месячным и поденным за время стачки.

37. При определении нового договора лица, которые будут вести переговоры от имени предпринимателей, должны иметь полномочие от всех крупных и мелких фирм, равно как рабочая организация избирает выборных от рабочих всех предприятий.

Организация балаханских и биби-эйбатских рабочих.

Ныне Союз бакинских рабочих.

12-го мая 1905 года.

[1]) Название меньшевистское, а содержание обнаруживает значительную дозу большевизма. Это требует пояснения. Меньшевики, как известно, после второго с‘езда, фактически откололись от большинства партии. Поэтому оффициальные названия руководящих органов партии (Центральный Комитет, Московский, Петербургский и т. д. комитет) остались за большевиками. Меньшевики, конечно, без бою этой позиции большевикам не сдали. И там, где к тому представлялась возможность, по тому или иному местному „праву преемственности“, присваивали руководящим своим органам названия „комитетов“. Так, пишущий эти строки, уцелевший в единственном числе, в начале 1904 года, в Николаеве, после провала комитета и вынужденный спешно ретироваться оттуда, передал „связи“ почти одновременно приехавшим представителям от центрального органа („Искра“ тогда уже выходившая под новой—меньшевистской—редакцией) и от центрального комитета (тогда уже большевистского) и этим стал невольным виновником возникновения в Николаеве параллельных двух комитетов (тогда еще не ставили в скобках „большевики“ или меньшевики“), которые долго оспаривали друг у друга право преемственности. Описанный случай был не единственный, но это все таки были исключительные случаи. Обыкновенно же меньшевики, подчеркивая свой демократизм и выступая „под флагом „самодеятельности“ масс (в отличие от „генеральства“ и „бюрократизма“ большевистских „комитетчиков“), затушевывали фактически ничем от больше-

[2]) В прокламации, между прочим, говорится: „в 16-ый раз празднует этот день всемирный пролетариат“, из чего с несомненностью явствует, что прокламация относится именно к маю 1906 года.

листовки: «Социал-демократия знает, что не настало еще время для полного торжества социализма, и потому в день первого мая она требует лишь немедленного введения 6-ти часового рабочего дня и уничтожения военщины. «Долой милитаризм!» «Да здравствует 8-ми часовой рабочий день!»—раздается в этот день из миллионов уст. Старый умирающий мир со страхом и удивлением смотрит на этих свежих, суровых борцов и... не может дать рабочим даже этого частичного освобождения от ужасов подневольного труда и братоубийственных войн. И все большей ненавистью и презрением проникаются рабочие к этому миру. Отстраним же от власти этих паразитов, которые умеют творить только зло; возьмем нашу судьбу, судьбу нашей страны в наши собственные руки, руки рабоче-

---

вистских органов не отличавшуюся руководящую роль, как местных своих коллективов (которые, как помнится, носили названия *исполнительных комиссий*, так и своего руководящего центра, который обыкновенно носил название О. К, (организационная комиссия) и на местах прикрывались щитом „организации“.

В Баку, как мы ранее видели, в 1905 году и ранее меньшевики называли себя сперва „Союзом Балаханских и Биби-Эйбатских рабочих“, а затем „Союзом Бакинских рабочих“. Руководящий же орган большевиков, за подписью которого, между прочим, издавались листки, назывался Б. К. Почему же цитированный выше листок имеет подпись Бакинской организации? К тому же, откуда в этом листке столь подозрительные по большевизму места, как „Дорогу пролетариату к государственной власти“, „вместе с восставшим крестьянством“ и т. д.? Дело об‘ясняется тем, что с конца декабря 1905 года до сентября (Ларин стр. 85) 1907 года в Баку существовала формально единая об‘единенная организация с-д., от имени которой издавались прокламации и, в интересующее нас время, вышел № 1 „Бак. Рабочего“.

Об‘единение двух враждовавших организаций произошло под сильнейшим нажимом снизу (вспоминается, между прочим, огромное междурайонное собрание в черногородской аудитории исключительно из рабочих, (интеллигентов не пустили), членов той или другой организации, постановившее немедленно об‘единиться снизу). В конце пятого года на пишущего эти строки выпала роль, в качестве представителя большевиков, принять деятельное участие в завершении об‘единения (мы, пять или шесть человек, должны были выехать на общепартийную конференцию. Выбирали нас необычным путем: в общественном собрании поставили ящики с указанием имен и собравшиеся на междурайонное собрание товарищи клали белые и черные шары, как ни в чем не бывало. Так как тогда советской власти не было, хотя советы кой где еще были, то несколько дней спустя по городу стал разгуливать подметный листок, грозивший смертью всем избранным на общероссийскую конференцию. Т.т. Бекзадян и Егор Севрюгин успели выехать (до места они, впрочем, не доехали, будучи, за выступление на митинге арестованы в дороге), покойный Алеша Джапаридзе заболел тифом и провалялся долгое время между жизнью и смертью в Черногородской больнице, Монтин был накануне от‘езда (вечером, на Балаханской улице) убит, а я не успел выехать, так как грянувшая всеобщая железнодорожная забастовка этому помешала и—с постоянной охраной—оставался в Баку до конца года).

Помню комнату, в которой я и меньшевик Сандро Давдериани сочиняли листовку об об‘единении и долго спорили по поводу того, как назвать будущий руководящий орган об‘единенной организации, так как каждый стоял на своем. И так как меньшевистский коллектив (фактически руководящий коллектив „Союза Бакинских рабочих“) назывался Исполнительной комиссией, а наш Б. К., то мы в конце концов согласились на том, что назвали об‘единенный центр „Исполнительным комитетом Бакинской организации РСДРП“.

Итак „Бакинская организация“ название формально об‘единенной (январь 1906 —сентябрь 1907) с.-д. Баку; не надо, однако, „забывать“ что это „единство“ не мешало каждой из „об‘единившихся“ сторон иметь свой фракционный центр, нелегально от другой. А так как внутреннее соотношение сил во все время более или менее тесного сожительства, колебалось, то эти колебания отражались и в издававшейся литературе; это, само собой разумеется, стесняло и тех и других. В легальной прессе, которая издавалось без партийного штемпеля, дело обстояло просто: обе фракции имели или (большевики) пытались иметь свою газету. Другое дело нелегальная печать. Но и тут был найден „формальный“ выход: после того, как большевики укрепились в Балаханском районе, они завели собственную типографию (деятельное участие в движении принимали тогда т. т. Ногин и Радус Зенькович, которые в это время работали в Баку—Балаханского районного комитета, автономное право которого позволило ему в течении 1907 года выпустить не одну большевистскую листовку.

го класса! Дорогу пролетариату к государственной власти! Долой самодержавие и капиталистов! Да здравствует самодержавный народ! Да здравсвует всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право! Так говорит пролетариат, и голос его громче раздается 1 мая!

Не первый год борется пролетариат, много бурь пережил он, много знал он побед, еще больше поражений.

Но они только закаляли его в борьбе. И оглядываясь на пройденный путь, на свои победы и поражения, он гордо поднимает свою голову навстречу далекому маяку социалистического идеала. Последний год в особенности был годом великих побед и поражений для всемирного пролетариата и прежде всего для всех российских пролетариев. Давно уже в Западной Европе так торжественно не праздновался день первого мая. Даже расчетливые немецкие товарищи покинули на этот раз фабрики и мастерские, а пылкие товарищи—французы вынесли свой протест на улицу, и, несмотря на запрещение властей, устроили ряд процессий и уличных демонстраций. Что же так подняло дух европейского пролетариата? Что вдохнуло новую жизнь в майский праздник, которому близорукие буржуа так недавно предсказывали уже близкую смерть от истощения? Это горячее дыхание северной революции, гулким эхом отдавшейся по всей Европе. Геройская борьба за свободу стомиллионного народа, борьба руководимая стойким и самоотверженным пролетариатом России, показала пролетариату всего мира «как это делается». Всеобщая революционная стачка, с таким блестящим успехом проведенная русским пролетариатом в славные октябрьские дни, заставила покорно склонить голову свою перед народом, казалось, всемогущего самодер. царя, и наглядно показала всему миру, что нет той силы, которая могла бы противостоять единодушной и решительной воле революционного народа.

И на нас, пролетариев России, с признательностью и удивлением обращены в этот день взоры всемирного пролетариата, А мы встречаем этот светлый пролетарский праздник со злобой в душе, с открытыми ранами на ногах, с натруженными плечами. Тяжел и тернист был наш путь в этом году, много ран и страданий перенесли мы. Наша кровь сочилась и текла ручьями. Но за то мы знали высокие минуты свободы и братства, мы пережили светлые октябрьские—ноябрские дни, мы знали восторг борьбы и победы. Теперь мы снова загнаны проклятым царским правительством в мрачное и душное подземелье, нами снова помыкают хозяева. Но мы не выпустили из рук рабочей кирки и молота, мы неустанно ими пробиваем себе путь к свободе и счастью. Все тоньше и хрупче делается отделяющий нас от свободного неба слой земли; еще один удар и мы выйдем на вольную волю, вздохнем свободной грудью, свободными гражданами свободной России. Пусть на минуту торжествует враг: мы не сложили оружия, наша армия не разбита, она растет, к ней льются новые силы. Братья—мусульмане рабочие! За этот год вы много сделали для нашего общего дела. Давно ли вы слепо шли за вашими и нашими угнетателями и эксплоататорами—хозяевами; давно ли вы были слепыми орудиями в их руках; давно ли вы верили им, что ваши враги—армянские рабочие, и шли на братоубийственную войну с ними? А теперь вы на наших глазах бросаете своих старых своекорыстных и лживых вождей, вы

Монтин в гробу.

быстро проникаетесь светом социалистического учения! Товарищи—братья вы стоите на верном пути.

Идите к нам, вас ждут объятья ваших братьев, рабочих русских, армян, грузин. Теснее плечо к плечу! Пусть новая революционная волна застанет вас в наших рядах, пусть никто не скажет, что рабочие мусульмане отстали в общем деле освобождения России, освобождения трудящихся!

А вы, рабочие других национальностей, вы, борющиеся уже не первый год под нашим знаменем, вдохните новое мужество в ваших слабых и отставших братьев, зовите их снова к борьбе, организуйте их, зовите их в ряды нашей Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партии! Напоминайте им, что близок момент, когда, как один человек, снова поднимутся рабочие всей России и вместе с восставшим крестьянством пойдут добивать издыхающее самодержавное чудовище».

В этой листовке нет, к сожалению, никаких указаний на то, как полагала организация ознаменовать первомайский праздник (этому, надо думать, был посвящен особый листок), нет прямого призыва к конкретным политическим действиям. В ней даны лишь общие лозунги борьбы да характеристика «текущего момента», по нашему мнению, не совсем полная и точная. («Тяжел и тернист был наш путь в этом году, много ран и страданий перенеслы мы. Наша кровь сочилась и текла ручьями. Но за то мы знали высокие минуты свободы и братства, мы пережили светлые октябрьские—ноябрьские дни, мы знали восторг борьбы и победы. Теперь мы снова загнаны проклятым царским правительством в мрачное и душное подземелье, нами снова помыкают хозяева»). Конечно, «наша кровь сочилась и текла ручьем» и при том не только «в этом году», но особенно «сочилась и текла» в дни непосредственно близкие к маю 1906 года. Достаточно вспомнить карательные экспедиции Римана, Ренненкампфа и т. д. Но не совсем все-таки точно категорическое утверждение насчет «мрачного и душного подполья». Было—понятное—дело, и подполье. Об этом свидетельствует хотя бы цитируемая листовка, да изданный той же бакинской организацией № 1 «Бакинского Рабочего», отпечатанный—судя по шрифту—в той же типографии, где и листовка. Но надо иметь в виду, что этот именно момент—канун созыва первой думы, т. е. конец апреля—был моментом «расцвета»[1]) легальных социалистических газет, непрерывно закрывавшихся и возрождавшихся под другими названиями, легальных партийных издательств, партийных типографий и т. д. Партийная жизнь того времени, само собой разумеется, не могла вместиться в легальные рамки—важнейшие дела решались и проводились в подпольи, существовала и подпольная печать—прокламационная и периодические органы (в Петербурге, напр. «Казарма»). Но подполье того времени скорей корректировало все то, что делалось легально, верней будет сказать полулегально, т. е. главную массовую работу.

---

[1]) „Расцвет“ этот был, конечно, особенно силен в Петербурге, тогдашнем бурлившем центре не только „конституционно“ политической жизни, но и легальной, и полулегальной и нелегальной партийно-революционной жизни. Ряд газет (см. Евгений Боголюбский, Бакинская печать). „Труд“,-„Труд. Жизнь“, „Бакинская Газета“, „Рабочий Голос“,„Призыв“—меньшевистского и большевистского направления издавались тогда и в Баку. К сожалению,из этих газет в Музее Труда имеется лишь один № 7 „Труд.Жизни“.

Так, по крайней мере, было в Петербурге, «конституционном» центре, где например, нелегальный В. И. Ленин имел возможность выступить «легально» на тысячном собрании в доме графини Паниной (под фамилией Карпова), а позже—на выборах во вторую думу—одурачить полицию и пройти выборщиком в «конституционном» центре, где почти одновременно вполне легальный и даже «неприкосновенный» депутат Седельников значительно пострадал от прикосновения (избиения) городового, что, впрочем, не помешало ему в тот же день вечером выступить на огромном собрании в соляном, кажется, городке. «Мрачное и душное подземелье» дало себя почувствовать значительно позже, к моменту разгона второй думы и третьеиюльского переворота (1907 г.), когда Столыпин окончательно вошел в роль. Что касается Баку, то здесь реакция укрепилась и того позже, примерно летом 1908 года.

Обращаясь к самому празднованию первого мая в Баку (в 1906 г.) мы, к сожалению, должны сказать, что обладаем весьма недостаточным материалом. В. И. Фролов на стр. 35 «Очерка» говорит: «Первомайских забастовок не зарегистрировано». И на стр. 103—104: «Май. Были 4 забастовки у трех фирм (Моск.-Кавк. т-во, бр. Нобель, Биби-Эйбат. Нефт. О-во)». «Бастовали всего 928 и 1178 рабочих, в одном случае по политической причине (празднование 1-го мая) и в трех случаях по причинам экономическим. В сведении о праздновании 1-го мая (у Моск.-Кавк. т-ва) сказано, что забастовка эта была всеобщая, но нигде больше о ней не упоминается».

Полней сведения, имеющиеся в архиве фабричной инспекции, названные сведениями о забастовках по второму фабричному участку Бак. губернии (нами не установлен принцип участкового деления). Вот они. «Первого мая бастовали: Бак. машиностр. и котельный завод, Каспийск. машиностр. завод, мех. маст. Т-ва Шибаев, тоже Касп.-Черноморск. О-ва, «Гипсолит», мастерская Каспийского Т-ва, мех. маст. Бр. Нобель, Т-во «Прометей», кирпичный завод «Атлас», «Электрическая Сила» в Белом городе, «Электрическая Сила» в городе (контора?), мех. маст. Манташева при заводе в Белом городе, цементный завад Ковалева, механич. и столярная мастерская Абих и канатная фабрика Алибекова». Вот и все, что мы нашли в архиве фабричной инспекции. Как мы видели, бастовала »Электрическая Сила». Это значит, что бастовали не только перечисленные предприятия.

Юрий Ларин («Рабочие нефтяного дела») на стр. 39 говорит: «В 1906 году было уже четыре всеобщих политических забастовки: *первомайская* (курс. наш), 8—9 августа—по случаю убийства солдатом рабочего в поезде, 25—28 августа—по случаю высылки бастовавших рабочих и 4—5 сентября по случаю предания суду 11 матросов за поддержку стачечников (им было таки назначено мягкое, сравнительно, наказание». И, наконец, тут нам повезло—«Каспий» (№ 96 от 3 мая 906 г.)—газета, отнюдь не склонная преувеличивать успехи рабочего движения, дает такую картину несомненно всеобщей первомайской забастовки: „1 мая в Баку прошел совершенно спокойно. Работы не производились на заводах и нефтяных промыслах, а также и во многих мелких предириятиях. Не работали наборщики местных типографий. Не работала также прислуга во многих

гостинницах и ресторанах, благодаря чему в некоторых из них в этот день не было горячей пищи. Трамвай работал исправно. Пытавшаяся нарушить правильное действие конки одна женщина задержана полицией. Кроме этого чинами полиций задержано также пять человек, которые пытались заставить насильственно закрыть и прекратить торговлю в магазинах, хотя большинство их и без насилия были закрыты. В некоторых частных учреждениях занятия также не производились. Улицы патрулировались, на площадях и общественных местах были усилены наряды чинов полиции. Администрацией были приняты все меры к предупреждению возникновения каких-либо беспорядков, но, к общему удовольствию, весь день прошел совершенно спокойно".

1907 год.

Общеполитическое положение страны мая 1907 года резко отличалось от предыдущего года, в течении которого соотношение борющихся сил постепенно изменилось в пользу реакции. В течении этого года правительство одержало легкую победу над первой думой, самоубийственная политика которой привела ее к разгону, а неудачливых кадетских депутатов ее—через провал Выборгского воззвания—на скамью подсудимых. И хотя правительство Николая вынуждено было созвать вторую думу, „левое крыло" которой было во много раз сильней и многочисленней первой, но общая усталсть и апатия уже обозначились в такой мере, что так называемый третьеиюньский государственный переворот (разгон второй думы, арест и предание суду с. д. фракции и опубликование нового избирательного закона) не встретил реального сопротивления и столыпинский режим—режим военно-окружных судов и полицейских репрессий—на ряд лет отбросил страну далеко назад от завоеваний пятого года.

Глубокая реакция, захватившая, между прочим, широкие партийные круги, докатились в Баку с значительным опозданием, почти на целый год. Больше того, во второй половине седьмого и первой восьмого года в Баку шла необычайно интенсивная работа во всех рабочих районах, рабочее движение, главным образом, профессиональное и экономическое, клокотало как вода в кипящем котле.

В дни, непосредственно предшествовавшие майскому празднику, в течении всего апреля, в Балаханах и на Биби-Эйбате имели место многочисленные частичные забастовки (Нефт. Дело 1907 г. № 9), а, главное, уже второй месяц (10 марта—25 апреля) бастовали моряки. Морская забастовка—долгая и упорная—приковала к себе внимание всего бакинского пролетариата. Сам барон Таубе—тогдашний командующий отдельным корпусом жандармов—прибыл в Баку с целью «уладить» забастовку и расправиться с забастовщиками. «12-го апреля—говорит В. И. Фролов—(«Заб. бак. нефтепр. раб. в 1907 г.»)—по улицам было расклеено объявление от ген. Таубе, в котором говорилось, что переговоры считаются законченными, что он находит уступки, сделанные судовладельцами, большой жертвой с их стороны и призывает команды (особенно командиров и механиков) 13-го апреля к 5 часам явиться на пароходы, в противном

случае он будет арестовывать и ссылать в отдаленейшие места; всякое противодействие обещалось подавляться беспощадно военной силой». Эти слова не были пустой угрозой[1]). И хотя они на моряков не действовали, но революционные организации нашли своевременным активно поддержать моряков всеобщей забастовкой, которая состоялась 18 апреля[2]). Эта забастовка, прошедшая с большим успехом, не спасла, однако, положения и 24 апреля стачечный комитет призвал (листовка имеется в Музее Труда) моряков приступить «завтра, в среду, 25 апреля, с 6 час. утра» к работе на условиях, предложенных ген. Таубе.

Все это взятое вместе не предвещало, казалось, успеха первомайской забастовке, которая вышла, однако, почти полной, почти всеобщей.

В Музее Труда имеется прокламация «Бакинск. организации РСДРП», «Первое мая», имеющая пометку «Печат. 20.000 экз. 17 апреля 1907 года, Типогр. Бак. Орг. РСДРП». Вот извлечение из этой прокламации: «Взгляните, каким трепетом, какой тревогой охвачен весь вражеский стан в день нашего рабочего праздника. Сколько штыков держат они наготове, сколько казацких нагаек висят уже в воздухе, как мечутся и снуют их шпионы и полицейские! Они, вооруженные с ног до головы, трепещут перед безоружными... Они, со всеми своими тысячами попов, чиновников, продажных писак, лакеев-профессоров, со всем тем дурманом, которым они уже столько веков опаивали трудящиеся народные массы,—трепещут

---

[1]) „В начале апреля—рассказывает В. И. Фролов (стр. 91)—начались репрессии по отношению к забастовщикам. Матросам был запрещен вход в общественный сад (впоследствии этот сад закрыли для всех); начались аресты и единичные высылки; было застигнуто и разогнано собрание матросов и т. п. Под охраной власти началось сильное штрейкбрехерство, которое сопровождалось насилиями над штрейкбрехерами. С 10 апреля начались массовые аресты и высылки. Настроение матросов чрезвычайно приподнялось, несмотря на репрессии. Соц. демократическая организация выпустила несколько прокламаций, призывавших матросов к стойкости, а публику к сочувствию им; появилась прокламация от бак. орг. Р. С. Д. Р. П. с призывом выделить для забастовщиков полудневный заработок, на который многие откликнулись; все эти обстоятельства сильно поддерживали забастовочное настроение команд.“

[2]) „Общая забастовка 18 апреля—говорит тот же В. И. Фролов на стр. 74—75 состоялось по призыву местных революционных организаций (армянской организации „Дашнакцутюн“, российской социал-демократической, организации социалистов-революционеров, армянской социал-демократической и мусульманской социал-демократической „Гуммет“) с целью выражения сочувствия бастовавшим морякам и протеста против вмешательства правительственной власти в эту забастовку. В забастовке принимали участие не только заводские и промысловые рабочие, но и городское население: служащие многих контор, учреждений, магазинов, городская конка и т. д. до извозчиков включительно (переездам на извозчиках мешала собравшаяся в разных местах города толпа). Исчерпывающих сведений о числе бастовавших рабочих собрать не удалось, однако, количество собранных сведений таково, что дает возможность констатировать следующий факт: чем дальше от морского берега, у которого стояли бездействующие вследствие забастовки моряков суда, тем забастовка слабее: на Биби-Эйбате, т. е. в ближайшем соседстве с местом морской забастовки, в забастовке-протесте участвовало 8.009 рабочих 25 предприятий, причем в каждом из этих предприятий бастовали все рабочие—всего на Биби-Эйбате около 10.500 рабочих в 40 предприятиях. В Черном и Белом городках из 5000 рабочих—43 предприятий в забастовке участвовало 2792 в 23 предприятиях, причем только в 20 предприятиях бастовали все их рабочие, а в трех забастовка была неполная. Что касается Балаханов, то там забастовки зарегистрированы только у 51-й нефтедобывающей фирмы, имеющих 15.866 рабочих, и у 4-х подсобных предприятий с 1498 рабочими. Из 51-й нефтедобывающей фирмы, у 43 в забастовке принимали участие все их рабочие, в числе 9927, у 8-ми же бастовали из 5939 только 3389, причем по отдельным фирмам процент бастующих колебался от 7 до 89%. Из 4 подсобных предприятий, принимавших участие в забастовке, в одном забастовка была также неполная. Всего в Балаханах рабочих числится около 30.000, Общая потеря рабочих дней вследствие забастовки 18 апреля определяется приблизительно в 25.000 (подсчет дает 24.365)“.

перед нашим простым бесхитростным словом, нашими ясными, как майский день требованиями.

Они знают, что наши требования так просты и ясны, так напоминают всякий, точно выраженный, великий в своей простоте, закон природы, только потому, что они представляют точно выраженный закон истории.

За веком царей, королей, фабрикантов, чиновников, попов и жандармов, с нами наступает век свободных, равноправных людей—работников, граждан. За веком гнета, насилия, лжи, нищеты, муки—пролетарский социализм!

Где сила, которая могла бы задержать зиму, предотвратить весну, снова заморозить земной шар? Где та сила, где то правительство, которое смогло бы устоять перед солидарностью пролетариев всего мира, этим вестником весны всего человечества, торжественно чувствуемой нами в день первого мая!?... Разве не видим мы отсюда, из нашего одного несчастного края «долготерпения», как справляют этот веселый праздник мая наши более счастливые товарищи, граждане политически свободных стран. Свободно собираются они на многолюдных собраниях, смело говорят им об их жизни, о путях к лучшей доле их любимые вожди и ораторы. Правдивое слово пролетарской прессы свободно заливает всю страну.

Прозрели мы и не хотим, не можем, не должны быть слепыми! Нас не нужно вести, мы сами найдем дорогу! Наши правители должны быть выбраны нами. Мы должны знать, на что идет наш кровный труд; на что тратятся наши жизни! Мы хотим свободной печати, свободного слова! Мы хотим свободы союзов, собраний, сходок! Мы требуем политической свободы, республиканского правительства!

От имени всего российского пролетариата—долой самодержавие! Долой царя, расстреливающего наших братьев! Долой самовластных министров, истерзавших грудь российского народа своими поборами, своими тюрьмами, штыками, нагайками...

Греческий мудрец Архимед сказал: «Дайте мне точку опоры и я переверну весь земной шар». Мы, пролетарии, говорим вам: дайте нам политическую свободу, дайте нам 8-ми часовой рабочий день и мы покажем, как может быть счастлива жизнь на земле.

Привет вам, товарищи: да светит вам ясно майское солнце.

Да здравствует российская, да здравствует международная социаль-демократия!».

Штрифт этой прокламации (цицер) тождествен с шрифтом листовок «стачечного комитета» моряков. Листовки эти, судя по внешнему виду, печатались нелегально в легальной типографии, что в Баку неоднократно делалось. Цитированная прокламация без сомнения написана меньшевиком [1]) и при том (извиняюсь перед автором листка) с «белле-

[1]) В подтверждение правильности сказанного следует, кроме общего тона листка, иметь в виду то, что мы раньше уже сказали, а именно: б—ки в это время свои листовки издавали от имени Балаханского комитета. Это до того стало правилом, что, сколько помнится, в редакционную группу общегородского коллектива б—ки не давали своего представителя, а на литературную деятельность этой группы б—ки просто махнули рукой.

тристической» чтоб не сказать «поэтической») жилкой. Во всяком случае сказать—«мы, пролетарии, говорим вам: «дайте нам политическую свободу, дайте нам 8 часовой рабочий день *и мы покажем, как может быть счастлива жизнь на земле* (курс. наш),—сказать так мог лишь легко увлекающийся «беллетрист».

Майская прокламация 1907 года, как и листовка предыдущего года, не содержит никаких указаний насчет характера празднований, никаких конкретных предложений. Но мы имеем достаточно полные данные о том, как отпраздновали бакинские рабочие свой пролетарский праздник. Прежде всего „Каспий" (№ 96. 3/V 1907 г.)—усиленно напирающий на то, что, «несмотря на подвыпившие компании (!), к концу дня порядок все же нигде не был нарушен»,—дает такую картину»:

«Вторник 1 мая» праздновался бакинским пролетариатом при образцовом соблюдении везде полного порядка. Нигде никаких работ рабочими не производилось и день носил праздничный вид. Магазины и лавки, согласно постановлению союза бакинских коммерсартов, хотя и были открыты, но в них оставались сами хозяева, при абсолютном отсутствии всякой торговли. По случаю прекращения работ на электрической станции О-ва «Электрическая Сила» ни в частных учреждениях и домах, ни в правительственных учреждениях освещения не было. Не работали также и телефоны, рестораны, гостинницы, парикмахеры и др. К полудню местноть около кладбища и само кладбище представляли собой редкое зрелище: везде и всюду семейства нисшего и среднего класса населения расположились за обедом на открытом воздухе и, несмотря на подвыпившие компании к концу дня, порядок все же нигде не был нарушен, что пришлось констатировать и усиленному на кладбище и по городу наряду полицейских и воинских чинов. Учебные занятия и этот день также были прекращены во всех бакинских учебных заведениях. Словом, день прошел празднично и спокойно. Бакинский градоначальник Г.—М.М.Е. Коневский и полицеймейстер подполковник Чернышев лично раз'езжали по городу».

Далее мы имеем менее «идиллическое» изображение событий, главным образом, в рабочих районах («Нефтяное Дело» 1907 г. № 9, стр. 723—24): 1 мая забастовка и внешним своим видом сильно отличалась от забастовки 18 апреля.

В заводских и промысловых районах дело обстояло иначе. В Балаханах, хотя многие промысла работали, но большинство праздновали, на Б.—Э. почти все праздновали, а также в Черном и Белом городах.

На Биби-Эйбатской горе, около Волчьих ворот собирались рабочие устроить митинг, но встретив там казаков—разошлись. Собирались большими группами на остр. Наргене.

В Балаханах рабочие (около 4000 человек) собрались на горе Стензки Разина; по рассказу очевидца там происходило следующее: «Над толпой развевались 3 красных знамени. Разговаривали о сущности праздника и вообще о своих делах. Через некоторое время явился полицейский пристав со стражниками и потребовал, чтобы рабочие разошлись. Из толпы раздались голоса: «Не пойдем! Сегодня наш праздник, мы целый год его ждали и отпразднуем его с достоинством».

— Товарищи! давайте устроим митинг, надо выбрать по председателю от соц. рев. и соц.-дем.

— Не надо, кричат другие, их арестуют, обойдемся без них—сами будем наблюдать за порядком!

Пристав после категорического заявления рабочих, что они не разойдутся и что они сами будут наблюдать за порядком, разрешил им говорить на экономическую тему с тем, чтобы флаги были убраны.

Убрали флаги и оратор заговорил о значении этого праздника, о положении рабочих и т. п.; говорил он в общей сложности минут около десяти, после чего пристав его прервал и снова потребовал разойтись. Когда публика снова заявила, что не разойдется, он скомандовал городовым наступление. Но рабочие окружили городовых тесным кольцом и лишили их возможности наступать. Заговорили с городовыми на тему об их положении, о том, что они не должны бить рабочих и т. п. В это время пристав взобрался на вершину и оттуда как-то подал сигнал, по которому вскоре появились стражники и казаки с помощником полицеймейстера во главе. Пошла ужасная гонка, рабочих били нагайками. Толпа бросилась в рассыпную. В результате пом. полицейм. удалось окружить кучку лиц в 47 человек [1]), которую он арестовал и отправил в участок.

Толпа начала собираться около полицейского участка; человек 300, стоявших вблизи участка, просили об освобождении их товарищей или чтобы и их арестовали, но угрозы полицейских заставили их удалиться.

После этого публика собралась в другом месте и обсуждала положение арестованных. Некоторые предлагали составить резолюцию и отправить в Госуд. Думу на имя соц.-дем. фракции.

Отряд городовых рассеял толпу.

И, наконец, В. И. Фролов приводит цифровой материал: «На Балаханской площади из нефтедобывающих фирм забастовка была у 48 фирм, из них у 40 фирм с 7977 рабочими бастовали все рабочие, у 8-ми бастовало 1965 из 7577—25,9%, причем по отдельным фирмам число участников забастовки от 12% до 81,9%. В пяти случаях из восьми неполных забастовок в них принимали участие одни мастеровые. На Биби-Эйбатской площади забастовка была у 20-ти нефтепромышленных фирм с общим числом рабочих 6716, из них у 17 фирм с 5494 рабочими бастовали все рабочие, а у 3-х фирм бастовало 350 рабочих из 1222—28,6%.

В подсобных предприятиях на Баиловской площади забастовка была у 4-х фирм с общим числом рабочих 1398; из них у одной бастовало 450 раб. из 500, а в остальных бастовали все. На Биби-Эйбате забастовка была у 7 фирм подсобных предприятий; бастовали все 1728 рабочих этих фирм. В Заводском районе Черного и Белого городков забастовкой было охвачено 19 фирм с 2492 рабочими, из них у 14-ти фирм бастовали все рабочие—72,7%; по отдельным фирмам число участников неполных забастовок колеблется от 17,5% до 52,5%. Всего потеряно вследствие первомайской забастовки около 22.000 рабочих дней (подсчет дает 21.227).»

О забастовках в Баку в 1907 году вообще и майской забастовке в частности дает сведения и фабричная инспекция (отношение в отдел

[1]) См. дальше.

Промышленности от 4 марта 1908 г. за № 183). Но что это за сведения. «В фабрично-заводских районах Бакинской губернии в течении всего 1907 года было зарегистрировано фабричной инспекцией 28 стачек рабочих в промышленных заведениях, в числе коих были три стачки политического характера (18 апреля, 1 мая и 22 ноября). В указанных 28 стачках в общей сложности принимали участие 20.641 рабочих: рабочих дней потеряно 39.912.

Карточки были посланы о 26 стачках.

О двух политических стачках (18 апреля и 1 мая) карточки не были посланы в виду того, что по недостатку времени не было возможности собрать сведения от всех промышленных заведений фабрично-заводских районов. По приблизительным подсчетам в каждой стачке участвовало до 7.000 рабочих. Обе эти стачки продолжались по одному рабочему дню и были вызваны следующими причинами: 18 апреля—протесты против вмешательства Правительства в забастовку моряков Каспийского Торгового Флота, а 1 мая празднованием 1-го мая. Кроме рабочих промышленных заведений в обеих забастовках принимали участие магазины, лавки, конка, телефон, извозчики—были случаи насильственной остановки демонстрантами работы в промышленных заведениях, закрытия магазинов и удаления с улиц извозчиков.

По поводу вышеуказанных двух забастовок доносили своевременно телеграммами».

Выше мы видели, что на горе «Стеньки Разина» было задержано 47 человек. В нашем распоряжении имеется «Дело канцелярии Бак. Градоначальника, II отделения», о взятом под стражу 1) Феоктисте Емельянове Варочке, 2) Александре Филатове, 3) Андрее Арзамасове, 4) Арсене Петросянце, 5) Иване Коновалове и др. 43 лицах»[1]).

Приведем из дела несколько документов.

ПЕРВЫЙ: «Протокол. 1907 года мая 1 дня, вследствие полученных сведений, что на горе «Стоньки Разина», в районе Балахано-Сабунчинского Полицеймейстерства, имеет собраться большая толпа рабочих, а а по сему и по личному приказанию г. Балахано-Сабунчинского Полицеймейстерства и. д. помощника его Титулярный Советник ВЛАСКОВ с конными и пешими городовыми прибыл на названную гору, причем оказалось, что на вершине ее собралась толпа рабочих около 600 человек, в числе которых некоторые были с красными флагами, а некоторые произносили речи противоправительственного содержания и пели революционные песни. На мое требование убрать флаги и разойтись толпа первое требование исполнила, но не разошлась. Удалить толпу силою, за недостатком прибывшего со мной наряда городовых, не представлялось возможным, почему о происшествии было донесено г. Полицеймейстеру, который и прибыл с нарядом конных городовых и двумя сотнями казаков Уманского полка.

---

[1]) Название не совсем соответствует содержанию. Так, в этом деле имеется список заключенных, предположенных к высылке и высланных в количестве свыше 50-ти человек, большинство которых никакого отношения к данному делу не имеет. В этом списке значится несколько известных (Соловьев, Аллилуев и т. д.) товарищей.

Толпа, завидев приближавшихся городовых и казаков, начала разбегаться, но часть ея, состоящая из сорока семи человек, была окружена, задержана и доставлена в арестантскую при полицейском управлении. При задержании у двоих, из числа 47 человек, были отобраны два флага с надписями: «П. С. Р. да здравствует первое мая! Да здравствует восьмичасовой рабочий день и Р. С. Д. Р. П., да здравствует социализм!» Постановлено о выщеизложенном записать в протокол. И. д. помощника полицеймейстера (подпись неразборчива).

ВТОРОЙ: «Постановление. 1907 года мая 1-го дня. Я, Балахано-Сабунчинский полицеймейстер, согласно личного приказания г. Бакинского градоначальника и на основании 21 ст. правил о положении усиленной охраны, ПОСТАНОВИЛ: задержанных сего числа: 1) жителя гор. Закаталы, Тифлисской губерний, Лазаря Агаевича Кеворкова, 2) жит. сел. Довес, Горийского уезда, Тифлисской губернии, Иосифа Георгиевича Табуашвили, 3) мещанина гор. Тифлиса, Николая Константиновича Чучкешвили, 4) жит. сел. Аллавердского, Борчалинского уез., Тифлисской губ., Николая Константиновича Джафарова, 5) жит. сел. Цири, Душетского уез., Тифлисской губ., Петра Андреевича Хришвили, 6) жит. сел Цхинур, Душетского уез., Тифлис. губ., Риго Теодоровича Авлокашвили, крестьян Казанской губ.: 7) Чебоксарского уезда, Богородской волости, села Тюрнаны, Андрея Васильевнча Арзамасова, 8) Тетюшского уезда, Мамбулыкчинской волости, дер. Касы-Кадыд, Макара Фомича Королева, 9) жит. сел. Аранзамин, Шушинского уезда, Елисаветпольской губернии, Арсена Михайловича Петросянца, 10) крестьян. Саратовской губернии, Вольского уезда, Барнуковской волости и села, Ивана Ивановича Коновалова, 11) Аткарского уезда, Галицынской волости и села, Луку Григорьевича Чугунова, 12) Авалынского уезда, Старо-Пичурской волости, села Халетовки, Ефима Степанова Стражникова, 13) Кузнецкого уезда, Кунчеровской волости, деревни Могилевки, Исмаила Ахметжанова Алибекова, 14) Хвалынского уезда, Старо-Лебежайской волости и села, Петра Федоровича Матвеева, 15) Камышинского уезда, Ершевской волости и села, Стефана Тихоновича Торгашева, 16) Аткарского уезда, Мысогорской волости, Ивана Кирилловича Солдатова, 17) Вятской губернии, Сарапульского уезда, Воткинской волости, Василия Егоровича Быкова, 18) Тамбовской губернии, Елатомского уезда, Пищинской волости и села, Александра Ефимовича Данилова, 19) Захара Павловича Уляева, 20) Нижегородской губернии, Горбатовского уезда, Под'яблонской волости, деревни Кадакиной, Петра Александровича Агафонова, Каменец-Подольской губернии, Гарсинского уезда: 21) Кубменской волости, сел. Грузкова, Поликарпа Артемовича Блоху, 22) Ладыжинской волости, сел. Летвертина, Никифора Аникиевича Найдюка, 23) Кублачевской волости, села Миткава, Федора Ивановича Дьяченко, 24) той же волости и села, Евстафия Петровича Коваля, Кутаисской губернии: Рачинского уезда 25) села Паджи Галактиона Христесова Челидзе, 26) сел. Сакеци, Константина Окропировича Микашвили, Озургетского уезда 27) сел. Хидистава, Евтилия Виссарионовича Калантадзе, 28) сел. Агети, Ираклия Константиновича Гогувадзе, Кутаисской губернии и уезда 29) сел. Кидидженханского, Нестора Антоновича Охраидзе, 30) сел. Джиктубан, Рождена Аслановича Каджаия, 31) Тамбовской губернии, Елатомского уезда, Мало-

кустарской волости, деревни Лазаревой, Егора Никитича Кондратенко, 32) Ковенской губернии, Вилкомирского уезда и общества, Арона Мехнихович Рудник, 33) Орловской губернии, Ливенского уезда, Черкасской волости, слоб. Пушкарской, Петра Тихоновича Караева, Симбирской губернии: 34) Симбирского уезда, Тушнинской волости, сел. Кривуш, Василия Ермолаевича Ноздренкова, 35) Алатырской уезда, Чеберчинской волости, сел. Мурга, Ивана Ивановича Каргина, 36) Симбирского уезда, Тагаевской волости, дер. Помоолки, Дмитрия Николаевича Филимонова, 37) Алатырского уезда, Кувакинской волости, сел. Сутяжного, Дмитрия Ивановича Шалимова, Пензенской губернии: 38) Пензенского уезда, Борисовской волости, дер. Левиной, Федора Киреевича Сорокина, 39) Инсарского уезда, Сиамеевско-Пятинской волости, сел. Ново-Казевка, Александра Трофимовича Папорилова, Терской области: 40) мещанина гор. Пятигорска, Николая Александровича Лобчевского, 41) жит. Владикавказского округа, 1-го участка, сел. Кадгаров, Кузьму Авеловича Демурова, 42) мещанина города Новороссийска, Василия Викентьевича Полякова, 43) мещанина города Уфы, Леонида Иосифовича Мульмана, 44) крест. Владимирской губернии, Мелинковского уезда, Дащатинской волости, Ивана Алексеевича Рощина, 45) жит. Бакинской губ., Шемахинского уезда, сел. Ново-Дмитриевки, Анания Захаровича Королева и 46) кр. Гродненской губернии, Пружанского уезда, Селецкой волости, сел. Селущина, Матвея Ивиновича Василевича заключить в бакинскую тюрьму, о чем им и об'явить, а копии сего представить г. Бакинскому Градоначальнику и Прокурору Бакинского Окружного суда. Подлинное подписали: Полицеймейстер, Подполковник Пестов. С подлинным верно: За секретаря Балахано-Сабунчинского Полицеймейстерского Управления («подпись неразборчива») [1].

ТРЕТИЙ: М. В. Д. Балахано-Сабунчинский Полицеймейстер. № 5355. 2 мая 1907 года. Арестанское. Господину Бакинскому Градоначальнику. Рапорт. В дополнение к рапорту от 2-го сего мая за № 5355, представляя при сем две копии постановлений о заключении в бакинскую тюрьму, на основании 21 ст. правил о положении усиленной охраны, задержанных 1-го сего мая на горе «Стеньки Разина» 47 человек, доношу Вашему Превосходительству, что из числа этих лиц Александр Филатов, Андрей Арзамасов, Арсен Петросянц и др. в числе 30 человек, поименованные в представляемых при сем сведениях являются главными зачинщиками к устройству шествия с красными флагами и пения революционных песен и вообще как пропитанные духом революции являются вредными для общественного порядка и спокойствия, а потому ходатайствую пред Вашим Превосходительством о высылке этих лиц из пределов Градоначальства. Полицеймейстер, Подполковник (подпись неразборчива).

ЧЕТВЕРТЫЙ. М. В. Д. Балахано-Сабунчинский Полицеймейстер. 22 мая 1907 г. Господину Бакинскому Градоначальнику. Рапорт. Во исполнение личного приказания при сем представляю Вашему Привосходительству два списка задержанных 1 сего мая на митинге на горе «Стень-

---

[1]) В „деле“ имеются еще два постановления от 1 мая о задержании в Балаханах „крестьянина Черниговской губернии, Мглинского уезда, Ивантинской волости, дер. Бородинки, Феоктиста Емельяновича Варочки“ и „крестьянина Ярославской губернии, Рыбинского уезда, Копринской волости, деревни Семиной-Малой, Александра Ильина Филатова“.

ки Разина» с подразделением на лиц, коих желательно выслать из пределов Градоначальства и коих возможно освободить из тюрьмы ранее окончания срока наказания по усмотрению Вашего Превосходительства. Полицеймейстер, Подполковник (подпись неразборчива). На этом отношении имеется резолюция;

«Препроводить список № 2 с поименованными в нем 37-ю лицами смотрителю тюрьмы для освобождения их 25-го сего мая в день рождения Государыни Императрицы Александры Феодоровны».

Согласно этого списка, повидимому, 23-го мая 37 из числа задержанных в Балаханах (вместе с 12 другими заключенными по делу о морской забастовке) были освобождены. (отношение Бакинского Градоначальника от 23-го мая за № 4545 на имя смотрителя бакинской тюрьмы).

Остальные из числа задержанных 48 человек 1-го мая: Арзамасов, Петросянц, Данилов, Блоха, Табуашвили, Рудник, Микашвили, Найдюк, Шульман, Филатов, Дьяченко всего стало быть 11 человек были высланы в разные места Европейской России (Смоленская, Харьковская, Астраханская, Каменец-Подольская, Орловская, Екатеринославская, Самарская губ.) под гласный надзор полиции 25-го сентября, вместе с другими политическими заключенными.

1908 год.

«Первомайская забастовка в 1908 году прошла дружней и была гораздо шире, чем в 1907 году»—говорит В. И. Фролов (см. ниже). «Это обстоятельство—продолжает он—находится как будто в противоречии с несомненным упадком забастовочного движения в 1908 г.» Но, по его мнению, «указанное противоречие устраняется тем, что в 1907 году первомайской забастовке предшествовала общая забастовка 18 апреля».

Это, конечно, так. Но В. И. Фролов не учитывает двух фактов. *Первый*, что «упадок забастовочного движения в 1908 г.» *начинается* со второй четверти восьмого года и *второй*—главный, что в апреле-мае бакинский пролетариат имел массовый организующий центр—совет уполномоченных по совещанию с нефтепромышленниками [1])—избранию которого предшествовала длительная и жаркая кампания, всколыхнувшая самые отсталые слои нефтепромышленных рабочих.

---

[1]) Первое заседание совета состоялось 30 марта. Открыл это заседание секретарь союза нефтепромышленных рабочих, очевидно, покойный Алеша Джапаридзе. „открывая первое заседание совета уполномоченных,—сказал он,—я приветствую от имени союзов и организаций товарищей—уполномоченных и поздравляю бакинский пролетариат с крупной победой.

В то время как повсюду в России пролетарские организации, всякое проявление широких масс преследуются и пресекаются в самом начале, бакинские рабочие своей долгой и упорной борьбой добились права и возможности осуществить открытие совета.

Совещание с нефтепромышленниками не новость для нас. Целый ряд последних лет ежегодно поднимается этот вопрос, устраивались совещания, собирался совет, но как не похоже теперешнее собрание на предыдущие! В то время, как в прежние годы ни один вопрос, подлежащий обсуждению на совещании, не рассматривался и не обсуждался самими рабочими по промыслам и заводам, широкие массы часто и не знали ничего о совещании и все совещания проводилось где-то за спиной пролетариата,—теперь мы имеем совет уполномоченных, выбранный впол-

История этой кампании, тактика нефтепромышленников, роль местной [1]) и краевой администрации, [2]) борьба партий и течений—безусловный байкот (эсэры и дашнаки); безусловное участие (меньшевики или союз рабочих механического производства); участие в совещании при определенных предварительных гарантиях (большевики или союз нефтепромышленных рабочих)—достаточно подробно изложены в книжке Ларина («Рабочие Нефтяного Дела») и освещены в сохранившихся «Гудке» и «Промысловом Востоке». В настоящее время имеется, кроме того, богатый дополнительный материал (архив фабричной инспекции), ждущий

не сознательно после долгого обсуждения вопроса на местах всем бакинским пролетариатом. Мы имеем такой совет, который смело можно поставить на одну доску с теми представительными учреждениями, которые мы знали в дни свобод.

Этот совет многое может сделать. Он будет иметь огромное значение, если мы с'умеем отнестись к работе достаточно серьезно. Уже один выбор его сделал многое; он сплотил все национальности, все направления вокруг общего дела, и это сплочение—залог будущих побед. Приведет ли настоящая кампания к коллективному договору, или нет, это вопрос второстепенный, но она должна и может сыграть огромную роль в деле сплочения и организации бакинского пролетариата.

Три года тянется наша тяжелая борьба, а мы и теперь еще стоим перед теми же вопросами, перед которыми стояли раньше. От нашего единодушия, от нашей солидарности зависит их разрешение и я, приветствуя еще раз собрание, горячо призываю вас к дружной еденодушной и плодотворной работе! Да здравствует Совет уполномоченных! Да здравствует бакинский пролетариат!" (Гудок № 26).

[1]) „21-го апреля в 10 ч. утра были у г. Градоначальника представители Совета уполномоченных Тронов, Перов и Маилянц и секретари трех союзов—нефтепромышленных рабочих, механических рабочих и котельщиков. Присутствовал при этом старший фабричный инспектор г. Брайловский.

Г. градоначальник с самого начала указал на некоторые стороны деятельности Совета, как, например, обсуждение случая ареста уполномоченных на втором собрании Совета и прения по поводу освобождения уполномоченных на третьем собрании.

В особенности он обратил внимание представителей Совета уполномеченных и союзов на резолюцию, принятую по поводу ареста уполномоченных и на речи некоторых ораторов.

Градоначальник заявил, что такие вещи недопустимы и что он думал одно время совсем покончить с кампанией по совещанию, но пока ограничивается предостережением и впредь подобного не допустит. При этом он об'яснил, что освобождение арестованных уполномоченных произошло не под давлением рабочих и Совета уполномоченных, а что сам он принял горячее участие в этом вопросе и как только выяснилось это дело—невиновные были освобождены.

Г. Градоначальник разрешил оффициальное собрание Совета уполномоченных на субботу и весь порядок дня утвердил; вместе с тем разрешено, в случае если на одном собрании не исчерпается весь порядок дня, собрание перенести на ближайший день.

После этого представители Совета уполномоченных и союзов выяснили значение и необходимость частных собраний.

Градоначальник разрешил устраивать частные собрания, только заранее нужно будет сообщать г. старшему фабричному инспектору.

Разрешены собрания президиума организационной комиссии, комиссии по собиранию материалов (по выработке требований) и частные собрания всех течений среди уполномоченных.

На последнее заявление представителей рабочих об освобождении оставшихся арестованными уполномоченных г. Градоначальник ответил, что им будут приняты меры для выяснения их дела и при первой возможности будут освобождены невиновные.

После разрешения всех вопросов, г. Градоначальник задал вопрос о значении профессиональных союзов и о том, насколько приемлемо будет для нефтепромышленников, чтобы представители союзов были в организационной комиссии. После раз'яснений представителей рабочих г. Градоначальник заявил, что сам он ничего не имеет против союзов, но хочет напомнить, что нефтепромышленники могут поднять этот вопрос.

При прощании г. Градоначальник поставил на вид представителям рабочих, чтобы они дорожили положением и продолжали умело кампанию. „Иначе, если с легальной почвы сойдете на нелегальную,—мы уже враги„. („Гудок № 29").

[2]) В этом отношении чрезвычайно (в смысле выяснения ролей) ценно письмо представителя „наместника" Джунковского, хранящееся (письмо) в Музее Труда.

своего историка. Здесь мы отметим лишь то обстоятельство, что в интересующее нас время—непосредственно до и после первого мая—судьба совещания, [1]) стало быть и совета уполномоченных, да и судьба всего местного движения в целом была уже в значительной степени предрешена усиленным напором реакционных сил сверху и извне да мертвящим ды-

---

[1]) „Утром 13 мая в газетах неожиданно было об'явлено, что представители проф. союзов в организ. ком. допущены не будут. В $11^1/_2$ часов открылось первое заседание под председательством г. Джунковского в составе 14 явившихся нефтепромышленников (председатель Совета с'езда нефт. г. Фейгель, представитель фирмы бр. Нобель г. Мореншильд и др.) и 15 рабочих (один, т. Юстус из с. механ. раб., сидел в тюрьме). Представители рабочих тов. Тронов, Перов, Китаев и др. заявили о необходимости допущения представителей союзов с совещательным голосом в орг. ком. на основании требования рабочих, предшествовавшего согласия администрации в лице Наместника, Градоначальника и др. и требовали от нефтепромышлен. ясного ответа, как они смотрят на дело. Но нефтепромышленники, несмотря на специально несколько раз обращаемое к ним г. Джунковским предложение высказаться, хранили молчание. Тогда сам председатель раз'яснил, что требование о допущении союзов и власть и нефтепр-ки понимали будто бы в смысле допущения их представителей на самое совещание, а не в ту организационную комиссию, которая должна именно обсудить условия фунционирования совещания, а в том числе и вопрос о допущении союзов (и затем, определив условия своего функционирования, обратиться в самое совещание. Ю. Л.). Председатель ссылается на отсутствие формального удостоверения от союзов с фамилиями делегируемых ими лиц и заявляет, что у него имеется директива Наместника, по кот. орг. комиссия должна состоять только из 16 рабочих и 16 капиталистов, а все пункты наказа должны быть ему представлены на утверждение после рассмотрения их в организ. ком. такого состава. После нового приглашения г. г. нефтепр. высказаться и нового гробового молчания, наконец, представитель крупнейшей фирмы Нобель г. Мореншильд поясняет, что данное совещание с самого начала созывается правительством, что инициатива не принадлежит нефтепр-кам, что они присутствуют здесь в условиях, предрешенных Наместником Е. В. на Кавказе, что все зависит от власти. Тогда представитель наместника г. Джунковский заявляет, что, наоборот, вся суть в соглашении сторон, власть лишь утвердит то, что будет выработано сторонами, (чтобы это имело обязательно-принудительную силу). Но так как нефт-ки не желают сказать ни да, ни нет, а ссылаются на то, что их дело сторона, как начальство,— г. Джунковский, как председатель и представитель Наместника заявляет: „ввиду отказа со стороны делегации рабочих без участия представителей от профессиональных союзов приступить к работам организационной комиссии; ввиду того, что вопрос о таком участии в данном заседании не был предусмотрен (сравни заявление градоначальника 21 апреля Ю. Л.), и ни я, ни старший фабричный инспектор не знали о том, что проф. союзы произвели выборы в орг. комиссию, не знали также и фамилий избранных союзами лиц,—ввиду этого я закрываю собрание". Вызванным затем к г. Джунковскому 16 мая товарищам П. Джапаридзе, Перову, Вольскому и др. представитель Наместника заявил, что власти больше по своей инициативе созывать организационной комиссии не будут и предоставляют дальнейшие отношения между рабочими и капиталистами в Баку их собственному соглашению. А на следующий день секретарь с. нефт. раб. П. Джапаридзе был арестован, а за ним и выбранный секретарем рабочей половины орг. ком. К. Абрамов...

Начиналась ликвидация (Ларин, стр. 139—140).

Фабричная инспекция отношением на имя отдела промышленности М. Т. и П. от 15 мая за № 407 (папка № 73) дает этому делу такое освещение: „категорическое заявление представителей рабочих о том, что они примут участие в трудах организационной комиссии только в том случае, если в эту комиссию будут допущены представители профессиональных обществ с правом совещательного голоса—было совершенно неожиданным, как для председателя комиссии, так и для меня. Рабочие во все время подготовительной кампании очень добивались, чтобы представители профессиональных обществ были допущены на самое совещание; вопрос об этом должен был быть рассмотрен в организационной комиссии. Но вопрос об участии этих представителей в организационной комиссии не возникал.

После заседания я узнал от некоторых рабочих, что они считали совершенно бесспорным вопрос об участии представителей профессиональных обществ в организационной комиссии и отказ в этом был для них полною неожиданностью.

Вполне соглашаясь с тем положением, что профессиональные общества, в лице своих представителей, сильно потрудились для практического осуществления идеи совещания, не могу не признать наличия большого промаха со стороны рабочих, которые заблаговременно не подняли оффициальным образом вопроса об участии представителей профессиональных обществ в организационной комиссии. Полагаю, что представителям рабочих следовало во всяком случае не покидать зала заседания, а принять участие в трудах организационной комиссии".

ханием общественной реакции, шедшей снизу и уже достаточно затронувшей партийные и профессиональные организации. [1])

Как бы то ни было, но первое мая 1908 года бакинские рабочие отпраздновали лучше и полней, чем в других местах России.

«Каспий» об этом дне говорит кратко: «день 1 мая прошел без всяких инцидентов. На улицах были усиленные наряды полиции. Все магазины были открыты. Движение трамваев не производилось. Вечером не было электрического освещения». По неполным сведениям фабричной инспекции (папка 41) «в этот день не работало в Балахано-Сабунчинском районе 20.205 человек (общее число 29.513), на Биби-Эйбате 9.440 (общее число 10.028) и в Заводском районе 2.150 (общее число 4.524)». «Нефтяное дело» (№№ 9, 10, 12) дает почти те же цифры: „*Биби-Эйбат*: из 10.028 рабочих (40 фирм) бастовало 9.440 человек, из которых 1.766 рабочих бастовали только ½ дня, а остальные целые сутки. *Черный и Белый городки и Балаханское шоссе*: из 4.524 человек (51 фирма) бастовали 2.150—«не удалось получить сведений от 5 фирм, у которых работает около 120 рабочих, 50% из которых (по частн. свед.) бастовали». *Балах.-Саб.-Раман. площадь*: из 29.513 бастовало 20.205 человек. Всего, по последним данным статистич. бюро Совета С'езда, на Балахано-Сабунчино-Раманинской площади насчитывается 30.514 рабочих, так что незарегистрированными остаются 1.001 раб. Эти 1.001 раб. принадлежат, главным образом, к мелким мех. и кот. мастерским и частью к нескольким нефтедобывающим фирмам, от которых не удалось получить сведений.

У нефтедобывающих фирм большинство рабочих приступило к работам вечером 1-го мая, т. е. бастовало ½ суток, но многим из них не удалось ночью работать вследствие того, что на «Электрической Силе», от которой фирмы получают ток, не работали целые сутки. Благодаря той же невозможности работать, ночью не работали и рабочие подрядчиков по бурению.

Другие причины, по которым рабочие котельных мастерских не работали 1 мая, заключаются в том, что у мастерских на этот день не было заказов или материала.

По всем трем районам бастовало в этот день 72% всех нанятых рабочих (на Биби-Эйбате 94,5%, в Черном и Белом городках и на Балах. шоссе 47%, а в Балаханах—68,5%)“.

В № 9 «Н. Д.»—находим, кроме того, такую заметку: «1-го мая по призыву местных революционных организаций в Баку и его районах происходила общая забастовка. Из нефтепромышленных районов по полноти забастовки выдвигается Биби-Эйбат, в городе не работали типографии, некоторые мастерские и конка».

---

[1]) Трудно сказать в какой мере руководители бакинского движения отдавали себе отчет в тогдашнем действительном положении дел. Из живой переписки, которую пишущий эти строки вел тогда кое с кем из бакинцев (главным образом, с покойным Смирновым-Саратовцем) получалось впечатление такого необыкновенного под'ема настроения при общероссийской подавленности, что было трудно понимать друг друга.

Это обстоятельство сказалось и значительно позже, когда пишущий эти строки приехал из Питера в Баку: „Ликвидация“ была уже в полном разгаре; в партийных организациях остались буквально десятки людей. Профсоюзы таяли не по дням, а по часам, И при всем том верхушки далеко еще не представляли себе размеров бедствия. Головой то они, пожалуй, понимали. Но пыл борьбы еще не остыл в них. И слова они говорили „старые“.

Более полные данные о первомайской забастовке дает В. И. Фролов на стр. 57—58 своего труда «Забастовки бак. нефт. раб. в 1908 году»: «Первомайская забастовка в 1908 г. На Балаханской площади из нефтедобывающих фирм первомайская забастовка была у 73 из 107 (в 1907 г. только у 48-ми), у 56 фирм бастовали все рабочие (6326), у 17 фирм бастовало из 15.508-ми—9.582 или 61,8% (наименьшее 8,5%: 4 из 48). Везде забастовка продолжалась до вечера, у некоторых фирм работы не производились и ночью, но исключительно вследствие того, что рабочие о-ва «Электрическая Сила» не работали сутки и, поэтому, пользующиеся электрической энергией от этого общества, фирмы работать не могли. Там где забастовки были неполные, мастеровые бастовали, в некоторых случаях неполных забастовок бастовали только одни мастеровые.

На Биби-Эйбате из 27 нефтедобывающих фирм у 19-ти фирм с 6194 рабочими бастовали все, у остальных 9-ти бастовало 1125 из 1.567, т. е. 71,8%. В неполных забастовках не участвовали: сторожа, дворники, караульщики.

В подсобных предприятиях на Балаханской площади, первомайская забостовка была у 28 фирм из 36-ти, бастовало рабочих всего 4.309 из 6.383-х—67.5, всего рабочие бастовали у 10-ти фирм (1.829 рабочих). На Биби-Эйбате из 14 подсобных предприятий с общим числом рабочих 2.467, первомайская забастовка была у 7 фирм, из них у 4-х с 513 рабочими бастовали все, а у 3-х бастовали 1,346 из 1441.

Из 51 фирмы с 4,624 рабочими в Черном и Белом городах и на Балаханском шоссе, в первомайской забастовке принимали участие 2.150 рабочих 26-ти фирм. Все рабочие принимали участие в забастовке только 8-ми фирм, из которых только одна имела 350 рабочих, у 7-ми же остальных число рабочих колеблется от 10 до 52.

Всего по всем районам в первомайской забастовке принимало участие 72% всех рабочих: на Бибе-Эйбате—94,5%, в Балаханах—68,5%, в Черном и Белом городах и на Балаханском шоссе—47%. Из этого описания легко видеть, что первомайская забастовка в 1908 году прошла дружнее и была гораздо шире, чем в 1907 году. Это обстоятельство находится как будто в противоречии с несомненным упадком забастовочного движения в 1908 году. Из отрывочных сведений, которые удалось получить, указанное противоречие устраняется тем, что в 1907 г. первомайской забастовке предшествовала общая забастовка 18 апреля (1 мая по новому стилю), проведенная под руководством всех революционных организаций с целью выражения сочувствия бастовавшим тогда морякам. Призыв к первомайской забастовке, последовавший всего через 10—12 дней после этой общей забастовки, не имел такого успеха, какой мог бы быть, и какой, как видно, имел он в 1908 г.

Всего первомайской забастовкой обусловлена потеря 31.545 рабочих дней. В нефтедобывании ею обусловлен недобор в 730.682 пуд.».

Прокламаций, посвященных первому мая 1908, года, мы, к сожалению, не имеем. В № 30 «Гудка»[1]) от 4 мая 1908 года помещена следующая передовая под заголовком «Первое Мая».

«Пролетариат отпраздновал свой праздник 1-е мая.

---

[1]) В „Пр. Вестн." о первомайском празднике нет ни звука.

Не странно ли это? Какой может быть праздник у современного рабочего? Откуда он может черпать радость, когда вся его жизнь сплошной труд, безвыходная нужда, забота о завтрешнем дне? Проклята эта жизнь вечного раба, принужденного продавать свою кровь и свои нервы, свой ум и свое сердце за право не помирать с голода.

Еще более неприглядна наша жизнь, жизнь русского рабочего, особенно теперь, в годину реакции, после великих надежд и великих подвигов последних лет. Правда, мы теперь уже не те, чем были прежде, но именно потому нам особенно чувствительно, что внешние условия нашей жизни почти не изменились.

Несмотря на это, мы все же приветствуем наш праздник. Мы встречаем его с радостным сердцем и искренно сливаемся в этой своей радости с пролетариатом всего мира. Мы—пасынки жизни, мы—рабы капитала, мы—бесправные обыватели одной из самых отсталых стран, радостно встречаем наш рабочий праздник, потому что этот праздник воплощает в себе не наше горе, а наши радостные бедствия.

Наш праздник резко отличается от всех праздников буржуазии.

Все праздники буржуазии смотрять назад, в прошлое; они не носят в себе никаких надежд на будущее. Не пережитое горе, не море слез и раздавленных жизней мы вспоминаем в этот день, а приветствуем наше светлое будущее, наши будущие победы, осуществление лучших наших стремлений.

Вся жизнь буржуизии в прошлом. Она довольна тем, что есть и стремится только закрепить свое теперешнее господство. Ее радости отвечают ее желаниям. Она празднует прошлое. Ее мечты не в будущем.

Пролетариат живет лишь будущим. Он творец нового общества, он единственный наследник мира. В прошлом у него одно горе и слезы. С скрежетом зубовным он вспоминает об этом прошлом. Там мало праздничного и негде черпать вдохновения и радости. Зато будущее обещает светлую лучезарную жизнь. Борьбе за это будущее, вечному напоминанию о нем, подготовке к нему посвящается наш праздник—пролетарское Первое Мая.

Ежегодно 1 мая рабочий говорит себе: ты сейчас раб жизни, но ты будешь ее хозяином; ты сейчас наемник, продающий свой труд хозяину капитала, но ты будешь свободным работником общества равных.

Пусть не гнетут тебя цепи настоящего, пусть вдохновляет свобода и счастье будущего.

Но для этого ты не можешь, ты не должен сидеть сложа руки. Ты можешь и ты должен завоевать это будущее. Напоминать об этой борьбе, вдохновлять надеждами на будущие победы призвано первое мая.

Лучшее вдохновение в борьбе дает сознание, что ты не одинок, что к тому, к чему стремишься ты, стремятся все твои братья. Первого мая рабочие всех стран и всех народов, где они сознали необходимость борьбы за это будущее, шлют друг другу братский привет и напоминают друг другу, что велика армия труда и вдохновлена она одним желанием, одним горячим стремлением—скорее свергнуть владычество капитала и создать свободное царство труда.

Ожесточенная борьба с капиталистическим строем, жгучая ненависть к нему и безграничная солидарность рабочих всего мира—вот что соединяет нас в торжественный день первого мая. Мы ненавидим—в этом залог, что мы будем бороться до конца. Мы солидарны с рабочими всего мира—в этом залог нашей силы. Мы боремся за дело всего человечества, за строй, который осчастливит весь мир—в этом бесконечный источник нашего вдохновения.

Когда в 1889 г. представители рабочих организаций всех культурных стран, собравшись на конгрессе в Париже, установили первомайский праздник, они выставили два пролетарских требования, которые должны были стоять на пролетарских знаменах: «Долой милитаризм», «да здравствует 8-ми часовой рабочий день»—были эти требования. Первого мая рабочие всех стран должны были демонстративно напомнить всей буржуазии, что пролетариат ничего общего не имеет с царящим в ее мире человеконенавистничеством и братоубийством. Буржуазия обратила весь мир в ряд вооруженных кулаков, которые при первом удобном случае могут быть пущены ею в ход.

В интересах своего кармана, для своих доходов, она затевает войны, заставляя рабочих и крестян одной страны убивать рабочих и крестьян другой. Не взаимная ненависть, а братская солидарность рабочих всех национальностей, об'единенных в одну братскую семью—отвечают рабочие всего мира.

Первого мая рабочие открыто заявляют представителям капитала, теперешним хозяевам жизни, что рабочий класс, независимо от национального своего происхождения, непримиримый враг милитаризма.

Другое первомайское требование—«восмичасовой рабочий день»—черезчур знакомо нам, чтобы о нем приходилось специально говорить.

Бакинский пролетариат не раз бился за его осуществление и не раз, вероятно, будет еще биться.

Но почему же только на этих двух общих требованиях остановился парижский конгресс. Разве ими ограничиваются обще-пролетарские требования?

Конечно, нет. Парижский конгресс имел в виду выставить в день пролетарского праздника только те лозунги, которые сознали все пролетарии, участвовавшие в современной классовой борьбе. Еще не все рабочие—социалисты, еще не все дошли до сознания, что только полная замена капиталистического строя социалистическим может освободить пролетариат от его бесправного положения наемного раба. Но все рабочие путем борьбы постепенно приходят и не могут не прийти к этому сознанию.

Когда это сознание будет на лицо, тогда и майские лозунги будут полнее выражать основные стремления рабочего класса, и на майском знамени будет только одна надпись: «да здравствует освобождение труда»!

Что это будет так, тому свидетельство гигантский рост рабочего движения во всем мире. На последнем интернациональном социалистическом конгрессе в Штутгардте летом 1907 года около 1000 человек представляли рабочие организации всех культурных народов мира, из всех почти частей света. Широко развертывается мировая армия труда,

глубоко ее пронизывает яркий свет классового сознания, тесно срастается с душой современного рабочего идея полного освобождения—это ли для нас не источник великой радости.

Пусть отчаиваются те, кто не уверен, что ему предстоит светлая будущность.

Пусть опускаются руки у тех, кто ежедневно не чувствует, что у него растут силы.

Пусть плачут те, кто весь в прошлом, кто уже пережил свою юность.

Пролетариат молод, жизнерадостен, весь в будущем—силы его растут и он уверен в победе.

Он смело может праздновать свой весенний праздник, праздник борьбы и победы—Первое Мая».

А. Р.

„Бакинский Рабочий“.

Историю мы еще не научились писать:—мы ее делаем.

К двадцатипятилетию нашей партии мы не только двацатипяти, но и пяти хороших томов по истории нашей партии не имеем.

А история бакинской организации? Славная, богатейшая по содержанию и значению глава истории партии, что мы о ней знаем?

Старики еще кое-что помнят, отрывочно, мало и плохо помнят, а молодежь?

— Ничего не знает, ей и неоткуда узнать. О нашем бакинском прошлом не написано и одной маленькой брошюрки, к юбилею партии в Баку не нашлось товарища, который мог бы сколько нибудь связно рассказать о всем бакинском прошлом. Последнее, конечно, естественно—условия подполья не давали возможности партийцам подолгу «засиживаться» в Баку, им вольно или невольно приходилось засиживаться по тюрьмам и иным отдаленным местам или перебираться в другие центры,—от этого непрерывность их работы, а теперь осведомленность о прошлой работе в целом—не увеличилась, конечно.

Старики знают отдельные кусочки прошлого. Эти кусочки надо собрать, разработать и хотя бы начерно издать.

А для всего этого необходимо наладить Истпарт!

В такую знаменательную годовщину, какую мы отмечаем сегодня, полезно еще и еще раз напомнить товарищам об этой необходимости поставить на должную высоту истпартовскую работу.

Без хорошего Истпарта у нас и через пять лет, и через десять лет не будет истории бакинской организации, сколько бы мы об этой истории не заботились за несколько дней до юбилейных дат.

Эти несколько слов к «порядку ведения юбилея» нужно было сегодня сказать, прежде чем констатировать тот общеизвестный факт, что у нас нет даже начерно записанной истории нашего прошлого.

Нет истории бакинской организации—нет истории «Бакинского Рабочего»—это понятно и законно, потому что нашу газету не отделишь от нашей партийной организации даже и по части «прорех» в истпартовском аппарате. Однако, поскольку мы сегодня все-таки кое-какие исторические раскопки производим—было-бы значительным упущением не сказать нескольких слов и о «Бакинском Рабочем», о славной нашей, старой газете, старом знамени бакинской большевистской организации и бакинских рабочих, которое мы и сегодня так-же, как 17 лет тому назад, с гордостью несем в первых наших рядах.

Газета «Бакинскй Рабочий» знает четыре периода—первый нелегальный в 1906 году, второй период 1908 года, третий—эпохи февральской революции и первой Советской власти в Азербайджане в 1918 году и, наконец, последний современный период,[1])

В нашем распоряжении имеется лишь один номер нелегального издания «Бакинского Рабочего», органа бакинской организации РСДРП. Были ли другие номера, когда, где и в каких условиях издан этот номер, мы сейчас еще не знаем.

Несколько богаче мы знаниями о втором издании «Бак. Раб.».

Вот что сообщает о нем бакинский цензор Евг. Богословский.

«Бакинский Рабочий» «общественно-профессиональная газета, посвященная интересам бакинских рабочих». Редактор-издатель Степан Тимофеевич Якушев, крестьянин Рязанской губернии, окончил министерск. школу. Разреш. 20 августа г. бакинским градоначальником ген.-м. Фальбум. Ц.:——на год 6 руб., №—3 коп., двойной №—5 коп. Тираж 2.200 экземпляр. Тип. Н. А. Эриванцева. Газета выходила двойными номерами с субботы 6 сентября, когда вышел № 1—2, по конец октября,—последний № 17—18 вышел в пятницу 31 октября.

В составе редакции журнала «Гудок» произошел раскол после выпуска № 35 журнала (9 июня) по распоряжению ред.-изд. А. М. Самарцева. Поэтому второй № 35 журнала «Гудок» (26 июля) вышел с пометкой в начале номера: «№ 35 «Гудка» выходит под новой редакцией». Выделившаяся часть редакционного состава получила разрешение на издание газеты «Бакинский Рабочий», и в № 1—2 во вступительной заметке «От редакции» изложено credo издания...

№№ выходят аккуратно; первые пять по субботам, остальные четыре по пятницам, 27 октября газета была закрыта распоряжением г. бак. градоначальника г.-м. Фальбум, на все время чрезвычайной охраны, «за вредное направление».

Итак, непосредственным предшественником этого «Бак. Раб.» является профессионально-экономическая газета «Гудок», фактический орган старого профессионального союза нефтепромышленных рабочих».

«Когда осенью 1906 г. союзы здесь возникли, то они послужили прежде всего, отдушиной, средством легализовать социалистическую партию и в противоречие так и назывались—«меньшевистский союз» (союз мех. рабочих, куда входят буровые и мастеровые) и «большевистский союз» нефтепром. раб., куда входят и промысловые, и механические, и буровые и заводские».[2])

Одним из ближайших организаторов С. Н. Р. был А. М. Самарцев, он же был и организатором издания «Гудка», его редактором-издателем.

Самарцев не был большевиком. Самарцев органически не понимал «партийности» и не принимал ее. Он не признавал влияния «партийных» в союзе. Если же принять во внимание, что правление союза было большевистским, то, понятно, что Самарцев не мог долго ужиться со своими соредакторами по «Гудку»—ставленниками правления и партии.

---

[1]) Фактический материал позаимствован нами из данных Музея Труда, уже печатавшихся в „Б. Р.“ за подписью В. Л. К сожалению, мы в данный момент не располагаем материалом, могущим их дополнить.

[2]) Ю. Ларин. „Рабочие нефт. дела“. Стр. 42.

Постоянные недоразумения между Самарцевым и другой частью редакции достигли апогея при выпуске 9 июня 35 №. Как сообщалось уже выше, Самарцев использовал свое формальное право редактора-издателя и захватил »Гудок» в свои руки. Перед правлением союза Н. Р. и перед бакинским комитетом стал вопрос о немедленном издании своей газеты. На заседании бакинского комитета,[1]) состоявшемся под председательством Авеля Енукидзе, была выделена строго партийная редакция в составе: *Степана Тимофеевича Якушева, Ефимова (он же С. Балаханский, партийная кличка,—«Саратовец»), Степана Шаумяна, Прокофия, (Алеши) Джапаридзе, Михаила Ивановича Батырева (парт. кличка Евгений), Сурена Спандарьяна и Нюшина.* На этом же заседании были распределены роли между членами редакции и статьи в первый номер.

В субботу, 6 сентября, вышел № 1 и 2 «Бак. Раб». Редакция так определяет здесь свои общие задачи:

«Нам не приходится много распространяться о нашей программе, о тех путях, по которым пойдем мы и на которые мы будем звать бакинский пролетариат. Мы старые знакомые с бакинскими рабочими и хорошо знаем друг друга.

Пути эти—те же, о которых мы говорили на страницах прежнего «Гудка»,—классовое сознание, об'единение и организация. Их мы теперь считаем единственно правильными, их мы будем защищать и отстаивать, служа по мере сил и умения интересам бакинского пролетариата.

Товарищи-рабочие! „Бак. Рабочий." будет вашей газетой, как ею был прежний «Гудок».

На всем протяжении издания «Бак. Раб.» честно выполняет принятые на себя обязательства.

Но в плохое время начал свое существование «Бак. Раб». Злейшая реакция все больше и больше охватывала Россию и ее окраины. Борьба не была доведена до конца—27 октября было, очевидно, решено закрыть «Бак. Раб». Последний номер вышел 31 октября 1908 г.

Журнал был закрыт за «вредное направление».

На этом исчерпываются сведения о давно прошедших периодах нашей газеты.

Товарищи, конечно, помнят и знают, что в эпоху 17—18 годов и после советизации Азербайджана «Бакинский Рабочий» с честью и коммунистической преданностью выполонял свой долг перед партией и рабочим классом.

Верный старым заветам «Бакинский Рабочий» сумеет и впредь остаться достойным звания старейшего партийного знамени бакинской большевистской организации.

Мих. Лифшиц.

---

[1]) Заседание происходило на кв. д-ра Шаханяна. Детали установлены.

История тюркской рабочей печати.

Первой тюркской социал-демократической газетой была «Гуммет», выпущенная в 1905 году. Она издавалась на гектографе. В ней участвовали т.т. Расул-заде М. Э., Эфендиев С. М., Мир Касимов и др. Первый номер газеты вышел под лозунгом: «Совместное стремление мужей может снести горы»,—это известная арабская поговорка.

Газета просуществовала недолго. После ее закрытия, группа издавала «Елдаш».

К сожалению, нам не удалось раздобыть ни одного номера этих газет. Газета «Елдаш» печаталась уже типографским способом. Однако, вскоре газету «Елдаш» постигла такая же участь, какая вообще постигала рабочее слово: она была закрыта, успев выпустить всего лишь несколько номеров. Но, конечно, репрессии царского правительства не могли ослабить желание рабочих иметь свое печатное слово. И чем сильнее давала себя знать царская жандармерия, тем теснее становились ряды наших товарищей, тем мощнее звучало рабочее слово. И вот, социал-демократическая группа «Гуммет» выпускает новую газету «Текамюль» («Усовершенствование»). Первый номер ее вышел 16-го декабря 1906 года. Вот что мы читаем в № 1 в передовой статье, озаглавленный: «Чему мы служим». «В тяжелую эпоху господства в России реакции, которая отнимает у нас свободу и народную инициативу, губит российскую революцию, дабы держать народ под гнетом, которая с этой целью организует военные суда, карательные отряды, вводит казнь через повешение и расстрелы, аресты и ссылки, в эпоху, когда газеты или журналы не смеют проявить своего политического направления и подвергаются наказаниям, в эпоху, когда чрезвычайно трудно говорить правду, за которую приходится дорого расплачиваться,—мы приступаем к изданию нашей газеты. Если, приступив к выпуску газеты, мы будем подвергнуты преследованию,—то пусть. Что же делать. Газета угнетенных будет угнетаться».

Газета выходила раз в неделю: редактором и издателем газеты оффициально был М.-б. Гаджинский, который лишь уступил свое право организации «Гуммет», ибо получение разрешения на издавание газеты связано было с большими трудностями. Гаджинский подписывался под текстом до пятого номера включительно. № 6 газеты выходит за подписью временного редактора газеты М. Э. Расул-Заде. Кроме указанных авторов статей, в газете принимали участие и другие, между прочим, Расул-Заде М. Али, писавший ряд статей, посвященных профессиональным союзам. Первые четыре номера газеты печатались в типографии «Иршад», в дальнейшем газета перешла в типографию «Каспий и Феюзат». После

закрытия газеты «Текамюль» рабочие лишились единственного социал-демократического органа.

Начавшееся преследование разбросало товарищей. Только революция 1917 года положила конец мытарству. Но к этому времени во взглядах некоторых товарищей успел произойти перелом, и часть из них ушла от нас (М. Э. Расул-Заде и др.)

Почти с первых же дней революции 1917 года организовалась группа «Гуммет», которая в скором времени собрала вокруг себя всех тюрок социал-демократов.

Конечно, одним из первых вопросов был вопрос об издании своего органа на тюркском языке. После многих трудов, наконец, 3-го июля 1917 года (по старому стилю) удалось выпустить первый номер газеты под названием «Гуммет». Вопрос о названии дебатировался в центральном комитете организации «Гуммет» (предлагались названия: «Елдаш», «Гуммет», «Текамюль» и пр.), но комитет остановился на названии «Гуммет», как называлась сама организация. Товарищи из бакинской организации РСДРП одобрили это название и газета была выпущена.

Не только гумметисты ждали с нетерпением выхода первого номера. С большим интересом ждали ее и муссаватисты, зная, что она раскроет перед лицом рабочих истинную физиономию партии «Муссават», защищающей интересы тюркской буржуазии. Заголовки нашей газеты были: «Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия—организация «Гуммет» и «Пролетарии всех стран, соединяйтесь».

В первом номере газеты были помещены следующие статьи: передовая, раз'ясняющая направление газеты. В ней, между прочим, говорилось: «Являясь частью РСДРП., «Гуммет» написал на своем знамени великие слова Маркса и Энгельса: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». Наша партия всеми своими силами будет стремиться к низвержению капиталистического строя и к созданию вместо него социалистического». Да здравствует «Гуммет»! «Да здравствует РСДРП»! «Да здравствует братство всех народов»!

После передовой статьи были помещены: «Почему не хотят мира»—Сема (С. М. Эфендиев), «О восьмичасовом рабочем дне»—Т. Ш. (Т. Шахбази); «Французская революция»—Н. (Н. Нариманова); «Городские дела» и «Перед выборами в новую думу»—(Т. Шахбази). Хроника, партийная жизнь и пр.

Вначале газета выходила один раз в неделю, но потом постепенно превратилась в ежедневную. Вначале она руководилась редак. коллегией, состоящей из т.т. Нариманова, Эфендиева и Т. Шахбази. Печаталась в крохотной типографии «Туран»—С. Мансури по Спасской ул.

Позже в ней стали работать т.т. Буниат-Заде, А. Касимов и др Она просуществовала до 1918 года, пока существовали Советы, затем она была переведена в Астрахань, где в ней работали т.т. Н. Нариманов, Буниат-Заде, Орудбади и др. Она выходила в Астрахани регулярно до советизации Азербайджана. После установления в Баку власти муссаватистов, оставшиеся здесь товарищи опять начинают организовывать рабочую печать.

Власть «муссавата» не могла приостановить дальнейшее развитие рабочей печати. Правда, рабочая печать преследовалась муссаватским правительством также энергично, как и царской жандармерией, но рабочее слово не умолкало.

В течении всего муссаватского режима газета часто закрывалась, часто конфисковывалась, но она выходила почти на другой же день после закрытия, хотя и под другим названием.

За короткий период существования муссаватского правительства рабочая газета меняла 10—12 раз свое название.

Тюркская рабочая печать сыграла громадную роль в деле развития рабочего движения: она была лучшим орудием борьбы, как в период царского режима, так и муссавата.

Т. Шахбази.

Редакция газеты «ГУДОК».

Фрумкин, Стопани и Енукидзе.

(Слева на право).

Подпольная типография „Искра“ в Баку.

(Материалы Вано Стуруа).

В 1901 году тов. Ладо Кецховели была организована в Баку, по поручению комитета кавказского союза РСДРП, подпольная типография. Главная цель типографии была обслуживать развивающееся рабочее движение Закавказья. Местопребыванием ее был избран Баку, как город с более слабым в то время рабочим движением, следовательно, с менее бдительной полицией, чем Тифлис или Батум.

Однако, силой обстоятельств типография стала с первого же момента работы обслуживать ЦК РСДРП и его нужды во всероссийском масштабе.

Перед организацией типографии тов. Кецховели ездил в Одессу, получил от российских товарищей заказ на брошюру «Десятилетие народнической стачки». В Тифлисе он купил маленькую машину, печатавшую писчий лист и привез ее в Баку. Типография была устроена около Шемахинки, на Нижне-Тазапирской улице, против мечети. В типографии с самого начала работали т.т. Болквадзе Вано (сейчас в тифлисской организации КПГ), Хуцешвили Васо (умер в 1907 году), Енукидзе Авель (секретарь ВЦИКА) и я (Стуруа).

Первой нашей работой была упомянутая выше брошюра, выпущенная в количестве 10,000 экземпляров за подписью ЦК РСДРП.

В 1902 году для расширения типографии т. Кецховели купил в Тифлисе шрифт, который переплавлялся в Баку при помощи партийных машинистов железной дороги. Но полиция пронюхала об этом и арестовала в Аджикабуле машиниста Бакрадзе со шрифтом. На третий день были арестованы т.т. Кецховели и Енукидзе Авель и посажены сперва в Ганджинскую тюрьму, а потом в Метехский замок (в Грузии). Тов. Енукидзе был освобожден в конце 1903 года, а тов. Кецховели был убит в Метехском замке, когда смотрел из окна камеры. Убивший его часовой, солдат Дегтярев, получил благодарность и пять рублей награды.

Однако, аресты не приостановили работы типографии. Теперь там работали еще тов. Енукидзе Семен (Москва), Хумарян Ашот (Тифлис), Камаран Джаши (теперь меньшевик), Тодрия Сильвестр (Тифлис).

Типография выпустила старую народовольческую сказку «Четыре брата» на грузинском языке, в переделке тов. Кецховели, выпускала грузинскую газету «Брдзола» («Борьба»), армянскую «Крив», нелегальные брошюрки Толстого, прокламации текущего момента и т. д. Тираж отдельных изданий превышал 200.000 экземпляров. В 1903 году типография напечатала извещение о втором с‘езде РСДРП, программу и резолюции с‘езда.

Тогда же типография окончательно перешла в руки ЦК, в лице тов. Красина, работавшего тогда в Баку, в качестве заведующего электро-

станцией на Биби-Эйбате. Типографию пришлось расширить, что было поручено тов. Енукидзе Семену.

Бумага для типографии обыкновенно покупалась через владельца частной типографии Болизаряна. На его же адрес была выписана из Берлина новая машина газетного формата. Машина была получена из Берлина в начале 1904 года. Болизарян хотел обмануть нас и дать взамен ее старую, но Енукидзе обманул его, выкрал у него накладные, сам получил машину, упокованную в восьми ящиках и спрятал в нанятом подвале на Большой Морской.

К этому времени в РСДРП произошел уже раскол, работники типографии примкнули к большевикам. Между прочим, нами было получено письмо из Метехсхого замка от Кепховели, который убеждал работать с большевиками.

Старое помещение теперь не годилось. Находилось оно в татарском доме, в особняке на первом этаже. В этом доме жили мы, хозяин с семьей, здесь же находилась и машина. Хозяину-лавочнику об‘яснили, что у нас обыкновенная типография, скрываемая, чтобы не платить патенты. Хозяину мы хорошо платили. Он и вся его семья охраняли нас и относились к нам очень хорошо. Тесть хозяина догадывался обо всем и сочувствовал нам. В 1921 году тов. Тодрия был в Баку и узнал, что этот бывший хозяин сильно нуждается,—помог ему.

Новое помещение было найдено на 1-й Параллельной, ниже Кирпичного завода. Оно состояло из дома—двора, обнесенного стеной. Во дворе находились еще дом с четырьмя комнатами и колодезь. К этому дому прилегал двор с длинным амбаром, годным под конюшню; арендовали и его.

Конюшню мы наглухо перегородили поперек кирпичной стеной, здесь же соорудили вентилятор. Из первого дома, где мы жили, устроили подземный ход в закрытую половину конюшни. Ход начали из стенного шкафа и довели его в глубину до двух с половиной аршин. Внутри у нас были дубовые рамы, цементная облицовка, двери на шарнирах, блок с примитивной под‘емной машиной, калильная лампа с сеткой. По блоку опускались и поднимались мы сами и поднимали грузы. Снаружи все было окрашено под цвет стены. После спуска передняя дверь засыпалась песком, чтобы не была заметна. Всю эту работу проделали мы сами в течении полутора месяца. Машина была установлена в закрытой половине конюшни, стена была завалена сеном. В открытой половине мы поместили специально купленный фаэтон и лошадей, которых сдали фаэтонщику Гусейн-Ага. Он знал о типографии, но должен был под угрозой смерти всего своего рода молчать. Приходилось иногда пользоваться его фаэтоном для нужд типографии. После организации новой типографии, старая недолго работала в Баку. Вскоре она была передана кавказскому социал-демократическому союзу и переведена в Тифлис, где была устроена на Авлабаре в подземельи. Работал там тов. Камо; в 1906 году она провалилась.

Новая машина в новой типографии давала в час 1.200 газетных листов, работали не меньше 15 часов в сутки. Первым делом было напечатано 20.000 экземпляров эрфуртской программы. В начале работы на но-

вом месте, тов. Красин посетил нас вместе с приехавшим из Москвы цекистом. Мы их ввели в комнату и сказали, что тут вход в типографию. Они при всем своем старании не могли его найти. «В жандармы не годитесь»,—сказали мы им и после, когда они увидели хорошее оборудование, то предложили нам печатать «Искру»—центральный орган партии. Трудность была в том, что наша «Искра» должна была быть во всем похожа на заграничную, которая издавалась в Швейцарии и не могла в достаточном количестве быть распространена в России. В Швейцарии с набора снимались матрицы и привозились в Баку. Мы приобрели чугунные плиты, олово и отливали стереотипы. Печатали «Искру» на такой же бумаге, как и в Швейцарии, ставили швейцарский адрес и выпускали до 50,000 экземпляров. Отправляли мы литературу в Россию под видом кавказских чувяков, шалей, бурок и т. п. Потом стали ящики с литературой вкладывать в другие ящики и отправляли под видом ящиков с гудроном. Тираж некоторых прокламаций, печатаемых на папиросной бумаге, превышал 500.000.

Семен Енукидзе был отозван в Москву для организации типографии московского комитета. В Баку заведующим остался Авель Енукидзе, освобожденный из Метехского замка. Мы все жили нелегально и все внешние сношения были возложены, главным образом, на меня. Адреса, оригиналы и средства доставлял нам тов Красин. Сочувствующие движению инженеры давали ему ежемесячные взносы. Кассиром нашим был тов. Гуковский. Из членов ЦК мы поддерживали связь с Бибиковым и Кардышевым.

Двоюродный брат нашего фаэтонщика Усейн Ага, прикащик ювелирного магазина Алиева, заходил иногда к своему брату. Мы заметили, что он нас подозревает. Я с Енукидзе зашли в магазин, купили себе часы, познакомились с ним, пригласили его к себе и открыли ему все, показав спрятанные револьверы и бомбы. Он испугался, но мы заявили ему, что зла ему не сделаем: нам нужно только, чтоб он нас предупредил, если заметит, что за нами следят: за это мы обещали ему платить 40 рублей в месяц. За предательство же погубим и его и весь его род. Он, конечно, согласился.

Он нас предупреждал, даже часто напрасно (чтобы заслужить свои деньги). Через некоторое время он стал просить денег, говоря что у него долги. Решили заткнуть ему рот и дали 200 рублей. Через 4 месяца он стал просить еще 500, но мы ему отказали, но так как боялись, что он нас выдает, то опять предупредили, что если нас арестуют, то наши террористы не пощадят ни его, ни его рода. Сейчас этот Алиев имеет в Баку частную мастерскую печатей.

В процессе работы выяснилась необходимость иметь среди товарищей женщину, так как ее присутствие отвлекало подозрение соседей. Когда к нам в 1904 году прибыл бежавший из Сибири с женою Соней тов. Мгеладзе, мы взяли в типографию и тов. Соню. Работали они с апреля по июнь. В июле ЦК решил дать нам всем отпуск. Все получили по 100 рублей и раз‘ехались. Сторожить типографию остался я. В августе вернулись все, кроме Мгеладзе с женой, которые, подпав под влияние меньшевиков, остались в Тифлисе. Товарищ Соня была заменена Катей Микадзе, работавшей до октября.

Жизнь наших типографий протекала так: выходить можно было только ночью, одному, по очереди, и то не всегда. Сплошь и рядом сидели без хлеба. Получали мы жалованье по 40—50 рублей. Иногда за провизией ходил Хумарян: у него был «благонадежный» вид. Возвращение всегда караулили.

При встрече нового года зашел к нам, не знаю, случайно-ли или подозревая нас, околодочный надзиратель. Обстановка у нас была шикарная: ковры, мягкая мебель, не забыты были иконы и священные книги. Приняли мы его радушно: угостили, напоили. Ушел он от нас очень довольный и при встречах со мной на улице всегда раскланивался. Жили мы под чужими фамилиями. Я, например, был—Месхи, Енукидзе—Лежава и т. д., между собой у нас были самые хорошие товарищеские отношения.

Часто мы привозили к себе, как будто в гости, для конспирации, мать Георгия Твалишвили.

В 1905 г. с нами временно работал Георгий Стуруа. Типография наша работала без провала до ноября 1905 г. В промежуток от октябрьского манифеста до декабрьского московского восстания мы получили от ЦК приказание перейти на легальное положение и переправить типографию в Питер. Стена конюшни была выломана нами. Машины, наборы и т. п. были упакованы и отправлены в Питер через российское пароходное о-во совершенно легально, на адрес Авеля Енукидзе. Машина была получена в Питере самим Ав. Енукидзе через полтора месяца и поставлена в типографии ЦК на Литейном. Работа шла легально. Почти все работники бакинской типографии перебрались в Питер. Там работали Болквадзе, Тодрия, Хуцешвили Васо и Ладо Думбадзе. В мае 1906 г. типография была переведена в Казачий переулок № 6, куда была поставлена 4-я машина, привезенная из Тифлиса, ротационка. Однако, вскоре после разгона государственной думы начались репрессии.

ЦК, опасаясь разгрома типографии полицией, предложил снова перейти на нелегальное положение. Под руководством тов. Красина типография была переведена в Выборг. Работали там Енукидзе, Болквадзе, Тодрия и рабочий Петр. В бакинской типографии остались следы наших работ, как, например, деревянные дверцы. Когда ход зарывали, я спрятал там жестяную коробку со списком всех участников типографии. Она должна лежать там и до сих пор. Недавно я посетил это место вместе с тов. Караевым и Багировым. Все что мы печатали мы заносили в инвентарь и оставляли по одному экземпляру. Это должно находиться у Авеля Енукидзе. У него же должны быть фотографии всех участников.

Воспоминания и заметки.

1902—1907 г. г.

(Воспоминания т. Студнева).

Вступление мое в партию Р. С. Д. Р. П. относится к 1902 году, к концу его, в бытность мою учеником токаря на заводе Нобеля в Сабунчах. Раньше меня в партию вступил, работавший на том же заводе, Ваня Фиолетов, бывший в то время и в дальнейшем моим близким приятелем. Активной роли в партии я вначале не играл: ходил на кружковые занятия, читал дома скудную в то время революционную литературу: «Искру»; «Кто чем живет»—Дикштейна; «Экономические очерки»—Баха; издания «Донской Речи»; революционизировал, так сказать, себя и готовил к роли активного подпольного работника. Из лекторов (тогда назывались нами интеллигенты) помню Вирновского, Молчанова (Шишкин) и Вирновскую—жену Молчанова-Шишкина. Они посещали наши кружки в Сабунчах и читали лекции, делали доклады. Наш гимн «Интернационал» впервые я услышал в исполнении т. Молчанова, который, кстати сказать, обладал голосом красивого тембра. Чаще всего собирались мы, человек по 15, в Сабунчах, в доме Иса-бека Ашурбекова, который охотно представлял в наше распоряжение свой пустующий дом.

Грандиозная, по тому времени, т. н. июльская забастовка 1903 года застает меня все еще в положении неактивного революционера. Но все же я на один месяц попадаю в Баиловскую тюрьму, где встречаюсь со многими товарищами из Черногородского, Белогородского, Биби-Эйбатского и др. районов. Душевный под'ем, я бы сказал, экстаз революционный, владел всеми ими полностью: подавляющее большинство было—молодежь; Я заразился их настроением и через месяц по освобождении из тюрьмы убеждать меня в правильности революционных идей было незачем.

Я, спустя семь месяцев после вступления в партию, делаюсь активным работником. Фиолетов, Емельянов в сравнении со мною были «счастье» работники и я работал под их руковадством, но недолго, попал снова в Баиловскую тюрьму, и, как говорили в то время, по милости Иса-бека Ашурбекова, хоть и сочувствовавшего якобы революционному движению, но с другой стороны дружившего с жандармскими офицерами. Сам Ашурбеков тоже был арестован в тот раз, просидел дня два-три и был освобожден.

На свиданье ко мне приходила молодежь, главным образом, с завода Нобеля; передавала новости дня, говорила: «В партии раскол. Появились большевики и меньшевики. Момент таков, что революцию нужно толкать вперед. Сидеть дома, пробавляться газетами и тем более раз'езжать

по дачам—преступление. Партия льшевиков—кучкаоб сибаритствующих интеллигентов, ушедших от пролетариата.

Работа стала. Но на темном фоне бакинского застоя в работе появилось светлое пятно. Это два брата—Илья и Лева Шендриковы и Клавдия, жена Ильи. Они страстно хотят работать, но большевики им ставят палки в колеса. Выходи скорей из тюрьмы и присоединяйся к нам. Вокруг Ильи, Левы и Клавдии нас сгруппировалось уже 4 чел. рабочих.»

Доводы моих тов. по заводу Нобеля были для меня электрическим током. Я уже ненавидел большевиков, раз‘езжающих по дачам и любил Шендриковых за их уменье и желание работать над свержением самодержавия, которое, по моему тогдашнему мнению, черезчур долго зажилось. И я принял решение: работал не с «дачниками», а с революционерами. Вскоре меня освободили из тюрьмы. В организации Шендриковых я нашел нескольких своих старых товарищей, в том числе Витю Емельянова. Вся организация состояла из 8 человек; остальные же рабочие составляли или большевиков, или совершенно инертную массу, идущую за теми кто больше обещает.

Группа Шендриковых называлась: «Организация Балаханских и Биби-Эйбатских рабочих Р. С. Д. Р. П.». Нужно сказать, что работа организации Балаханских и Биби-Эйбатских рабочих пошла довольно успешно. Малое количество работников (8) должно было обслуживать два больших района. Величина районов и дальность расстояния между этими районами, вынуждала интенсифицировать работу до крайнего напряжения. Моя роль в этой организации была универсальной—организатора нашей подпольной печати, вообще организатора обоих районов, экспедитора, печатника и даже безкровного террориста, или вернее террориста без убийств. Межфракционная борьба спорадически то потухала, то снова вспыхивала. В то время, на часто устраиваемых диспутах, (в горах Биби-Эйбатского района, на берегу Соленого озера в Сабунчах и т. д.) в эпитетах не стеснялись, и споры принимали настолько ожесточенный характер и оставляли впечатление такой непримеримости, еще тогда, идеологии большевиков и меньшевиков, что однажды кто-то распустил слух, будто я поклялся, или что-то в этом роде, пристрелить Ваню Фиолетова, как фракционного противника.

Разумеется все эти слухи были чистейшим вздором, во первых потому, что я в силу своей молодости не был уже таким принципиально-выдержанным меньшевиком, чтобы расправляться со своим идейным противником, а во вторых меня с Ваней Фиолетовым связывало, кроме личной дружбы еще и воспоминание о том, что все же ему я обязан был вступлением в партию в 1902 году. В конце 1904 г. мы, шендриковцы, как тогда нас величали, предлагали большевикам об‘явить всеобщую забастовку, которая, по нашему мнению, должна была вылиться в вооруженное восстание. Большевики не согласились и со своей стороны рекомендовали устроить вооруженную демонстрацию. Конечно, оба предложения и теми, и другими взаимно были отвергнуты и каждая фракция решила действовать за свой риск и страх. Свою забастовку мы приурочили к историческому дню 14-го декабря. Получив сведения, что большевики решили противиться забастовке (напр. на механ. заводе Касп.-Кавк. О-ва,

тов. Святой заявил, что—«палками выгоним тех, кто придет останавливать завод»), мы собрали вечером 13-го декабря на митинг на берег Соленого озера всех сочувствующих нам рабочих. После выступления Шендриковых Ильи и Левы, Клавдии, моего, Тюхтенева Александра и др. было об'явлено собравшимся, что ввиду возможности сопротивления забастовке на некоторых заводах, желательно было-бы, чтобы все собравшиеся (около 300) переночевали на берегу озера, а с рассветом пойти останавливать заводы. На митинге присутствовал и Ваня Емельянов, заявивший, «что хотя я и слышал, как т. Святой обещал разогнать забастовщиков палками, но все же я в своем заводе Касп.-Кавк. О-ва подготовил почву и забастовка сорвана не будет». Все остались ночевать у Соленого озера.

На утро разбились на три группы, первые две—большие пошли:—одна на завод Мирзоевых, вторая на завод Нобеля. Третья в 5 человек, в том числе и я, перерезав провода (телеф. и телегр.)—в город, должна была поспеть на завод Касп.-Кавк. О-ва, вывести рабочих и через часть Романинского озера направиться в Забрат к Бак. О-ву русской нефти, где и назначен был сборный пункт для всех групп. Согласно уговору с Емельяновым, который работал на зав. Касп.-Кавк. О-ва, достаточно мне с 4-я товарищами появиться на их заводе, как он (Емельянов) произнесет речь и все забастуют. Обрезав провода, прихожу я на зав. Касп.-Кавк. О-ва, а мне передают, что Емельянов не вышел на работу. Зная, что на этом заводе готовилось сопротивление, я был обезкуражен. А тут уже слышу заунывные гудки останавлимаемых первыми двумя группами заводов. Раздумывать было некогда: отрядил двух товарищей к кочегарке выпустить пар, а сам начал уговаривать рабочих об'явить забастовку. Нехотя бросали работу, медленно одевалось, как в это время засвистел выпускаемый из котлов пар; это как-то оживило всех и под давлением моих уговоров все вышли и направились со мною на промысла, которые тут-же сами по себе остановились, и толпа вначале в 200—250 чел. сразу выросла в тысячную. То влилась к нам масса персидских рабочих с остановившихся промыслов. Не представляет интереса, как были остановлены все промысла Романов и зав. Ассадулаева, как прошел митинг. Отмечу один штрих. Недоходя зав. Ассадулаева мы подверглись нападению сотни казаков. Кое-кого отстегали нагайками, у многих отняли палки, но в общем обошлось сравнительно благополучно. Правда, в другом месте, только 16-го декабря, уже на Балахано-Городском шоссе около 200 казаков обстреляли толпу рабочих, были убитые и раненые, но не больше 4 чел. тех и других. Что дала нам забастовка?! Длилась она довольно долго, около 20 дней. Нефтепромышленники были упорны. Рабочие, у которых иссякали все материальные рессурсы, нервничали, и готовы были приступить к работе. Грозил срыв забастовки. Чтобы заставить капиталистов сдаться, неоффициально создалась группа горячих голов, решивших экономическим террором донять сопротивляющихся. Начались поджоги. Почти через день я, в числе других 2-х тов., ездил к заправиле Сов. С'езда нефтепромышленников Арш. Осип. Гукасову с предложением пойти на уступки. В наших переговорах Гукасов называл нас анархистами, а не с.-д., раз мы решились на экономич. террор. Я его уверял, что это, обо-

зленные их неуступчивостью, рабочие мстят им, а не организация, как таковая. Конечно, Гукасов не верил. Наконец, не выдержали нефтепромышленники. Призвали нас на переговоры.

Результаты: 9 часовой рабочий день, квартирная плата (раньше давались квартиры натурой, но далеко не всем, квартирной платы не давалось), отопление, освещение и др. удовлетворения мелких требований. В вооруженное восстание наша забастовка не вылилась и в этом виновата, по моему, и та и другая сторона, не с'умевшие найти общего языка и почвы для соглашения.

Кроме вышеприведенных завоеваний, организация Шендриковых завоевала сочувствие большинства Балахано-Биби-Эйбатских рабочих. Взяла 10.000 руб. «контрибуционных» с Совете С'езда нефтепромышленников, что ей позволило усилить свою работу.

Вскоре приехал из заграницы, кажется из Америки, «Сандро» или Сеид Девдариани и организация усилилась интеллектуальными силами. Оказывал поддержку «Орест Семин». Отпраздновав свой триумф в одном из ресторанов, Илья Шендриков уехал в Женеву искать оффициального признания своей организации. Не знаю, каков был суд заграничных меньшевиков относительно Шендриковых; я был арестован, освобожден и принужден был выехать из Баку в Тифлис. Скрываясь от жандармов, ехал туда же вместе со мною и Петр Монтин. Выше я говорил уже, что моя меньшевистская «твердокаменность» была даже для меня самого под сомнением; то была пора моей политической неустойчивости. При столкновении же с Монтиным со мною произошло превращение. Он был большевик и меня «увлек» на путь большевизма. Словом, по приезде в Тифлис я уже вошел в организацию С.-Д. большевиков и получил поручение отправиться в Ганджу и заняться организацией ж. д. рабочих. В Гяндже пробыл я около 3-х месяцев и после убийства, кажется дашнаками, жандармского вахмистра—Бурмы, ввиду начавшихся репрессий, вынужден был бежать в Тифлис, а оттуда по поручению Комитета С.-Д. большевиков выехал для партработы в г. Грозный. В Грозном, за полгода до моего приезда существовала организация и среди железнодорожников, и среди нефтянников, был даже комитет Грозненской организации во главе с Ваней Фиолетовым, но к моменту моего приезда организация уже распалась, а Ваня Фиолетов сидел во Владикавказской обл. тюрьме. Пришлось собирать разбросанных по жел. дор. и промыслам отдельных рабочих и снова сколачивать организацию. Царский манифест 17-го октября застает нашу Грозненскую организацию в стадии ее формирования. События развертывались быстрым темпом. Нужно было подтягиваться. Кадеты широко распространяли свои воззвания, призывая рабочих голосовать за их кандидатов в Гос. Думу. Наша касса была пуста. Печатного станка у нас не было. Наскоро сколотив некоторую сумму денег создали мы гектограф и начали выпускать свои листовки, зовущие рабочих сплотиться вокруг своего красного знамени, и не поддаваться сладкопевцам-капиталистам. Интеллигентных сил у нас не было, опытных работников тоже. Вдруг освобождается из тюрьмы Ваня Фиолетов. Нашего полку прибыло. Работа пошла успешнее.

Мы праздновали победу: все рабочие и часть местного казачества пошла за нами. А события все развертывались. В Москве восстали рабочие и строили баррикады, в Ростове тоже, была об‘явлена забастовка по всем жел. дорогам. Пришлось создавать стачечный комитет, формировать дружины на помощь ростовцам. Но местная власть, вначале растерявшаяся,—оправилась. Стали выходить обязательные постановления, откуда-то для усмирения грозненских рабочих прибыл Горско-Моздокский конный полк. Были приняты меры и полк перешел на нашу сторону. Но в центре России уже наступил перелом: революция шла на убыль. Дубасов расстрелял Пресню, в Ростове от взрыва погибло все оружие восставших. Реакция вылезала из всех щелей. В Баку был убит Петр Монтин и инженер Яковлев; реакция праздновала свою победу над пролетариатом и мстила за его дерзновение. Тюрьмы стали заполняться революционерами. Работать дальше в Грозном было невозможно и мы с Фиолетовым выехали в Баку. 1906 и 1907 г. для меня были периодом едва не сплошного сидения в Баиловской тюрьме. Фиолетов с головой ушел в профработу в Сабунчах вместе с Алешей Джапаридзе. Я уже попал после 9-ти месячного сидения на Баилове в 3-х летнюю ссылку в Вологодскую губернию. В ссылке, за агитацию среди учителей п. Никольска, я был арестован и, просидев 3 месяца в Никольской тюрьме, отправлен в с. Уст. Кулом, Усть-Сысольского уезда. При проезде моем через г. Яренск, я узнал, что тут же находится в ссылке и Ваня Фиолетов с женой. Я просил им передать, чтобы пришли ко мне на свидание в тюрьму. Они пришли, но начтюрьмы отказывал в свидании. Пришлось мне убеждать его, что пришедшие, мои родственники. Поверил и разрешил свидание, но в его присутствии. Увидев, что мы расцеловались при встрече, начтюрьмы заметил—«теперь вижу, что родственники». Это свидание мое с Ваней Фиолетовым было последним. Больше я его нигде не встречал.

Арест Бакинского комитета 1907 г.

В 1905 г., после августовской армяно-татарской резни, почти все политические организации были разгромлены. Многие члены нашей организации после этих кошмарных событий покинули Баку и раз'ехались. Оставшиеся товарищи стали понемногу собираться для того, чтобы наладить расстроенные ряды партии.

В это время к нам приехал представитель ЦЕКА партии тов. Лядов. В первой половине сентября было созвано общее междурайонное собрание бакинской организации большевиков на Баилове в Электрической Силе, где выступал тов. Лядов с информационным докладом о положении в России. Собрание это провалилось, переарестовали до 70 человек партийных работников нашей организации, в том числе тов. Лядова (под фамилией Устинов), Алешу Джапаридзе, Нико (Сакварелидзе), Апостола (Ной Гвенцеладзе), Шанта, Кирочкина и других.

После провала наших, срочно вызвали из Тифлиса тов. Юру (А. Бекзадян), по прибытии которого приступили к восстановлению связи в районах, а также задались целью извлечь из тюрьмы тов. Лядова, Алешу и Нико Сакварелидзе. Временным начальником Шемахинского арестного дома, где находились наши товарищи, был назначен околодочный надзиратель, известный взяточник Вачиев. Мы начали вести с ним переговоры о замене лиц, сидящих в тюрьме.

После некоторых колебаний Вачиев согласился на замену лиц, за что потребовал за каждую смену по 150 рублей с лица. Договорившись с Вачиевым, мы стали подыскивать товарищей, которые добровольно захотели бы сесть в тюрьму. Первым без всякого принуждения отозвался на замену тов. Лядова, тов. Ляфас (кличка Святой), один из сознательных передовых рабочих Балаханского района. Два других товарища через несколько дней тоже были найдены.

Все было готово. Обо всем было передано тов. Алеше в тюрьму и он действовал изнутри, подготовляя почву и условия для незаметной замены товарищей.

Немедленно приступили к замене лиц. Сначала был взят тов. Лядов, а на второй день на очереди стоял тов. Нико. В это время жена Алеши тов. Варо сообщила о получении телеграммы из Кутаиса, где говорилось о том, что наводят справки об Алеше в Кутаисе. Медлить было нельзя; вместо Нико, нужно было взять в тот же день тов. Алешу.

Так и сделали. После взятия Алеши, когда на другой день в условленный час пришли за Нико, почему-то начальника тюрьмы не застали дома и так продолжалось два дня. При встрече он наотрез отказался заменить Нико, заявляя, что весь город уже знает об освобождении Але-

ши; как же, мол, он решится добавить к нему Нико. «Дайте мне Алешу обратно и возьмите все деньги, которые платили не только за Алешу, но и за Лядова вместе». Случайно тов. Нико, сам высокого роста, должен был быть обменен товарищем очень маленького роста. Начальник тюрьмы стал отказываться от такого обмена, столь невыгодного для него. Началась торговля, увеличили сумму денег и Нико тоже был взят из тюрьмы. Оставшиеся в тюрьме товарищи были разбиты на группы и отправлены в разные места, как например, в Карс и Ленкорань. К этому времени подоспела октябрьская революция 1906 года. Все товарищи были освобождены и вернулись обратно в Баку.

С. Жгенти.

Революционные дни.

До 1900 года я не слыхивал о каких-либо партиях. И лишь в этом году я, работая на заводе Шибаева, через т. Илью Новосельцева узнал о существовании на заводе кружка революционеров. В кружке состояли товарищи: Новосельцев, Глазырин, Чернявский, Немцев, Князев, Николаев (впоследствии перешедший в партию С.-Р.) и некоторые другие товарищи. Свою работу мы развивали в Белом городе и, главным образом, на заводе Шибаева. Чуть ли не каждый вечер мы читали какую-либо брошюру.

К 1901 г. наш кружок разросся до 15 человек. Как раз в период расцвета кружка мы избили одного городового и проломили голову доносчику на рабочих. Подозрение в участке пало на меня и на товарища Новосельцева. Меня с завода уволили, а товарищ Новосельцев получил расчет и скрылся из Баку.

После этого мне удается поступить в Черном городе на завод Нобеля, где я уже без всяких испытаний был принят в кружок, руководителем которого был тов. Бокачев И. Работа здесь кипела во всю, в особенности с появлением на заводе тов. Вано Стуруа. Под предлогом прогулок на «Нарген» и «Зых» мы устраивали общие собрания рабочих.

К концу 1901 года мы стали регулярно собирать членские взносы. Были даже случаи, когда беспартийные товарищи вносили в партийную кассу по 10—15 копеек.

Дальше я и тов. Стуруа начали выпускать на гектографе отчет кассы и агитационные листовки.

Работа еще больше оживилась с появлением тифлисских товарищей: Горишвили, Москулия и других.

В 1903 году несколько раз созывались митинги около «Волчьих ворот». На одном из таких собраний выступал провокатор Зеленцев. Он призывал к анархическим выступлениям. Против него выступал тов. Стуруа. Впоследствии этот провокатор был убит нашими товарищами.

В 1902 году (в марте или в апреле) Бакинская организация партии устраивает на Парапете первую в Баку демонстаацию. Рабочих на демонстрацию собралось очень много. Демонстрация обошлась без жертв.

Через несколько месяцев после этого была организована другая демонстрация. К ней власти уже были некоторым образом подготовлены. Чтобы отвлечь внимание казаков, мы подняли шумиху на Петровской площади, но это не помогло. Не успели мы поднять свое маленькое знамя, как на нас налетели казаки. Мы разбежались и вновь собрались на Парапете. Казаки бросились туда. Перебежка продолжалась несколько раз. Демонстрация закончилась тем, что прибывшему к месту «беспорядка» вице-губернатору проломили шашкой голову.

В 1903 году организация пользуется уж таким влиянием среди рабочих, что становится не трудным организация июльской забастовки. К рабочим явился первый пом. механика Чельман. Сидя на земле, окруженный рабочими, я прочел ему выставленные рабочими требования. После этого мы пошли останавливать мелкие заводы Черного города.

Следующая революционная вспышка—декабрьская забастовка 1904 г., провалившаяся благодаря предательству братьев Шендриковых. Помню, как на собрании, что происходило на горе »Стеньки Разина», после Алеши выступила шендриковская компания. Она сумела повести часть рабочих в Балаханы, где их встретили казаки. В результате было убито и ранено несколько рабочих.

Далее в помещении технического о-ва было созвано общее собрание. Дом был окружен казаками. Председательствовавший в это время Шендриков предложил всем у кого имеется оружие выложить его на стол. Затем поднялся шум и паника. Кто мог скрылся. Таким образом, забастовка провалилась.

Наступил 1905 год. Октябрьские дни закончились столкновением на Балаханской улице. Одновременно с нашими демонстрациями, которые продолжались в течении 3-х дней подряд, стали происходить демонстрации националистов, которые устроили в течении этих дней армянскую резню. В противовес им нами были организованы боевые дружины, а также назначены разведчики—я и еще один товарищ (еврей по национальности). Нам было предписано оружия с собой не иметь. Мы направились к собору, где собрались одни лишь русские и мусульмане, и где велась безобразная противо-армянская агитация. До сих пор не могу без смеха вспомнить какие низкие поклоны отвешивал в церкви мой товарищ. По окончании службы манифестанты двинулись на Набережную улицу к дому губернатора. Мы продвинули свою дружину вперед по Ольгинской улице. Поравнявшись с домом Алиева манефистанты стали разбивать лавки. Один из них произвел выстрел в дом, где большинство жильцов были армяне. Стрелявший здесь же был уложен нашими дружинниками. Последние открыли огонь по манифестирующим; казаки, не поняв в чем дело, также открыли по ним стрельбу и манифестация была разогнана. После этого манифестации больше не устраивались.

Помню еще один момент. Это было в 1906 году. В количестве более 150 товарищей мы собрались около Молоканской слободки (за заводом б. Левенсон). Через некоторое время туда прибыли казаки и предложили разойтись. Мы заявили, что доведем собрание до конца. Переговоры велись около 15 минут, после чего казаки стали нас вытеснять.

Мы решили дойти до балаханской мельницы и там разбежаться в разные стороны. Мы пошли; за нами шли казаки. Не успели мы поровняться с заводом Левенсон, как из-за угла бросились солдаты и прикладами стали загонять нас на завод. Первые из нас через окна конторы выбрасывались и спасались, но казаки об этом узнали, бросились к окнам и избивали всех, вылезавших оттуда. После этого к месту «происшествия» прибыло начальство, были произведены аресты и многие из наших лучших товарищей были отправлены в тюрьму.

Степан Черногородский (Горобченко).

Штрихи.

1902—1906 г.г.

1902 год застал меня помощником бурового мастера на промысле Каспийского товарищества. В то время господствовала самодержавная реакция, но несмотря на это в недрах пролетариата велась кропотливая и серьезная работа.

Вместе со мной работал партийный товарищ—Тимофеев, который первое время усиленно скрывал свою принадлежность к партийной организации. Товарищ Тимофеев, близко познакомившись со мною, стал подготавливать меня к партийной работе.

Работы было много. Днем приходилось работать на буровых—ночью ходить по казармам и вести агитацию среди рабочих. Тов. Тимофеев познакомил меня с партийными работниками—т.т. Троновым в Раманах, Лидией Колесниковой—в Балаханах, тов. Филатовым—в Забратах и друг.

В 1903 году мы подготавливали демонстрацию против самодержавия. В Черном городе в подвале амбулатории была устроена конференция, на которой присутствовало до 60 товарищей из разных районов. Конференция единогласно высказалась за демонстрацию.

Не помню в апреле или в июле в виноградном саду за Раманами в $3^1/_2$ час. утра собралось 20 товарищей и с пением «Марсельезы» двинулись по Раманинскому шоссе. Городовые пробовали нас остановить, но мы подняли красное знамя и продолжали свой путь. Городовые рассеялись. Тотчас же по телефону было дано знать Балахано-Сабунчинскому полицеймейстеру о начавшейся демонстрации. Навстречу рабочим были высланы казаки и стражники-лизгины. Первые стали стрелять залпами в воздух, последние же прямо в рабочих. В числе других товарищей был ранен и я. Это было первое наше столкновение с вооруженными силами царского правительства.

Приближался вечер: мы начали расходиться. Всю ночь казаки патрулировали в Балаханах и усиленно розыскивали главарей демонстрации.

В конце 1903 года к нам приезжают т. т. Джапаридзе и Канделаки. К началу 1904 года мы начинаем подготовку ко всеобщей забастовке на промыслах.

Забастовку нам удалось устроить только лишь в первых числах декабря. Она продолжалась целых 20 дней, но нефтепромышленники и слышать ничего не хотели об удовлетворении выставленных рабочими требований. Забастовщики били камнями оконные стекла, ломали форсунки на котлах, выпускали пар из котлов и т. д. Работа на некоторых промыслах была совершенно приостановлена, так как все рабочие участвовали в забастовке.

Помню: рабочие собрались около Сабунчинского тунеля и по дороге встретили ехавших на фаэтонах нескольких управляющих промыслами. Управляющие были стащены с фаэтонов, а фаэтоны отосланы обратно.

Прошло несколько дней. Белогородские рабочие стали собираться к 40 резервуарам, находящимся в селении Кишлы. Сюда пришли и черногородские рабочие. Состоялся митинг; тут среди наших товарищей произошли некоторые несогласия.

Со времени забастовки прошло 15 дней, но хозяева все не шли на уступки. По распоряжению Шендрикова на промыслах были устроены пожары. Капиталисты этого ожидать не могли; они вынуждены были пригласить для переговоров представителя рабочих. От балаханского района были выбраны 4 товарища—Эфендиев, я и двое других, имен которых я не помню. Мы поехали в город в контору Совета С‘езда нефтепромышленников. Последние командировали Достакова. Несмотря на долгие переговоры мы ни к какому соглашению прийти не могли и переговоры были прерваны. В это время глава меньшевиков Шендриков вел с капиталистами свои переговоры. Был заключен так называемый декабрьский договор, по которому рабочие оклады были увеличены с 16 до 22 рублей.

После декабрьского договора вполне определился раскол между большевиками и меньшевиками. У нас была организована боевая дружина, командиром которой сначала был некий Заликов, после же раскола—я. Нам приходилось обучать рабочих на полях маштагинского района.

4-го февраля 1905 года в Баку произошла армяно-мусульманская резня. Благодаря нашей энергичной агитации резня в Балахлнах была ликвидирована.

После японской войны реакция значительно ослабла и нам удалось организовать союз нефтепромышленных рабочих. Председателем правления союза был избран тов. Джапаридзе, членами президиума т. т. Тронов, Кузнецов, Якубов, Амир Аслан, Канделаки, Гамид и я. У нас была своя нелегальная типография, которая была спрятана в бане Совета С‘езда нефтепромышленников. Руководство типографией было вверено члену партии—женщине, фамилии которой я не помню. Чтобы сохранить типографию нам приходилась несколько раз перевозить ее с одного места в другое.

Наша организация стала издавать нелегальную газету «Гудок» и «Пиршад». Обе газеты вскоре были закрыты за печатание в них революционных статей и программы партии «Гуммет». Мне даже пришлось арестовать на одни сутки своего отца—старшину, который хотел донести приставу про нелегальную типографию.

В октябре 1905 года мы вновь с‘организовали манифестацию, которая была рассеяна вооруженной силой.

В 1906 году реакция опять усилилась и преследования рабочих и рабочей прессы возобновились с прежней силой. Товарищ Джапаридзе и я были арестованы. Я просидел в тюрьме 5 месяцев, а тов. Джапаридзе был приговорен к ссылке на 5 лет.

М. Мамед‘яров.

Ганджинское подполье.

(1905—1920 г.).

Ганджа сыграла немаловажную роль в революционизировании крестьянства и эту роль с достоинством может отметить история нашей коммунистической партии.

Первая «группа» социал-демократов.

Свое начало партийная работа берет еще с 1905 года в период, когда Россию захлестывают волны буржуазной революции. В этот период зашевелилась и общественная жизнь ганджинской провинции. Среди небольшой кучки местной интеллигенции впервые зарождаются идеи социал-демократической партии. Руководители идеи т.т. Сурен Осипян (расстрелянный в числе «26») и Мравьян организовывают в Гандже первую социал-демократическую группу. Приезд тов. Шаумяна облегчает организационную работу группы. Первоначальная деятельность социал-демократов была направлена в сторону политического самовоспитания, путем устройства кружковых собеседований по программе и задачам социал-демократической партии. Группа вела работу против дашнакской организации и царского чиновничества. Для ведения печатной агитации членами «группы» через сочувствующих рабочих похищаются из типографии Тарумова шрифты.

Дашнакская реакция.

Спустя несколько месяцев, разыгрываются армяно-мусульманские события на Кавказе, а в частности в Гандже, под влиянием реакционных действий дашнаков и мусульманских национал-шовинистов: прекращается текущая работа социал-демократов, благодаря травле дашнаков. Безумство дашнаков доходило до того, что они насильно заставляли социал-демократов и сочувствующих итти с оружием в руках против мусульман. Такой случай был с т. Осиповым, который, за отказ итти против мусульман, командиром дашнакского отряда Сепухом был избит и посажен в тюрьму.

Связь с Питером.

В последующие 1908 и 1909 годы за от'ездом некоторых товарищей организация распалась и только в 1910 году работа несколько оживает с приездом товарищей из разных мест. Тов. Мравьян в то время, как питерский студент, завязывает информационную связь с ганджинской группой, посылает из Питера литературу, политические брошюры, служившие предметом не только самообразования, но и подпольного распространения.

В 1912 году, благодаря продолжавшейся связи с Питером, начинается усиленный приток литературы, появляются в Гандже подписчики на центральные большевистские газеты, что вызывает слежку со стороны царских чиновников. Начались аресты некоторых членов организации. До 1915 года работа с перебоем продолжается в том же духе, и только в конце 1916 года работа заметно ширится и принимает массовый характер.

Раскол.

В марте 1917 года приезжает из Тифлиса т. Мравьян с целью организации комитета С.-Д. Р. П. большевиков. На следующий месяц в организации происходит раскол, обнаруживаются левое и право течения.

Социал-демократы большевики в об'единенный совет раб., сов. и солд депутатов гор. Ганджи проводят четырех представителей, в городскую думу—трех и одного в гражданский исполнительный комитет. С этого момента социал-демократы большевики завоевывают авторитет в массе и в частности среди железнодорожных рабочих ганджинского узла, налаживают связь с тифлисским комитетом большевиков, ведут работу среди войсковых частей и среди мусульман трудящихся. К началу 1918 года партийная работа вновь замирает.

Приезд тов. Шаумяна.

В феврале 1918 года организация большевиков вновь налаживается. Этот момент совпал с проездом из Баку в Тифлис тов. Шаумяна за получением мандата чрезвычайного комиссара по Кавказу, привезенного т. Камо из Москвы.

Шамхорские события приостановили дальнейшее следование в Тифлис и тов. Шаумян останавливается в Гандже до благополучного момента. По инициативе комитета большевиков т. Шаумян выступает на многолюдном митинге. В своем выступлении он безбоязнено давал правильную оценку событиям и пророчествовал о неизбежной победе рабочего класса и трудящихся крестьян, и вызвал восторг у своих слушателей. При полном содействии местных товарищей т. Шаумяну удается в зимнюю стужу через Каракилис по горам пробраться до Тифлиса, где начинаются попытки организации центральной советской власти на Кавказе.

Печать и работа среди демобилизованных.

Присутствие т. Шаумяна в Гандже несколько подбадривает местных товарищей и они энергично продолжают развивать работу. Ими была организована первая подпольная газета «Бюллетень Кавказского Рабочего», вышедшая за неимением средств только в 7-ми номерах; печатались прокламации с целью сближения трудящихся армян и мусульман, устраивались спектакли в пользу партийного фонда, где впервые был громогласно пропет «Интернационал» и вывешено на сцене знамя с надписью «Без большевистской России нет спасения». Работа среди мусульманской части города была поручена т. Якубову, впоследствии расстрелянному дашнаками. Налаживается регулярная связь с Баку путем тайных переговоров по телефону.

Ячейкой, существующей на вокзале, ведется агитация за советскую власть среди демобилизованных солдат, приглашая последних для захвата города и об'явления советской власти; но деморализованное настроение не поддавалось никакой агитации большевиков,—они безудержно стремились на родину.

Гонения на большевиков.

С прибытием турок в Ганджу начинается повсеместное преследование большевиков. Существующие в городе ячейки распадаются, их члены эмигрируют в уезды, где продолжают работу среди крестьян.

Окружной комитет.

С уходом турок краевым Комитетом партии поручается тов. Тер-Степанову организовать подпольный окружной комитет (бол.). С организацией окружного комитета, распавшиеся в городе ячейки восстанавливаются, они насчитываются уже в количестве 5-ти. Окружной комитет усиливает работу среди тюрок. Через посредство выделенных организаторов т.т. Гаджиева, Джебиева и Расул-Заде ведется усиленная пропагандистская работа среди беднейших мусульман города и районов. Партийная работа распространяется и на войсковые части национального муссаватского правительства. Усилиями военных коммунистов появляется первая ком'ячейка среди аскеров.

Ряды партийных товарищей постепенно увеличиваются. Комитет обращает серьезное внимание на работу по уездам. Ряд намеченных товарищей безвыездно работают в уездах: Казах и Шамхор. Под идейным руководством подпольного окружного комитета Казахский уезд отличается исключительной своей революционностью. В то время, как многие уезды Ганджинской губернии, благодаря подлой политике дашнаков и муссаватистов, были постоянными об'ектами национальной резни, казахское население и мусульмане и армяне нагорной части Карабаха поддерживали между собой добрососедские отношения. Власть муссаватского правительства почти не распространялась на этот уезд, несмотоя на безнадежную карательную экспедицию, предпринятую эс-эром Карашарли. Даже были случаи, когда крестьяне по земельным вопросам обращались за советом к членам партии, это лишний раз доказывает насколько крестьяне Казахского уезда высоко ценили авторитет партии и отдельных ее членов. Помимо того, окружным комитетом велась работа и в области организации профессионального союза. Профессиональный союз насчитывал в своих рядах до двухсот человек; были проведены две забастовки экономического характера.

Об'единение Р. К. П. с партией «Гуммет».

В сентябре 1919 года явилась жизненная необходимость об'единить работу большевиков с тюркской партией «Гуммет». Об'единение было достигнуто на совместном совещании с членами «Гуммет», формальному об'единению ставилось затруднение в том, как назвать партию «Р. К. П.» или «Гуммет», поэтому ожидали распряжения центра. Формальное об'еди-

нение не препятствовало ведению совместной работы. В работе соблюдается единое руководство и общность партийных интересов. Предпринимается кампания по организации ком'ячеек. Первой организуется Славинская ком'ячейка, затем в селе Ново-Гореловке. Ново-Спасовке, Саратовке и Ново-Ивановке. Вслед за тем усиленным темпом началась организация ком'ячеек по всем мусульманским и армянским селам.

Коммунистическая пропаганда.

Коммунистическая пропаганда настолько глубоко пустила корни в уездах, что в некоторых районах громадное большинство крестьян шли за коммунистическую партию, в то время, как государственная партия «Муссават» бойкотировалась. Чувствуя приближение падения «Муссавата», окружной комитет под председательством Ибрагима Алиева, желая овладеть крестьянской массой, использовывает перепись муссаватск. правительства в интересах партии; несколько энергичных партийных товарищей намечаются в качестве переписчиков, окружной комитет дает секретное задание одновременно вести успешную агитацию за Советскую власть. Муссаватское правительство, видя все усиливающееся влиянне большевиков, предприняло ряд репрессивных мероприятий. Близость падения муссаватского правительства побуждала большевиков не падать духом. Спустя несколько дней из Баку были переведены 13 арестованных коммунистов в Ганджинскую тюрьму. По заданию Краевого Комитета партии организовывается нелегальный «Красный Крест» для оказания материальной помощи томящимся в тюрьме.

Первый с'езд А. К. П.

В феврале 1920 года созывается в Баку первый с'езд АКП, куда выезжают делегаты от Ганджинской организации коммунистов-большевиков.

С момента советизации Ганджи начинается активная и легальная работа.

М. Шахбазов.

Петр Монтин.

Высокий, широкая кость, простое лицо, молодой пушок, теплые русские глаза...

Черногородский слесарь Петр Монтин.

Один из первых «сознательных» рабочих в Баку.

Первый пропагандист из рабочих.

Скромный, преданный, сильный.

С детской улыбкой и энергией неисчерпаемой.

Петр Монтин—заря революции...

Если бы он жил теперь—он был бы, вероятно, одним из лучших политиков, администраторов, вышедших из рабочей среды.

Из тех, которые делают лицо новой России.

И составляют ее душу.

Этот высокий, застенчевый человек был популярен на заводах и промыслах, как никто.

Ему верили инстинктивно, к нему «лежала душа».

Он заражал своей энергией.

Своим образом.

Просто, естественно, без фразы и позы, он делал геройскую, опасную работу.

Распространял «литературу», говорил на заводском митинге, голосовал на тайном «международном» собрании.

Он был рабочий революционер и делал свое революционное дело так же просто и необходимо, как поют птицы.

Он часто пел сам мягким, теплым баритоном революционные и народные русские песни.

Каким утешением были песни Монтина, эта бесхитростная поющая душа для нас, политических арестантов в бакинской, а потом в кубинской тюрьме!

Сиреневые сумерки, молчание тюремного двора, заросшего травой, небо и одиночество, и тихая песня Петра, его грустный милый голос:

«Вы жертвою пали в борьбе роковой»...

И через миниту—веселое, молодое, задорное, украинское:

«Наварила, напекла
Не для себе—для Петра»...

Нас «гнали этапом» из Баку в Кубу.

Были—зеленая земля, гортанный говор аулов, запах костров, усталость и ночные росы.

Конвойные были злы и тупы, придирались к каждому шагу, звенели цепи, и только обаятельный Петр, только эта ласковая народная душа нашла какой-то путь к сердцу русских мужиков, переодетых солдатами.

Стало весело, шли «вольно», пели песни, и впереди Монтин, обняв широкую спину солдата, говорил ему о «земле и воле»...

И пели все вместе:

«Ой лыхо, не Петрусь,
Бело личко, черный ус».

Из кубинской тюрьмы нас освободил 1905 год.

Поезда не шли.

На станции Хачмаз Петр Монтин, взобравшись на паровоз, ловкими руками нащупывал его механические секреты.

—Сам повезу! Ей богу, повезу!

И смеялся молодо.

Но телеграмма стачечного комитета железнодорожников из Баладжар решила задачу:

—«Дать политическим, освобожденным из кубинской тюрьмы, экстренный поезд».

В Баладжарах на станции были генеральши и статские джентльмены, задержанные в пути всеобщей забастовкой.

Мы отправились на митинг железнодорожников, и здесь Монтин скромно и убежденно сказал:

—Товарищи, революция победит, если не сейчас, то через десять лет.

И разве не был он прав?

Нам дали паровоз и к нему прицепили «ученический» вагон.

Генеральши и статские джентльмены, застрявшие в Баладжарах из-за забастовки, глядя на нас, спокойно отбывающих в Баку, шипели:

—Кончилась Россия.

В Баку застали мы армяно-татарский погром, горящие дома, патриотические шествия с портретами Николая Романова.

Монтин с головой окунулся в работу, кипел, улыбался, пел...

И однажды, в светлые, бакинские сумерки, когда небо так высоко и призрачно, шел Петр Монтин по узкой улице, по Татарской.

И улыбался, высокий, простой, ласковый.

Вдруг он упал.

Пуля из-за угла, пуля черносотенца из «союза русского народа» убила Монтина.

Когда его хоронили—были десятки тысяч людей на улицах Баку.

Реяли красные знамена.

Полиция была бессильна помешать этому шествию печали и борьбы.

Он умер рано, Петр Монтин, слишком рано.

Теперь он был бы среди первых, но ему первому теперь—венок первых воспоминаний.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

